

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 5

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 5

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Волкова Т. Ф., Крюкова А. А.</i>	
<i>Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г.</i>		Древнерусские эсхатологические сочинения в составе печорских рукописных сборников	68
«Ползущие-шипящие»: наименования понятия «змея» в вепском языке (на основе диалектных и фольклорных материалов)	8	<i>Черняк М. А.</i>	
<i>Каракин Е. В., Паикова Т. В.</i>		Детская литература в «толстых» журналах: к во- просу о трансформации модели детского чтения	77
Атрибуты <i>ruta</i> и <i>tuhmi / tuhna</i> как номинации некрасивого человека в карельском языке	15	ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА	
<i>Краснобаева-Черная Ж. В.</i>		<i>Тимошкина М. И., Шарапенкова Н. Г.</i>	
Фразеологическая репрезентация монетарных установок	21	Трансформация романтической традиции в про- изведениях Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта	85
<i>Малыхина Т. М., Кузьмина А. В.</i>		<i>Зарьтовская В. Н.</i>	
Состав и семантика наречий времени в тексте русской народной лирической песни	30	Нагиб Махфуз – лауреат Нобелевской премии по литературе из Арабского мира: первый или един- ственный?	95
<i>Скребцова Т. Г.</i>		ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
<i>В натуре, по жизни, в реале, по факту: новые маркеры реальности . . . . .</i>	36	<i>Иванова Т. Г.</i>	
<i>Соболева А. Е.</i>		Образ Москвы в русском эпосе и былинная тра- диция Московского региона	100
Церковнославянский vs рутенский: о языке Ви- ленской псалтыри	44	Рецензии	
<i>Хорохорин П. А.</i>		<i>Тарланов З. К.</i>	
Модели интеграции карельской ойконимии -l-ового типа в официальную русскую топонимическую	55	Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Историческое про- странство в былинах	113
КЛАССИЧЕСКАЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ		Юбилей	
<i>Урумиду В. Г.</i>		К 90-летию со дня рождения С. М. Лойтер	115
Исследование двуязычных русско-греческих / греческо-русских словарей онлайн-формата	62	Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 28.06.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 42 экз.). Изд. № 58

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

EDN: LHNWJA

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор *А. В. Пигин*

Alexander V. Pigin,
Deputy Editor-in-Chief,
Dr. Sc. (Philology), Professor

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Июньский номер посвящен вопросам языкознания, литературоведения и фольклористики. Среди лингвистических публикаций отметим серию статей, в которых освещаются проблемы изучения вепсского и карельского языков (статьи О. Ю. Жуковой и Н. Г. Зайцевой, Е. В. Каракина и Т. В. Пашковой, П. А. Хорохорина) в их связях с фольклором, русской топонимией и т. д. Прибалтийско-финские языки – приоритетная для науки Карелии и традиционная для нашего журнала область знания. Несомненный интерес представляет статья А. Е. Соболевой о соотношении церковнославянского и западнорусского (рутенского) языков в рукописном памятнике XVI века Виленской псалтыри. Рукописной книжности более позднего времени посвящена статья Т. Ф. Волковой и А. А. Крюковой. Здесь представлен корпус древнерусских эсхатологических сочинений в старообрядческих сборниках Нижней Печоры XVIII–XIX веков, изложены некоторые результаты их текстологического изучения. М. А. Черняк исследует материалы заочного круглого стола «Только детские книги читать» в журнале «Дружба народов» (2015–2022). Различные вопросы изучения зарубежной литературы – западноевропейской, американской и арабской – поднимаются в статьях В. Н. Зарытовской, М. И. Тимошкиной и Н. Г. Шарпенковой.

Известный российский фольклорист Т. Г. Иванова публикует в журнале статью о топониме *Москва* в русских былинах и о тех вариантах былин, которые были записаны в Московском регионе. Данная тема отражена и в монографическом исследовании Т. Г. Ивановой «Историческое пространство в былинах». Рецензию на эту недавно вышедшую книгу читатель также найдет в настоящем номере журнала (автор – З. К. Тарланов).

Завершается номер поздравлением с 90-летием Софьи Михайловны Лойтер – профессора, доктора филологических наук, признанного в России и за рубежом специалиста по детской литературе и фольклору, постоянного автора и рецензента нашего журнала. Присоединяясь к этим поздравлениям, хочу пожелать Софье Михайловне – моей коллеге и доброму другу – здоровья, оптимизма и творческого вдохновения!

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЖУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9527-7982; olgazhukovaveps@mail.ru

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, независимый исследователь (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

«ПОЛЗУЩИЕ-ШИПЯЩИЕ»: НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗМЕЯ» В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ (на основе диалектных и фольклорных материалов)

А н н о т а ц и я . В ареальном, этимологическом, семантическом, лингвогеографическом аспектах рассмотрены наименования понятия «змея» в диалектах вепского языка и в вепском фольклоре, прежде всего в наиболее древних формах заговоров от укуса змеи. Как свидетельствуют исследования, в прибалтийско-финском языковом ареале из-за плохого знания змей людьми одни и те же названия могут даже в одном населенном пункте обозначать разные виды змей или выступать в качестве их общего наименования, что подтверждается и данными вепского языка. В диалектах вепского языка в наименовании змеи сохранилось прибалтийско-финское (*mado*, *vaskič*) и даже уральское (*kii*) наследие, нашедшее место и в фольклоре в более древнем фонетическом воплощении лексемы *kii* (*kija*, *kihi*, *kihikeine*, *tihikiine*); в диалектах представлены заимствования из русского языка (*gad*), а также возникли собственно вепские лексические элементы (*ujeli*). Наименования понятия «змея» в вепском фольклоре описательны, представлены формами существительных и причастий, определяя номинацией облик животного ('клубок, плохой клубок' – *kereine*, *tühj kereine*; 'полоска ивовой коры' – *pajusarg*; 'злоба' – *pahust' paha*; 'шипение и свист' – *šihaidajad-šahaidajad*, *šiherič-viherič* и т. д.). Сдвоенные наименования, употребляемые в фольклоре, характеризуются аллитерацией (*pahust' paha*, *kandoiden kabičii*). Возникновение описательных названий змеи в фольклоре может объясняться как табу на произношение имени опасного животного, так и особенностями языка фольклора.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прибалтийско-финские языки, вепский язык, номинация, лексика, этимология, семантика, заговор, лингвофольклористика, этнолингвистика

Б л а г о д а р н о с т и . Авторы выражают искреннюю благодарность гл. инженеру по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой за помощь в технической подготовке лингвистических карт.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. «Ползущие-шипящие»: наименования понятия «змея» в вепском языке (на основе диалектных и фольклорных материалов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1053

ВВЕДЕНИЕ

Образ змеи в культурных традициях народов, их верованиях, связь его с различными сказочными и иными сюжетами постоянно привлекают внимание этнологов и фольклористов. Этнографическая литература утверждает, что «змея – один из центральных и ключевых персонажей в системе народных представлений о животном мире» [3: 357]. Однако отражение мотивов

наименований в языке – это уже иная сторона проблемы, которая исследована на материале отдельных языков или их групп не так подробно.

Вепскому народу, язык которого внесен в «Красную книгу языков народов России» еще в 1994 году [5: 21–22], определенно повезло относительно исследования «комплекса представлений о змее», поскольку имеется монография этнолога И. Ю. Винокуровой, посвященная жи-

языке лексемой *kuu* называют дикую ядовитую змею (*Vipera berus*)⁸.

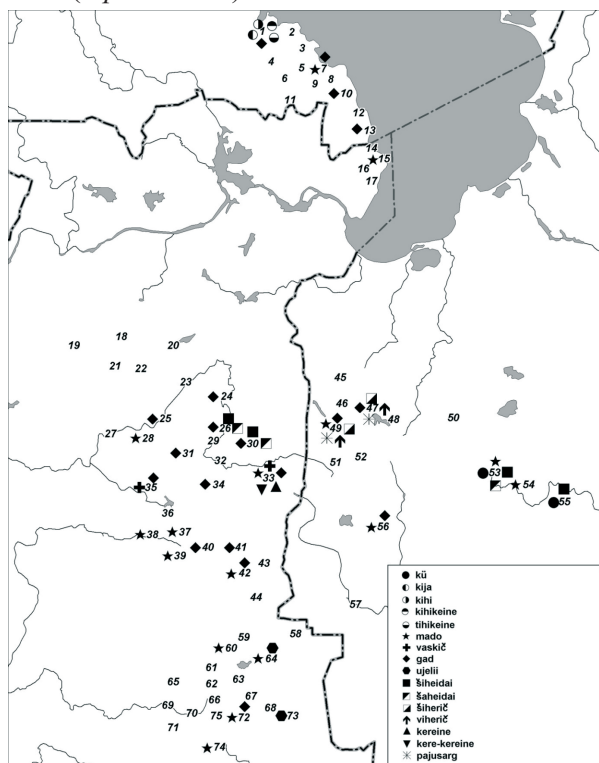

Рис. 2. Наименования понятия «змея» в диалектах вепского языка и в вепском фольклоре. Карта подготовлена главным специалистом по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой

Figure 2. Names for the concept “snake” in the dialects of the Vepsian language and Vepsian folklore. The map was prepared by N. L. Shibanova, Chief Information Technology Engineer at the ILLH (KarRC RAS)

В диалектах вепского языка лексема *kü* также редка. Ее употребление отмечено лишь на самой восточной окраине средневепского ареала – в пункте Войлахта, где она и сейчас бытует в качестве единственного варианта названия понятия «змея», вопреки всем пометам в диалектных и этимологических словарях относительно ее фольклорного характера. Кроме того, из всех диалектных вариантов наименований змей в вепском фольклоре особыми рефлексими обладает именно лексема *kü*, о чем более подробно речь пойдет ниже.

В вепском языке довольно широко в значении ‘змея’ употребляется прибалтийско-финская лексема *mado*. Ее считают германским заимствованием⁹. В вепских диалектах лексема *mado* даже не имеет иных фонетических вариантов, объединяя язык в единое целое.

В южновепском ареале змею называют словом *ujelii*, которое является субстантивированным причастием презенса глагола *ujelda* ‘плавать; ползать’, то есть дословный перевод лексемы *ujelii* ‘плавающий; ползающий’. Дан-

ное наименование змей больше напоминает табу: змей всегда пугались и боялись называть, страшась именем накликать ее появление. Впоследствии наименование *ujelii* закрепилось за названным понятием, однако оно не продвинулось за пределы южновепского ареала в иные вепские говоры.

Кроме того, по наблюдениям И. Ю. Винокуровой, в языке вепских сказок змея, «как правило, фигурирует под двумя названиями: *gad* и *zmei*» [1: 175]. Полагаем, что наличие заимствованных лексем *gad* и *zmei* может отчасти свидетельствовать и о заимствовании вепсами некоторых сюжетов русских народных сказок со змеями.

МОТИВЫ НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗМЕЯ» В ВЕПССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

При анализе фольклорных наименований змей выяснилось, что они отличны от общевепских обыденных лексем. Как показал наш анализ, в вепском фольклоре, который, к сожалению, практически не исследован, наименований змей довольно много. Ранее они совсем не попадали в поле зрения лингвистов, в результате чего даже не представлены в достаточно богатом диалектном словаре М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен¹⁰. Авторы данной статьи попытались дополнить лингвистическую карту «Лингвистического атласа вепского языка»¹¹ по вепскоязычным наименованиям змей материалом, который им удалось найти в фольклорных источниках, образцах вепской речи, Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, личных коллекциях.

В вепской заговорной традиции среди произведений лечебно-магической направленности обнаружено значительное число заговоров от укусов змей – *mado* (*gadan*) *kokaiduses*. Это свидетельствует о наличии различных профилактических ритуалов по защите от змей в обрядовой практике вепсов [2: 266–267]. При укусе змеи обычно обращались за помощью к знающему человеку, который прибегал к магическим действиям с произнесением заговора, напр.:

*Must kü, hahk kü, kirg'au kü, vaugd kü, vaskne kü, tundod, kus kodi, koivus kodi, aidakočkus elo, pahust paha, mäno maha...*¹² ‘Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, знаешь, где дом? На березе дом, в закулке житье. Злобное зло, уходи в землю...’ (здесь и далее перевод наш. – О. Ж., Н. З.)

Заговорные тексты от укуса змеи имеют иную структуру в отличие от других лечебных заговоров. В них выделяется обращение к источнику боли, угроза, изгнание болезни или требование забрать боль. Очевидно, эти тексты представляют более ранние формы традиции [4: 76].

По рассказам информантов, при характеристиках змей принимался во внимание прежде всего цвет, напр.:

*Must mado, rusked mado, kirjuu mado, pakuine mado, vaskič mado, kurdiž mado, minä sinun kodin tedan, sinun kodi korbes, pert' sinun penzhas*¹³. 'Черная змея, красная змея, пестрая змея, желтая змея, медная змея, глухая змея, я твой дом знаю: твой дом в чаще, дом твой в кустарнике'.

Рассказчики затруднялись ответить на вопрос, какого цвета змея наиболее опасна. Этнологи с осторожностью пишут, что «можно говорить о каких-то ценностных ориентациях вепсов в области цвета» [1: 154], хотя эти ориентации пока ими не выявлены, а в номинации, как показал наш анализ, цвет змей также не нашел своего отражения. Прием перечисления, так называемое нанизывание цветов, встречается в заговорах разных народов. Отмечается, что само перебирание названий цветов уже воспринималось как некое магическое воздействие. Представленные же в одном тексте цветочные эпитеты создают негативный подтекст [6: 36–37]. Существует мнение, что этим приемом «достигается некая упорядоченность и конечность, свойственные вообще культуре и противопоставляющие ее природе» [7: 123].

НАИМЕНОВАНИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1. Kii. Как уже было отмечено, редкая лексема *kii* 'змея', обладающая прауральскими корнями, в вепском языке наиболее древняя, в настоящее время она функционирует лишь в восточновепском говоре. Кроме того, в вепских заговорах она употреблена в фонетических вариантах, которые не встречаются в обыденной речи вепсов. В образцах северновепской речи первой половины XX века, записанных в с. Шокша, именно в заговорах отмечены экзотичные – раритетные – варианты лексемы *kii*: *kija* и *kih*¹⁴. Причем эти варианты, по мнению этимологов, даже более древние, нежели *kii*, близки к праформе, заимствованной из германских языков, в качестве которой этимологи предполагают вариант **kije* ~ **kije*¹⁵. В вепских заговорах эти лексемы звучат, например, так:

Kija, kija, kijakaine, hahk kija, vouget kija, kird'av kija, must kija...¹⁶ 'Змея, змея, змейка, серая змея, белая змея, пестрая змея, черная змея...'

В с. Шокша представлен и другой, не менее своеобразный вариант слова – *kih* (*kihakeine* – Dim), где во втором слоге выступает согласный *-h*, в результате чего слово приобретает дополнительное дескриптивное звучание, напоминающее шипение змеи:

Kih, kihakeine, hahk kihakeine, vouget kihakeine, kird'av kihakeine, must kihakeine...¹⁷ 'Змея, змейка, серая змейка, белая змейка, пестрая змейка, черная змейка...'

В статье финского лингвиста А. Турунена из этого же северновепского с. Шокша представлен еще один фонетический вариант данной лексемы – *tihikiine*:

Tii, tii, tihikiine, vouged tihikiine, must tihikiine, kird'av tihikiine!¹⁸ 'Ти, ти, змейка, белая змейка, черная змейка, пестрая змейка!'

Возможно, в этом случае в фонетическом варианте *tihikiine* сказались влияние сдвоенного междометия *ti-ti*, которое стоит перед лексемой – названием змеи, что вызвало переход (аллитерацию) *k > t*.

2. Kera (dim.: keraine, kereine). Змею в заговорах именуют также диминутивной формой лексемы *ker* 'клубок' → *keraine, kereine* '(Dim) клубочек':

*Tühj kereine, kere-kereine*¹⁹ 'Плохой клубочек, клубочек...'

В принципе, в данном случае образ и мотив наименования змеи прозрачны, поскольку последние свиваются в клубок. Здесь существенную нагрузку при определении образа змеи несет на себе прилагательное *tühj* 'плохой; пустой, порожний', которое часто в этом случае употребляется рядом с существительным *keraine*: *tühj keraine* 'плохой клубочек'. В русских говорах Пермского края клубком называют ежа²⁰, что вполне объяснимо. Однако вряд ли вепское наименование змеи *keraine* является калькой с русского языка; полагаем, что данный мотив, легший в основу наименования змеи, прозрачен и возник в языке вепсов самостоятельно.

3. Pajusarg. В говорах восточных вепсов змею в заговорах могут называть сложным существительным *paju / sarg* 'полоска, продолговатый кусок ивовой коры':

Šiherič-viherič, eidaluine pajusarg...²¹ 'Шипящая-свистящая, подзаборная полоска ивовой коры...'

Ивовую кору заготавливали, сдирая и сматывая в мотки, а затем использовали для дубления кожи. Тонкие серые полоски, напоминающие змею, и легли в основу данного образа. В приведенном отрывке заговора образ конкретизирован еще и тем, что в нем указано место обитания змеи – под забором ('подзаборная полоска'), что и придает в этом случае эмоционально отрицательное отношение к змее.

4. Pahust' paha. Поскольку змея приносит зло своими укусами, то и это послужило мотивом наименования змеи: *pahust' paha* 'злбное злое; злбное зло' в следующем отрывке заговора:

...pahust' paha, mäno maha...²² '...злбное злое (злбное зло), уходи в землю...'

5. Šiherič-viherič. Двойное название змеи *šiherič-viherič* образовано от глаголов *šihaita* 'шипеть' и *viherta* (< *vihel'ta*) 'свистеть':

*Šiherič-viherič, eidaluine pajusarg...*²³ ‘Шипящая-свистящая, подзаборная полоска ивовой коры...’

Глагол *šihaita* является дескриптивным, или как его еще называют в этимологическом словаре – ономатопоэтическим, входящим в прибалтийско-финский древний лексический фонд во многих фонетических вариантах (см. *sihistä, sähistä, pihistä* ‘шипеть’²⁴). Глагол *vihel'ta* ‘свистеть’, давший начало названию *viherič*, этимологи также называют ономатопоэтическим, но не дескриптивным. Данный глагол является более редким, обладающим восточно-прибалтийско-финскими корнями (финский, карельский, вепсский), который связан с другим глаголом *vihistä* ‘шипеть’, что также близко к тематике по змеям²⁵.

Отметим, что в названных вариантах наименования змеи выявляется суффикс *-ič*, который довольно продуктивен в языке вепсов, придавая новому слову сходство с тем, что обозначено коренным словом. Однако суффикс *-ič* является отыменным, образующим новые слова от имен прилагательных (*kover* ‘кривой’ – *koverič* ‘горбун’) или от имен существительных (*priha* ‘парень’, *prihač* ‘парнище’). В названии же змеи *šiherič-viherič* употребление суффикса *-(i)č* необычно, поскольку он осуществляет образование нового слова от глагола, тем не менее это оказалось возможным, даже необыкновенно колоритным и вполне понятным, поскольку новое слово семантически тесно связано со старой основой, характеризующей змею. Возникшее новое слово для наименования змеи в этом случае даже нарушило правила словообразования в угоду аллитерации, которой вепсы искусно владели.

НАИМЕНОВАНИЯ-ПРИЧАСТИЯ

В качестве наименования понятия «змея» в фольклоре используются также причастия, которые особым образом характеризуют природу змеи, дают ей определенные дополнительные характеристики. Это причастия презенса, образованные прежде всего именно от дескриптивных глаголов со значением ‘шипеть’, ‘шуршать’, ‘скоблить’ (*šiheita* ‘шипеть’ → *šiheidai* ‘шипящий’; *šaheita* ‘шуршать’ → *šaheidai* ‘шуршащий’, *kabita* ‘скоблить, скрести’ → *kabičii* ‘скребущий’):

*Šiheidajad-šaheidajad, tedan minä tiiden kodin...*²⁶ ‘Шипящие-шуршащие, знаю я ваш дом...’

*Kandoiden kabičii, onziden onduste*²⁷ ‘Пни скребущая, дупла разоряющая’.

Дескриптивные глаголы, приведенные в данных примерах, также обладают праприбалтийско-финским происхождением *sihistä*²⁸. Наименования змеи, образованные от названных глаголов, в этом случае характеризуют ее

как злобное, шипящее и шуршащее существо. Отметим, что причастие *onduste*, употребленное в последнем примере, сложно объяснить, поскольку подобного глагола, который послужил бы основой для причастия, в вепсских диалектах не существует. В языке имеется существительное *onduz ~ onz* ‘дупло’, и, очевидно, для аллитерации образована форма причастия презенса *onduste* от несуществующего глагола, которая из контекста тем не менее ясна по своему содержанию, она создает дополнительную яркую характеристику змеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при анализе материала были выявлены наименования понятия «змея» в обыденной диалектной речи вепсов, а также в фольклоре, прежде всего в заговорах. Анализ источников свидетельствует, что в обыденной речи одни и те же названия змей вследствие плохого знания их людьми могут даже в одном населенном пункте обозначать разные виды змей, а также выступать в качестве их общего наименования.

В диалектах вепсского языка в качестве названия змеи употребительны пять лексем: *kü, mado, vaskič, ujelii, gad*. Лексема *gad* является общевепским заимствованием из русского языка. Заимствованная также из русского языка лексема *zmei* встречается в речи вепсов, однако при целенаправленном опросе выявилось, что она недостаточно освоена вепсским языком в обыденной речи и чаще всего употребляется в текстах сказок, где ее наличие может быть обосновано заимствованным сюжетом сказок. Все иные названия змей являются прибалтийско-финским наследием, за исключением лексемы *ujelii* ‘ползающая’, которая функционирует только в южно-вепсском диалекте. Наиболее древнее название змеи – *kü* принадлежит уральскому пласту лексики. В языке вепсов оно отмечается как в диалектной речи, так и в языке заговоров, но в заговорах, как показал наш анализ, у нее существуют собственные фонетические и словообразовательные варианты (*kihi, kijakeine, tijakeine* т. д.), которые являются более древними. Очевидно, заговоры, где в качестве персонажа выступают змеи, – довольно древние в языковом отношении, что послужило сохранению подобного варианта наименования змеи.

В целом же наименования понятия «змея» в заговорах совершенно иные. Они могут быть суффиксально образованными существительными (*kereine, tühj kerein, pajusarg, pahust' paha*) и причастиями, описывающими шипение и свист (*šiheidajad-šaheidajad, šiherič-viherič*), царапание и разорение (*kandoiden kabičii, onziden*

ondustei), которые ярко характеризуют природу змеи. При номинации употребительны также сведенные лексемы, объединенные созвучием или аллитерацией. Данное явление свойственно поэтике фольклорной традиции как родственных прибалтийско-финских народов, так и вепсов, что связывают прежде всего с устойчивым ударением на первом слоге в данных языках [8: 19]: *pahust' paha* 'злобное зло', *kandoiden kabičii* 'гни

скребущая'; *paha pajusarg* 'злая полоска ивовой коры' и т. д.

Возникновение описательных названий змей в фольклоре (прежде всего в заговорах) связано со стремлением не называть змею ее прямым именем. В языке был некий запрет, табу на произношение ее имени. Но вполне возможно, что этот факт является также и ярким примером особенностей фольклорной речи вепсов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вепские говоры населенных пунктов, упоминаемых в статье, и их расположение на лингвистической карте (рис. 2):

- 1 – Шокша (Šokš-Š), северновепский диалект
- 30 – Подовинники-Азмозеро (Rihaluine-Rih), средневепский диалект
- 33 – Ладва (Ladv-L), средневепский диалект
- 47 – Шимозеро (Šimgär'-Šim), средневепский диалект
- 49 – Кривозеро (Värasjärv-Vär), средневепский диалект
- 53 – Пондала (Pondal-Pnd), средневепский диалект
- 55 – Войлахта (Voilaht-VI), средневепский диалект

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ) / Под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 206.
- ² Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. S. 149.
- ³ Там же. S. 149.
- ⁴ Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Unter Mitarbeit von M. Bakró-Nagy, S. Gsúcs, I. Erdélyi, L. Honti, É. Korenchy, E. Sal, E. Veres. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Vol. I–III. P. 154; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. S. 467.
- ⁵ Atlas Linguarum Fennicarum... S. 139–149.
- ⁶ Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.; Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 378 с.; Lyudiläismurteiden sanakirja. Toimittanut J. Kujola. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543 s.
- ⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1974. S. 540.
- ⁸ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WSOY, 2007. S. 536.
- ⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. S. 154.
- ¹⁰ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
- ¹¹ Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ)... С. 201, 206.
- ¹² Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепской речи. Л.: Наука, 1969. С. 121.
- ¹³ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 2660, № 8, 1981; Ладва, западнонепские говоры.
- ¹⁴ Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1982. S. 34.
- ¹⁵ Uralisches etymologisches Wörterbuch... S. 154.
- ¹⁶ Äänisvepsän näytteitä... S. 34.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // Studia Fennica. № 6. Helsinki, 1956. S. 192.
- ¹⁹ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 2660, № 8, 1981; Ладва, западнонепские говоры.
- ²⁰ Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1977. С. 311.
- ²¹ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²² Образцы вепской речи... С. 121.
- ²³ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. S. 174.
- ²⁵ Там же. S. 437.
- ²⁶ ПМА Жуковой О. Ю., 1999; Азмозеро, западнонепские говоры.
- ²⁷ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²⁸ Suomen sanojen alkuperä... S. 174.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
3. Гурова А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.

4. Жукова О. Ю. Лексические и структурно-стилистические особенности вепских заговорных текстов от укуса змеи // *Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово»* (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 76–78.
5. Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. 117 с.
6. Панина Т. И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2013. № 3. С. 34–49.
7. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. М.: Наука, 1989. С. 122–149.
8. Staršova T. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylikerikoisuksista. Petroskoi: Petroskoin valtionyliopisto, 1997. 51 p.

Поступила в редакцию 22.02.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Olga Yu. Zhukova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9527-7982; olgazhukovaveps@mail.ru

Nina G. Zaitseva, Dr. Sc. (Philology), Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

“CRAWLING-HISSING”: NAMES FOR THE CONCEPT “SNAKE” IN THE VEPSIAN LANGUAGE (a study of dialect and folklore materials)

Abstract. The article investigates the areal, etymological, semantic, and linguo-geographical aspects of the names for the concept “snake” in the dialects of the Vepsian language and in the Vepsian folklore, primarily in its most ancient genre – incantations against snakebites. According to the studies, in the Baltic-Finnic language area, due to poor knowledge of snakes by people, the same names can be used for different types of snakes in one populated place or act as their generic name, which is also confirmed by the materials of the Vepsian language. The dialects of the Vepsian language have preserved some Baltic-Finnic heritage (*mado*, *vaskič*) and even some Uralic heritage (*kü*) in the words used to denote a snake, which was reflected in folklore as a more ancient phonetic embodiment of the lexeme *kü* (*kija*, *kihi*, *kihikeine*, *tihikiine*); borrowings from the Russian language (*gad*) are present in the dialects, and original Vepsian lexical elements (*ujelii*) also appeared. The names for the concept “snake” in Vepsian folklore are descriptive, represented by nouns and participles, and define the appearance of the animal by nomination (‘ball, bad ball’ – *kereine*, *tühj kereine*; ‘stripe of willow bark’ – *pajusarg*; ‘malice’ – *pahust’ paha*; ‘hissing and whistling’ – *šiheidajad-šaheidajad*, *šihierič-vihierič*, etc.). The dual names used in folklore are characterized by alliteration (*pahust’ paha*, *kandoiden kabičii*). The emergence of descriptive names for the figure of a snake in folklore can be explained both by the taboo on the pronunciation of the name of this dangerous animal, and by the peculiarities of the folklore language.

Key words: Baltic-Finnic languages, Vepsian language, nomination, vocabulary, etymology, semantics, incantation, linguo-folkloristics, ethnolinguistics

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to N. L. Shibanova, Chief Information Technology Engineer at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for her assistance in the technical preparation of linguistic maps.

For citation: [Zhukova, O. Yu.], Zaitseva, N. G. “Crawling-hissing”: names for the concept “snake” in the Vepsian language (a study of dialect and folklore materials). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1053

REFERENCES

1. Vinokurova, I. Yu. Animals in the traditional Vepsian worldview (an attempt of reconstruction). Petrozavodsk, 2006. 447 p. (In Russ.)
2. Vinokurova, I. Yu. Mythology of the Vepsians: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Gura, A. V. Symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 910 p. (In Russ.)
4. Zhukova, O. Yu. Lexical and structural-stylistic features of Vepsian spells against snakebites. *Proceedings of the all-Russian research conference with international participation “Bubrikh Readings: Documented Folk Word”* (Petrozavodsk, 27–28 October 2020). Petrozavodsk, 2020. P. 76–78. (In Russ.)
5. Red book of languages of the peoples of Russia: Encyclopedic reference dictionary. Moscow, 1994. 117 p. (In Russ.)
6. Panina, T. I. Color symbolism in Udmurt folk medicine. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2013;3:34–49. (In Russ.)
7. Radenkovich, L. Symbolism of color in Slavic spells. *Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: sources and methods*. Moscow, 1989. P. 122–149. (In Russ.)
8. Staršova, T. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylikerikoisuksista. Petroskoi, 1997. 51 p.

Received: 22 February 2024; accepted: 15 May 2024

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАРАКИН

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

**АТРИБУТЫ *RUMA* И *TUHMU* / *TUHMA* КАК НОМИНАЦИИ НЕКРАСИВОГО
ЧЕЛОВЕКА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В данном исследовании авторы обращаются к вопросу происхождения, семантики и функционирования полисемантических атрибутов *ruma* и *tuhmu* / *tuhma*, номинирующих некрасивого человека в карельском языке. Всего в диалектах карельского языка насчитывается около 80 диалектизмов, обозначающих данный образ. Рассматриваемые наименования достаточно широко представлены в языковой картине мира карелов: фразеологизмах, пословицах, частушках. Новизна исследования обусловлена малоизученностью данной лексики на материале карельского языка. Актуальность определяется активизацией концептологических штудий в течение последних двух десятилетий, а также особым интересом лингвистов к классу дискурсивных слов, организующих коммуникацию и насыщающих текст субъективно-оценочными, персуазивно-модальными, прагматическими средствами. В ходе анализа использовались этнолингвистический, семантико-мотивационный и сравнительно-сопоставительный методы. Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды зарубежных и отечественных ученых в области лингвистики и фольклора. Источниками для сбора языкового материала стали диалектные и фразеологический словари карельского языка. В результате проведенного исследования можно утверждать, что атрибуты *ruma* и *tuhmu* / *tuhma* обладают широким ареалом бытования диалектных форм данных лемм, их словообразовательной продуктивностью и участием в образовании идиом, а также представлены в карельской языковой картине мира.

Ключевые слова: карельский язык, диалектизмы, номинация, образ некрасивого человека, языковая картина мира, семантика, атрибут, идиоматичность

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-000992, <https://rscf.ru/project/23-28-00092>.

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Атрибуты *ruma* и *tuhmu* / *tuhma* как номинации некрасивого человека в карельском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066

ВВЕДЕНИЕ

К вопросу о специфике интерпретации внешнего вида человека средствами различных языков исследователи обращаются уже на протяжении длительного времени (см., например, [3], [5], [6] и др.). На материале карелоязычной лексики данный вопрос не изучался, в этом состоит научная новизна представленного исследования.

Актуальность работы обусловлена особым интересом лингвистов, концептологов к от-

ражаемой языком картине мира того или иного этноса, а также активизацией исследований в области дискурсивной лексики, насыщающей коммуникацию модальными, прагматическими, субъективно-оценочными смыслами. Атрибуты, описывающие внешний облик человека, являются, несомненно, важным средством создания текстовой категории оценки и выразительности речи.

Теоретико-методологическую базу научного изыскания составляют научные труды в области

лексической семантики [1], концептологии и языковой картины мира [8], [9], лингвокультурологии [2], этнолингвистики [7], [10] и др.

Языковые единицы собирались методом сплошной выборки из опубликованных карело-язычных диалектных источников. Всего зафиксировано около 80 диалектизмов, номинирующих образ некрасивого человека в карельском языке: *höblöi, ilveh, il'ven, koploi, korsi, kreäšnöi, kripsiškö, kräkki, kräkyšši, kräpäkkä, kräpäkkö, krönkiškö, kurpiško, kyöšnä, kämpiskö, lökki, löpöi, mähliskö, neäččä, nävötöin, pahailviene, pahamuotoine, pahanäköine, pletenčča, prokuazu* и др. В данном исследовании авторы рассматривают этимологию, семантику и функционирование двух именований *ruma* и *tuhmu / tuhma*, выбор которых обусловлен широким ареалом бытования диалектных форм данных лексем, их словообразовательной продуктивностью, участием в образовании идиом и др.

* * *

Проанализируем происхождение рассматриваемых именований. Относительно лексемы *tuhma* (диалектные вариации *tuhmu, tuhm*) этимологи придерживаются разного мнения. В этимологическом словаре современного финского языка указано, что в близкородственных и саамском языках прослеживаются эквиваленты рассматриваемого наименования, например, *tuhma* (ижорский язык, собственно карельское наречие карельского языка), *tuhm* (вепсский, водский, эстонский языки, людиковское наречие карельского языка), *tuhmu* (ливвиковское наречие карельского языка), *dosmi* (саамский язык). Об этимологии лексемы информация неточная: с одной стороны, указано, что происхождение не определено, с другой – предполагается, что *tuhma* является германским заимствованием. Кроме того, высказано предположение, что *tuhma* и *tyhmä* – фонетические варианты одного слова, которое впервые упоминается в финском литературном языке в 1665 году в надгробной проповеди Й. Фаворинуса¹. В этимологическом словаре финского языка высказано предположение об исконно прибалтийско-финском происхождении лексемы *tuhma* (ср. с переднеязычным вариантом *tyhmä*)². В последнее время ученые придерживаются точки зрения, что это старое германское заимствование. В диалектах шведского языка в значении ‘ленивый толстяк’ и в норвежском языке в значении ‘плохой работник’ ему соответствует слово *dosma*³.

Лексема *ruma* также представлена во всех прибалтийско-финских языках в такой же форме, например, *ruma* (вепсский язык, людиковское наречие карельского языка, диалекты финского языка) или с использованием словообразовательной основы *ruma-* (например, *rumal* (эстонский язык), *rumäli* (ливский язык)). Согласно данным этимологических словарей финского языка, происхождение наименования *ruma* неизвестно. Есть единственное предположение, что данное именование является дескриптивным⁴.

Оба рассматриваемых слова многозначные. Лексема *tuhmu / tuhma / tuhm* функционирует в следующих значениях: собственно карельское наречие: 1) некрасивый, неприглядный; 2) глупый, бестолковый⁵; 3) неумелый; 4) плохая, дождливая (о погоде); 5) грубое (слово)⁶; тверской диалект: 1) некрасивый, дурной; 2) неважный, плохой⁷; ливвиковское наречие: 1) некрасивый; 2) плохой, некрасивый, дурной; 3) темный, необразованный; 4) глупый, дурак⁸; 5) простая (о работе)⁹; людиковское наречие: 1) нехороший, 2) некрасивый, 3) глупый¹⁰.

Лемма *ruma* трактуется следующим образом: собственно карельское наречие: 1) безобразный; дурной; 2) всеядный, не выбирающий еду¹¹; 3) трудолюбивый, работающий; 4) смелый, хладнокровный; 5) бесстыдный (о разговоре); 6) злой, плохой *rumahenki* ‘злой дух’¹²; ливвиковское наречие: 1) неразборчивый в еде, солощий; 2) некрасивый¹³; 3) трудолюбивый, работающий; 4) смелый, хладнокровный¹⁴. В тверском диалекте и людиковском наречии карельского языка именование *ruma* является моносемантическим ‘неразборчивый в еде, солощий’¹⁵.

Оба наименования активно функционируют в словообразовательном процессе: сложные слова и деноминальные имена существительные.

От имен прилагательных *tuhmu / tuhma* и *ruma* посредством разных суффиксов образовано несколько лексем, номинирующих некрасивого человека:

– *tuhmaččain'e* ‘дурноватый, неказистый’: *lapšet muokattih tuhmaččas't'a l'äz'ijä kaz'inpoigua* ‘дети мучили неказистого болезненного котенка’¹⁶. Именование образовано с помощью двух суффиксов со значением ослабленного качества производящего слова [4: 107];

– *tuhmačču* ‘уродливый, уродина’¹⁷. Лексема образована посредством суффикса *-čču* со значением смягчения качества производящего слова [11: 24];

– *tuhmahko* ‘немного некрасивый, дурноватый’: *t'äl'l'ä l'innulla iän'i on tuhmahko* ‘у этой

птицы некрасивый голос'¹⁸. Суффикс выражает смягчение производного слова [11: 27];

– *tuhmanlaine* ‘немного некрасивый, дурноватый’¹⁹. Суффикс, с помощью которого образуются прилагательные со значением, близким значению производящего слова [4: 118];

– *tuhmuš* ‘безобразность, уродство’ *nuorena tuhmutta buitto ei i ole* ‘в молодости и не замечаешь, будто и нет дурности’²⁰. Суффикс, посредством которого образуются слова, близкие по значению тем, от которых они образованы [4: 116];

– *tuhmaine* / *tuhmane* / *rumaine* ‘немного некрасивый, дурноватый’²¹. Данные лексемы образованы посредством суффиксов *-ine*, *-ne*, которые используются при образовании деноминальных прилагательных [4: 116].

В наречиях карельского языка распространены диалектизмы, номинирующие некрасивого, дурного или глупого человека, которые по структуре являются двухкомпонентными лексемами в номинативной или генитивной конструкции. Рассмотрим конкретные примеры:

– *tuhman' ägön'e* ‘некрасивый, дурной на вид’ (*tuhma* ‘некрасивый’ + *n' ägön'e* ‘на вид’)²²;

– *tuhmataban'e* ‘с дурным нравом, плохим характером’ (*tuhma* ‘некрасивый’ + *taban'e* ‘с нравом, с характером’)²³;

– *tuhmatukku* ‘образина, уродина’ (*tuhma* ‘некрасивый’ + *tukku* ‘куча, груди’)²⁴;

– *tuhmulindu* (бранн.) ‘уродина’ (*tuhmu* ‘некрасивый’ + *lindu* ‘птица’)²⁵;

– *tuhmaraiska* / *tuhma* / *raiška* ‘очень некрасивый [человек]’ (*tuhma* ‘некрасивый’ + *raiska* / *raiška* / *rais'ka* ‘бедный, бедняжка, бедолага, несчастный’)²⁶;

– *tuhmuroža* / *tuhmaroša* ‘некрасивый’ (*tuhmu* / *tuhma* ‘некрасивый’ + *roža* / *roša* ‘лицо, рожа’)²⁷;

– *tuhmansegaine* ‘немного некрасивый, дурноватый’ (*tuhma* ‘некрасивый’ + *segaine* ‘смешанный, в смеси’)²⁸;

– *rumannäkön'i* / *rumann' ägön'e* ‘некрасивый’ (*ruma* ‘некрасивый’ + *n' ägön'e* / *näkön'i* ‘на вид’)²⁹.

Образ человека занимает центральное место в национальной и языковой картине мира любого этноса и выражается в первую очередь средствами лексико-фразеологического уровня. Рассматриваемые именованья представлены в аспектах проявления положительной и отрицательной коннотации в карельских фразеологизмах, пословицах, частушках и т. д.

Многие идиомы карельского языка антропоцентричны и направлены на человека. Еще одной важной особенностью фразеологизмов

является то, что в них отражается национальное самосознание и видение мира. Ряд устойчивых выражений отображают то, что некрасивая внешность человека не является пороком: например: *tuhmuš ew pahuš* ‘уродство – не зло’³⁰, *ruma roža ei elaiigua sport'i* ‘некрасивое лицо жизни не портит’³¹, *tuhmat dai čomat* ‘все [люди] без исключения’ (букв. ‘и некрасивые, и красивые’)³², *ei čomal rožal voidu syvvä, eigo tuhmal savie survota* ‘дело не в красоте’ (букв. ‘с красивого лица масло не едят и на некрасивом глину не месят’)³³, *kaunis on kaupoiksi parempi, ruma töillä runšahampi* ‘красивый лучше при продаже, некрасивый – на работе’³⁴, *tuhmat da šomat yksisä verejösistä kävelläh* ‘и некрасивые, и красивые через одни ворота ходят’³⁵, *tuhmu tuhmutta myöt'e, šomua šomutta myöt'e* ‘урода по уродливости, красивого по красоте’³⁶.

В рунах встречаются советы по выбору невесты:

*Kaunis kaupoiksi parempi,
Ruma töille runsahampi;
Kaunis varttansa kanivi,
Ruma työtä runtelovi*³⁷.

Красивая лучше при продаже,
Некрасивая – на работе,
Красивая фигуру украшает,
Некрасивая трудится.

*Elä katso kaunista:
Kaunis varttäh kaniu,
Ruma työtäh runnistoo*³⁸.

Не смотри на красивую:
Красивая фигуру украшает,
Некрасивая трудится.

В некоторых фольклорных жанрах первичная семантика именованья *tuhma* / *tuhmu* приобретает переносное значение, например: *čoma kielahus on pahem tuhmua praudua* ‘красивая ложь хуже горькой правды’ (*tuhmu* в значении ‘горький’)³⁹, *tuhmalla kullalla viereššä viruo kuin vaštavirdua uija* ‘лежать рядом с милым недотепой, будто против течения плыть’ [частушка] (*tuhma* в значении ‘недотепа’)⁴⁰, *tuhmu dorogan tundou* ‘провинившийся дорогу знает’ (*tuhmu* в значении ‘провинившийся’)⁴¹.

Лексема *ruma* в рунах используется в качестве эпитета при имени злодея Руотуса (от библейского Ирод), который не позволил Марьятте разрешиться в бане: *Ruma Ruotus* ‘поганный Руотус’⁴².

Вторичная семантика леммы *tuhma* / *tuhmu* прослеживается в пословицах, например: *tuhmal on ainos äijjapäivü* ‘у дурака всегда праздник пасха’⁴³, *hairahuš i viizahalla tulou, a tuhmalla še on*

toisešša kiäššä ‘и умный ошибку допускает, а дурак ее даже из рук не выпускает’⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идентифицированные языковые единицы показали, что в диалектах карельского языка используется около 80 лексем, номинирующих внешне некрасивого человека, в числе которых *il’ven, koploi, korsi, kräpökkä, kräpökkö, krönkiškö, lökki, löpöi, mähliškö, neäččä, nävötöin, pahanäköine, pletenčča, prokuazu* и др. В рамках представленного исследования авторы обращаются к рассмотрению двух диалектизмов, номинирующих некрасивого человека в карельском языке: *tuhmu / tuhma* и *ruta*. Данный выбор обусловлен широким ареалом бытования диалектных форм данных лемм, их словообразовательной продуктивностью и участием в образовании идиом. Языковые данные лингвистических источников (диалектные словари, образцы карельской речи) показали, что у рассматриваемых атрибутов широкий ареал употребления. Обе леммы полисемантчны. У лексемы *tuhmu / tuhma / tuhm* выявлено в собственно карельском наречии пять значений, в ливвиковском наречии – пять значений, в людиковском наречии – три значения. Лемма *ruta* зафиксирована в собственно карельском наречии в шести значениях, в ливвиковском наречии – в четырех значениях.

В тверском диалекте и людиковском наречии это наименование моносемантно. Посредством различных суффиксов от атрибутов *tuhmu / tuhma* и *ruta* образуется большое количество именований, номинирующих внешне некрасивого человека, например: *tuhmačšain’e* ‘дурноватый, неказистый’, *tuhmahko* ‘немного некрасивый, дурноватый’, *tuhmaine / tuhmane / rumaine* ‘немного некрасивый, дурноватый’ и др. Кроме того, в диалектах карельского языка распространены двухкомпонентные лексемы в номинативной или генитивной конструкции, обозначающие ‘некрасивый, дурной на вид’ (например, *tuhman’ägön’e*), ‘с дурным нравом, плохим характером’ (например, *tuhmataban’e*), ‘некрасивый’ (например, *rumannäkön’i / rumann’ägön’e*).

Образ человека занимает центральное место в национальной и языковой картине мира любого этноса и выражается в первую очередь средствами лексико-фразеологического уровня. Рассматриваемые именованные представлены в аспектах проявления положительной и отрицательной коннотации в карельских фразеологизмах, пословицах, частушках и т. д. Данное исследование может быть продолжено с привлечением архивных материалов. Кроме того, своего изучения ждут другие лексемы, номинирующие внешне некрасивого человека в карельском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. S. 1343.
- ² Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, V, 1975. S. 1446.
- ³ Suomen etymologinen sanakirja [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kaino.kotus.fi/ses/?p=qsarticle&etym_id=ETYM_73c52c6c12934e927954df4e9a668cfa&list_id=1&keyword=tuhma&word=tuhma (дата обращения 10.05.2024).
- ⁴ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. S. 1067.
- ⁵ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 297.
- ⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 262.
- ⁷ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 305.
- ⁸ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 388.
- ⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 262.
- ¹⁰ Pahomov M. Lüüdi-venän, venä-lüüdin sanakird’. Helsinki, 2022. S. 173; Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. S. 450.
- ¹¹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 247.
- ¹² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 181.
- ¹³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 316.
- ¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 181.
- ¹⁵ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 245; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstiä II. Helsinki: SUST, 1963. S. 83.
- ¹⁶ Там же. С. 305.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 387.

- ²⁰ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 306.
- ²¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 263; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 181.
- ²² Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 306.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 388.
- ²⁶ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 297.
- ²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 263.
- ²⁸ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 387.
- ²⁹ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 247.
- ³⁰ Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. С. 306.
- ³¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 316.
- ³² Там же. С. 388.
- ³³ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. С. 19.
- ³⁴ Карельские пословицы и поговорки / Сост. В. Г. Макаров. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 61.
- ³⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 2005. S. 560.
- ³⁶ Там же. С. 263.
- ³⁷ Suomen kansan vanhat runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/poems?page=1&per-page=10&text=kaupoiksi&textnorm&metanorm&refsnorm&text%5Btextnorm%5D=runsahampi&text%5Bmetanorm%5D=runsahampi&text%5Brefsnorm%5D=runsahampi#%7B%7D> (дата обращения 10.05.2024).
- ³⁸ Suomen kansan vanhat runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/poems?page=1&per-page=10&textnorm&metanorm&refsnorm&volumes=I3&numbers=2000#%7B%7D> (дата обращения 10.05.2024).
- ³⁹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 138.
- ⁴⁰ Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 297.
- ⁴¹ Карельские пословицы и поговорки / Сост. В. Г. Макаров. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 23.
- ⁴² Suomen kansan vanhat runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/poems?page=1&per-page=10&text=ruutus&textnorm&metanorm&refsnorm&text%5Btextnorm%5D=ruutus&text%5Bmetanorm%5D=ruutus&text%5Brefsnorm%5D=ruutus&id=skvr01107590#%7B%7D> (дата обращения 10.05.2024).
- ⁴³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 388.
- ⁴⁴ Карельские пословицы и поговорки / Сост. В. Г. Макаров. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: «Восточная литература» РАН, 1974. 472 с.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 38–67.
3. Динисламова О. Ю. Репрезентация внешнего вида человека в аспекте рассмотрения эстетической категории «безобразное» (на материале фразеологизмов мансийского и русского языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 2. С. 343–355.
4. Зайков П. М. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск: Периодика, 1999. 118 с.
5. Мещерякова Ю. В., Сухонос В. А. Эстетическая оценка внешности человека в английской лингвокультуре // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2017. № 6 (53). С. 45–48.
6. Мильберт А. А. Привлекательность / непривлекательность внешнего облика человека в русской лингвокультуре: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 257 с.
7. Мягкова В. А. Внешний облик человека в устойчивых сравнениях русских диалектов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 215–217.
8. Савицкий В. М. Языковая идиоматичность и речевой идиоэтизм // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3 (12). С. 84–88.
9. Саданбек кызы Н., Абдуманпова З. З. Концептуализация представлений о внешности человека в русской языковой картине мира // Вестник Иссик-Кульского университета. 2023. № 54. С. 1–8.
10. Санина М. Б. К вопросу об исследовании концепта «внешность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 177–179.
11. Ahtia Edvard V. Karjalan kieliooppi II. Johto-oppi. Helsinki: Korpjyvä, 2014. 113 s.

Поступила в редакцию 20.04.2024; принята к публикации 31.05.2024

Original article

Yevgeniy V. Karakin, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

ATTRIBUTES *RUMA* AND *TUHMU* / *TUHMA* AS NOMINATIONS OF AN UGLY PERSON IN THE KARELIAN LANGUAGE

Abstract. The study addresses the issue of the origin, semantics, and functioning of the polysemantic attributes *ruma* and *tuhmu* / *tuhma*, which nominate an ugly person in the Karelian language. In total, in the dialects of the Karelian language there are about 80 dialectisms denoting this image. The names in question are quite widely represented in the Karelians' linguistic picture of the world – through phraseological units, proverbs, and ditties. The novelty of the study lies in the lack of research into this vocabulary using the material of the Karelian language. The relevance of the study is determined by the intensification of conceptual studies over the past two decades, as well as the special attention of linguists to the class of discursive words that organize communication and saturate the text with subjective-evaluative, persuasive-modal, and pragmatic means. The ethnolinguistic, semantic-motivational, and comparative methods were used for the analysis. The theoretical and methodological basis of the study was comprised of the works of foreign and Russian scholars in the field of linguistics and folklore. Dialect and phraseological dictionaries of the Karelian language were used as the sources for collecting language material for the analysis. The findings of the study suggest that the attributes *ruma* and *tuhmu* / *tuhma* are characterized by a wide range of distribution of the dialect forms of these lemmas, their word-formation productivity, and usage for the formation of idioms, and are also represented in the Karelian linguistic picture of the world.

Keywords: Karelian language, dialectisms, nomination, image of an ugly person, linguistic world picture, semantics, attribute, idiomaticity

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 23-28-000992 (<https://rscf.ru/project/23-28-00092>).

For citation: Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. Attributes *ruma* and *tuhmu* / *tuhma* as nominations of an ugly person in the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1066

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Lexical semantics. Synonymous means of language. Moscow, 1974. 472 p. (In Russ.)
2. Apresyan, Yu. D. The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description. *Topics in the Study of Language*. 1995;1:38–67. (In Russ.)
3. Dinislamova, O. Yu. Representation of a person's appearance in terms of consideration of the aesthetic category "ugliness" (on material of phraseological units of the Mansi and Russian languages). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019;13(2):343–355. (In Russ.)
4. Zaikov, P. M. Grammar of the Karelian language (phonetics and morphology). Petrozavodsk, 1999. 118 p. (In Russ.)
5. Meshcheryakova, Yu. V., Sukhonos, V. A. Aesthetic assessment of a person's appearance in the English linguistic culture. *Electronic scientific and educational journal of VSSPU "Faces of Knowledge"*. 2017;6(53):45–48. (In Russ.)
6. Milbert, A. A. Attractiveness/unattractiveness of a person's external appearance in the Russian linguistic culture: Diss. Cand. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2014. 257 p. (In Russ.)
7. Myagkova, V. A. Appearance of a person in sustainable comparisons of Russian dialects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2018;4:215–217. (In Russ.)
8. Savitsky, V. M. Linguistic idiomaticity and speech idioethnicity. *Volga Pedagogical Bulletin*. 2016;3(12):84–88. (In Russ.)
9. Sadanbek kyzi, N., Abdumanapova, Z. Z. Conceptualizing views about the appearance of a person in the Russian language picture of the world. *Bulletin of Issyk-Kul University*. 2023;54:1–8. (In Russ.)
10. Sanina, M. B. To the problem of researching the concept "appearance". *Philology. Theory & Practice*. 2009;1(3):177–179. (In Russ.)
11. Ahtia Edvard, V. Karjalan kieloppi II. Johto-oppi. Helsinki, 2014. 113 s.

Received: 20 April 2024; accepted: 31 May 2024

ЖАННА ВЛАДИМИРОВНА КРАСНОБАЕВА-ЧЕРНАЯ

доктор филологических наук, профессор кафедры языковой подготовки и профессиональной коммуникации

Приазовский государственный технический университет (Мариуполь, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7819-8094; zh.krasnobaieva@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНЕТАРНЫХ УСТАНОВОК

А н н о т а ц и я . Впервые на материале русской фразеологии рассматриваются монетарные установки в экономическом, психологическом, социально-философском и социокультурном аспектах. Предметом исследования являются фразеологические единицы русского языка с архисемой «деньги» как репрезентанты монетарных установок на фразеологическом уровне языковой картины мира. Делается вывод, что во фразеологии отображено несколько моделей монетарных установок с актуализацией культурных кодов (соматического, предметного, природного, деятельностного). Содержание монетарных установок свидетельствует о том, что деньги на фразеологическом уровне языковой картины мира сохраняют приоритет в качестве средства товарообмена; отображают связь между эмоциями человека, когнитивными паттернами и принятием финансовых решений; функционируют в социальном взаимодействии, выступают мерилем самооценки, конвертируют ценности, реализуют особенности денежной культуры. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии представлений о национальной специфике монетарных установок на фразеологическом уровне языковой картины мира. Практическая значимость связана с возможностью применения его результатов в практике обучения профессиональному языку, курсах по лингвокультурологии, прагмалингвистике и межкультурной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : деньги, монетарные установки, семантика, фразеологическая единица, фразеология, языковая картина мира

Д л я ц и т и р о в а н и я : Краснобаева-Черная Ж. В. Фразеологическая репрезентация монетарных установок // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1054

ВВЕДЕНИЕ

Деньги традиционно являются объектом изучения экономики, которая рассматривает их как «универсальный эквивалент стоимости всех товаров, средство оплаты товаров, услуг и сохранения и преумножения стоимости» [10: 30] и определяет комплекс функций: меры стоимости, масштаба цен, средства оборота (обращения), платежа, накопления, средства сохранения стоимости, мировые деньги [13: 436]. Со временем деньги становятся объектом познания разных наук:

1) социологии, где формируется целое направление – социология денег, изучающая деньги как социальный институт и его функции в обществе (факторы, от которых зависит доминирование тех или иных функций денег в различных обществах, и факторы, определяющие социальную ценность денег в обществе и содержание монетарных установок). Таким образом,

деньги «не являются ни нейтральными по отношению к культуре, ни социально анонимными» [13]¹;

2) психологии, где изменения психики людей и, как следствие, их поведения под воздействием денег, а также психологические функции денег (компенсаторно-терапевтическая; стимуляции экономической активности личности, экономического прогресса страны; индикатора положения человека (статуса) среди других людей; отражения содержания, способов, условий труда) исследует психология денег – раздел экономической психологии [8];

3) философии культуры с акцентом на индивидуальный, интерсубъективный уровень восприятия денег носителями определенной культуры, где роль денег: а) закреплена в массовом сознании; б) этически окрашена и в) сведена до универсального сверхиндивидуального стереотипа, то есть «транслируется из поколения

в поколение и обладает постоянством, адаптирует и принимает в себя новый опыт восприятия денег, превращаясь в комплекс архаических, само собой разумеющихся представлений о деньгах» [1: 17];

4) языкознания с реконструкцией концепта «деньги» в рамках когнитивной лингвистики, где важная роль отводится: а) анализу языковых средств его объективации и моделированию его структуры в лексической системе и паремиологическом фонде на основе данных ассоциативных словарей и национальных корпусов текстов; б) отражению менталитета носителей языка; в) роли денег в системе ценностей и в языковой картине мира [2], [3], [12]. Во фразеологии интерес представляет сравнительно-сопоставительное изучение денег: ключевые синтаксические модели синтагматики для британских и русских фразеологических единиц, где значимой является лексема «деньги» [17]; семантико-содержательный план фразеологических единиц с компонентом «деньги» в русском, польском и украинском языках [16]; семантические особенности концепта «деньги» в русских и французских фразеологических единицах [14] и др.

Актуальность исследования определяется тем, что вопрос о монетарных установках, интерпретируемых как установки «по отношению к деньгам, способам их получения и использования» [16], не имеет описания в лингвистике в целом и во фразеологии русского языка в частности. Цель – определить и охарактеризовать монетарные установки во фразеологии русского языка. Объектом исследования являются монетарные установки, предметом – фразеологические единицы русского языка с архисемой «деньги» как репрезентанты монетарных установок на фразеологическом уровне языковой картины мира.

Основные методы исследования: *метод критического анализа* для определения основных аспектов изучения денег в научной литературе; *описательный метод* для обобщения и систематизации информации о монетарных установках во фразеологии; *метод тематических полей* для формирования фразеоидеографической парадигмы с иерархией «фразеосемантическое поле (в нашем случае «Деньги») – фразеосемантическая группа (далее ФСГ) – фразеосемантическая подгруппа (далее ФСПГ) – фразеологическая единица»; *параметрический анализ семантической структуры фразеологических единиц* (метод апробирован в работах профессора В. И. Зимина [4]) для установления особенностей передаваемой информации о монетарных установках макрокомпонентами фразеологического значения; *метод сплошной выборки* для формирования исследовательской базы работы, основными источ-

никами которой являются академические фразеологические словари русского языка [БФСРЯ], [ФСРЛЯ], [ФСРЯ].

Рассмотрим монетарные установки в разных аспектах, а именно: экономическом, психологическом, социально-философском и социокультурном.

МОНЕТАРНЫЕ УСТАНОВКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В экономическом аспекте деньги позиционируются как экономическая категория [6], [10], [13] и интерпретируются во фразеологии как средство платежа, средство накопления, средство обращения и мера стоимости. Рассмотрим фразеосемантические группы:

1. ФСГ «Деньги как средство платежа»:

а) ФСПГ «Деньги как плата наличными»: *деньги на бочку*, разг., экспрес. – ‘сразу же, не откладывая (платить наличными за что-либо)’ [ФСРЛЯ]; *класть деньги на бочку*; *положить деньги на бочку*, прост., экспрес. – ‘сразу же, без промедлений платить наличными’ [ФСРЛЯ] (контексты 1–2):

(1) – *Слышь, давай меняться: я тебе дам фуражку, ты мне шляпу... Много ли придачи? Сейчас и деньги на бочку. – Ну тебя к лешему! Прощай!* (Н. Лейкин);

(2) *Солдат захотел увидеть десятку, которую ему определили за труды. Мама принесла деньги и положила их на кухонный стол. – Это по-нашенски – деньги на бочку! – весело сказал солдат* (Ю. Нагибин);

б) ФСПГ «Деньги как показатель уровня доходов»: *по карману* – ‘по средствам, доступно по цене’ [БФСРЯ: 470]; *не по карману* – ‘слишком дорого, не по средствам. Цена чрезмерно высока’ [БФСРЯ: 470] (контексты 3–4); *копеечка водится*, устар., прост. – ‘у кого-либо есть деньги, средства’ [ФСРЛЯ] (контекст 5); *на медные деньги*, устар. – ‘на скудные средства (учить, воспитывать)’ [ФСРЛЯ] (контекст 6):

(3) *Тихомиров конфузился, потому что платил неаккуратно, и, потупившись, выслушивал замечания об известном русском мотовстве и неумении жить по карману* (Ю. Давыдов);

(4) *Красивые, конечно, сапожки, но не по карману. Привезешь, а первая же [жена] заругает. Скажет, на кой они мне такие дорогие!* (В. Шукшин);

(5) *[Угар:] А я чем не молодец?.. Копеечка у меня водится, напиваюсь изредка, да и от того меня ловко откупают. Нарядил бы те я, как куклу* (М. Верёвкин);

(6) – *Отец, учившийся сам когда-то по-русски на медные деньги, не хотел, чтоб сын его отставал от времени, и пожелал поучить чему-нибудь, кроме мудрёной науки хождения по делам* (И. Гончаров);

в) ФСПГ «Деньги как основа жизни»: *вставать / встать <становиться / стать> [прочно, крепко] на ноги* – ‘становиться самостоятельным,

независимым. Имеется в виду, что лицо или группа лиц приобретают надежную и крепкую основу в жизни, перестают нуждаться в чьей-либо материальной поддержке или помощи, способны сами себя обеспечивать [БФСРЯ: 573]; *вставать / встать <становиться / стать, подниматься / подняться> [прочно] на ноги* – ‘крепнуть в экономическом отношении. Имеется в виду, что лицо или группа объединенных общими целями лиц укрепляют свое материальное положение, часто после материальных потерь, или что явление приобретает надежную экономическую основу’ [БФСРЯ: 574] (контекст 7):

⁽⁷⁾ *Имевший судимость за хищение, Хорьков располагал неплохими связями среди криминальных элементов. Они и помогли ему **встать на ноги**. Он был очень богатым человеком <...>* (Ч. Абдуллаев);

г) ФСПГ «Деньги как пустая трата»: *на ветер деньги, богатство; бросить на ветер деньги, богатство*, разг., экспрес. – ‘тратить безрассудно, попусту’ [ФСРЛЯ]; *разбрасывать даром деньги (рубли)*, разг., экспрес. – ‘тратить много и безрассудно’ [ФСРЛЯ]; *швырять деньги (деньгами)*, разг., экспрес. – ‘тратить деньги без счёта, попусту, зря’ [ФСРЛЯ] (контексты 8–10):

⁽⁸⁾ *Я никогда в азартные игры не играю, – заметил Санин – В самом деле? Да вы совершенство. Впрочем, и я не играю. Глупо **бросать деньги на ветер*** (И. Тургенев);

⁽⁹⁾ *Давать проспектальную плату за переводы французских мелодрам – значит **разбрасывать даром деньги*** (А. Островский);

⁽¹⁰⁾ *– **Деньгами швырял, но на стороне**. Нельзя, говорил, баловать семью... На курорты тысячи возил, а матери оставлял десятки* (В. Летов);

д) ФСПГ «Деньги как определенная сумма»: *копеечка в копеечку*, устар., прост. – ‘совершенно точно. Обычно о деньгах’ [ФСРЛЯ]; *до копеечки*, разг., экспрес. (1) – ‘в точности (об определенной, крупной сумме денег)’ [ФСРЛЯ]; *как одна копеечка*, устар., экспрес. – ‘совершенно точно. О сумме денег’ [ФСРЛЯ] (контексты 11–13):

⁽¹¹⁾ *– Ваши подарки: кольцо с алмазом, серьги, колье, да еще портсигар с монограммой – вот они, все тут, **копеечка в копеечку**. Надеюсь, больше вы не станете докучать мне, я ничего вам не должна* (Л. Боборыкин);

⁽¹²⁾ *– Да ведь как, батюшка ты мой, вышло? Отвратили мы в приданое Марьюшке... три тысячи рублёв, вот три тысячи **до копеечки!** А он, прод, нас и выгони, и пошли мы* (Гл. Успенский);

⁽¹³⁾ *– **Шесть целковых, как одна копеечка**, эта бумага-то мне стала* (В. Слепцов).

2. ФСГ «Деньги как средство накопления»:

а) ФСПГ «Накапливать»: *копейка по копейке*, прост., экспрес. – ‘постепенно, используя каждую возможность (накапливать какую-либо сумму де-

нег)’ [ФСРЛЯ] (контекст 14); *неразменный рубль*, устар. – ‘в народных сказках: рубль, всегда остающийся у владельца’ [ФСРЛЯ] (контекст 15); *кругленькая копеечка*, устар., прост. – ‘большая сумма денег’ [ФСРЛЯ] (контекст 16):

⁽¹⁴⁾ *– Мамочка моя родная!.. – охнув, прижала руки к груди Фаина. Она знала, что ружье принесут. Она вместе с Васей своим **копейка по копейке** откладывала на него, и все же покупка эта казалась ей далекой, почти неосуществимой* (В. Астафьев);

⁽¹⁵⁾ *Есть поверье, будто волшебными средствами можно получить **неразменный рубль**, который, сколько раз его ни выдавай, он все-таки опять является целым в кармане* (Н. Лесков);

⁽¹⁶⁾ *И так он и пропал. А я узелок-то хранил, почитай, двадцать лет. А тут одолел рогатый – ...да что ж в нем-то, в узелке? А в нем – **кругленькая копеечка** оказалась, капитал, пять тысяч червонцами золотыми!* (Д. Григорович);

б) ФСПГ «Наживать много денег»: *грести лопатой золото, серебро, деньги*, прост., экспрес. – ‘очень много наживать, получать денег, богатства’ [ФСРЛЯ]; *загрести деньги лопатой*, прост., экспрес. – ‘много наживать денег’ [ФСРЛЯ] (контексты 17–18):

⁽¹⁷⁾ *И вынулось колечко ей Под песенку старинных дней «Там мужички-то все богаты. **Гребут лопатой серебро**; Кому поем, тому добро И слава!»* (А. Пушкин);

⁽¹⁸⁾ ***Деньги загревали лопатой**. А как закончили да собрались уезжать из села, – закутили дым коромыслом. Пьянство, блуд* (В. Короленко).

3. ФСГ «Деньги как средство обращения»: ФСПГ «Большой доход без особых усилий»: *огрести деньги лопатой*, прост., экспрес. – ‘не затрачивая особых усилий, получать большой доход’ [ФСРЛЯ]; *ковать деньги (деньгу)*, прост., экспрес. – ‘легко, без особых усилий и в большом количестве добывать деньги, получать богатства’ [ФСРЛЯ] (контексты 19–20):

⁽¹⁹⁾ ***Деньги теперь прямо лопатой будет огрести**, а другие-то поглядывай на него да ожигайся* (Д. Мамин-Сибиряк);

⁽²⁰⁾ *И молодая жена не стала церемониться. Она сразу заявила, что работать больше не собирается, учиться – тем более: «Зачем?», у нее есть муж. Он и обязан **«ковать деньгу»**, причем для начала не меньше 300 в месяц* (О. Суворова).

4. ФСГ «Деньги как мера стоимости»:

а) ФСПГ «Высокая цена»: *бешеные деньги* (2) – ‘очень высокая цена за что-либо или за кого-либо’ [ФСРЛЯ]; *ни за какие деньги*, разг., экспрес. (1) – ‘за самую высокую цену, плату’ [ФСРЛЯ] (контексты 21–22):

⁽²¹⁾ *Весь день приходилось сидеть в сакле. Алексей Алексеевич часто уезжал на купленном за **бешеные деньги** мерине в город на заседания* (А. Н. Толстой);

⁽²²⁾ *Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, не свежо и скудно, и много, к чему привык европеец, не найдешь ни за какие деньги* (А. Чехов);

б) ФСПГ «Большие денежные затраты»: *влететь в копеечку*, разг., экспрес. – ‘обойтись слишком дорого; потребовать больших затрат’ [ФСРЛЯ]; *вскочить в копеечку*, разг., экспрес. – ‘стоить очень дорого’ [ФСРЛЯ]; *обойтись в копеечку*, разг., экспрес. – ‘вызвать большие денежные затраты’ [ФСРЛЯ] (контексты 23–25):

⁽²³⁾ – *И смею заверить, я высочайшее доверие оправдал. Не скрою: в копеечку влетел розыск по делу «Искры»* (С. Мстиславский);

⁽²⁴⁾ – *России эта затея вскочила в изрядную копеечку: царь пожаловал своему любимцу Гудовичу шесть деревень в пределах Черниговской губернии* (В. Шишков);

⁽²⁵⁾ – *Лист корабельной стали, Антоша, – говорил он, – дорогая штука! В копеечку обойдется твой эксперимент в случае неудачи* (В. Кочетов).

Параметрический анализ семантической структуры фразеологических единиц вышеуказанных ФСГ и ФСПГ позволяет сделать вывод о том, что деньги актуализируют признаки экономической деятельности и коррелируют с различными кодами культуры: а) деньги как способ платежа – предметный (репрезентанты *бочка, карман*), соматический (репрезентант *ноги*), природный (репрезентант *ветер*) коды культуры; б) деньги как средство накопления – предметный код (репрезентанты *копейка (копеечка) / рубль, лопата*); в) деньги как средство обращения – предметный (репрезентант *лопата*), деятельностный (репрезентант *ковать*) коды культуры; г) деньги как мера стоимости – предметный код культуры (репрезентант *деньги*).

МОНЕТАРНЫЕ УСТАНОВКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Деньги оказывают психологическое воздействие на человека, влияют на принятие решений, эмоциональное состояние и поведение в целом. Согласно исследованиям в области психологии денег:

«Деньги – это всегда не просто деньги: мало что в жизни современного человека так сильно эмоционально заряжено и имеет такой глубокий психологический смысл, как отношения с финансами. На то, как мы зарабатываем, копим и тратим, влияет множество внутренних психологических факторов, большую часть которых мы даже не осознаём. Это и установки, привитые нам в родительской семье, а порой унаследованные от многих поколений предков, и подсознательные ловушки, и страхи... но также и полезные личностные инструменты, о которых мы, возможно, даже не догадываемся» [15: 2].

Во фразеологии психологический смысл заложен во ФСГ «Деньги как заработок»:

а) ФСПГ «Деньги, заработанные тяжелым трудом»: *кровные деньги* – ‘средства, заработанные собственным тяжелым трудом. Подразумевается, что хозяину этих средств жаль расставаться с ними. Имеется в виду деньги, которые нелегко достались кому-либо’ [БФСРЯ: 338–339] (контекст 26) (ср., прост., экспрес. ‘достаток; деньги, заработанные честным тяжелым трудом’ [ФСРЛЯ] (контекст 27)):

⁽²⁶⁾ *Нелегко противостоять дьявольской изобретательности коварных врагов, но ведь именно за эту работу настоящих охотник и получает свои кровные деньги* (Н. Басов);

⁽²⁷⁾ – *Я не видел этого мальчика с отъезда его в университет, куда он поехал на кровные деньги, добытые кровным трудом на уроках у купцов, плативших не больше трех рублей в месяц* (Г. Успенский);

б) ФСПГ «Деньги, заработанные легко»: *бешеные деньги*, разг., экспрес. (1) – ‘крупные суммы денег, легко доставшиеся и расходуемые небрежливо’ [ФСРЛЯ]; *шалые деньги*, разг., экспрес. – ‘то же, что бешеные деньги (в 1-м знач.)’ [ФСРЛЯ]; *шалые деньги*, прост., экспрес. – ‘то же, что шальные деньги’ [ФСРЛЯ] (контексты 28–30):

⁽²⁸⁾ [Матрёна:] *У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали?* (А. Островский);

⁽²⁹⁾ *Властно сказалося развращающее влияние сотен миллионов шальных денег. Этот водопад золота как будто захлестнул, завертел и потопил в себе весь город* (А. Куприн);

⁽³⁰⁾ – *Крым, знаете, да и вообще юг – это настоящее гнездо всех шатунов и аферистов... Тепло, море, горы, красота, деньги кругом шалые* (А. Куприн).

Психология денег во фразеологии отображает отношение человека к заработку и финансовым тратам с помощью компонента ‘кровный’ (соматизм *кровь*), реализующего переносное значение «прочность связи между человеком и тем, что ему принадлежит; кровное воспринимается личностью как часть себя (ср. *кровные интересы*), соответственно, его утрата оказывается наиболее болезненной» [БФСРЯ: 339]. Акцентируем внимание на том, что эмоциональная заряженность денежной тематики во фразеологии передается пометой «экспрессивное».

МОНЕТАРНЫЕ УСТАНОВКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В социально-философском аспекте деньги интерпретируют:

1) как социальную дистанцию:

«деньги, с одной стороны, показывают расстояние, раскрывают дистанцию между социальными слоями и статусами... С другой стороны, деньги сами создают эту дистанцию в обществе, трансформируя его, разде-

ляя его на классы или принуждая человека относиться к самому себе как к возможности инвестиции» [9: 5–6].

Во фразеологии данную идею подтверждает ФСПГ «Деньги как показатель материального благосостояния» с тремя ФСПГ:

а) ФСПГ «Материальная обеспеченность, изобилие»: *купаться в золоте* – ‘обладать огромными денежными суммами, быть баснословно богатым. Имеется в виду, что лицо или группа, в т. ч. объединенных общей деятельностью лиц, социальный коллектив, организация, предприятие не испытывает ни малейшего недостатка в финансовых средствах, не нуждается в деньгах’ [БФСРЯ: 342]; *на широкую ногу (2) жить* – ‘с размахом, богато, не скупясь; расточительный образ жизни. Имеется в виду, что лицо или группа, в т. ч. объединенных общими целями лиц ведет расточительный, с точки зрения говорящего, образ жизни, не жалеет средств, ни в чем себе не отказывает’ [БФСРЯ: 446–447]; *куры не клюют* – ‘очень много, в избытке. Преимущественно о деньгах’ [БФСРЯ: 345–346] (ср., *денег куры не клюют*, разг. экспрес. – ‘очень много (денег)’ [ФСРЛЯ]); *не считать денег*, разг., экспрес. – ‘жить беззаботно; тратя много денег, не скупиться’ [ФСРЛЯ] (контексты 31–34):

⁽³¹⁾ – *И ты еще думаешь, выходить тебе замуж за Криса или нет?! Он миллионер, поедешь в Штаты, будешь купаться в золоте. – Не люблю я его. Да и не хочу куда уезжать* (С. Максимова);

⁽³²⁾ *Живет она на широкую ногу: наняла <...> особняка с большим садом <...> имеет двух горничных, кучера* (А. Чехов);

⁽³³⁾ *У Иннокентия Ивановича, всякий знал, денег куры не клюют, его так и звали: Иннокентий Карманович* (В. Распутин);

⁽³⁴⁾ *Пушкин не считал денег. Маяковский раздавал их друзьям. Есенин выбрасывал пригоршнями. А я был скуп. Только это мне всю жизнь мешало. Хочу быть гением!* (Н. Доризо);

б) ФСПГ «Трудное материальное положение»: *идти / пойти <ходить> по миру* – ‘нищенствовать, просить милостыню. Имеется в виду, что лицо или группа лиц влачит жалкое существование, живет подаванием’ [БФСРЯ: 265] (ср., *ходить с протянутой рукой; идти [ходить] по миру [с сумой]* [ФСРЯ]); *ходить с сумой*, устар., прост. – ‘нищенствовать, побираться’ [ФСРЛЯ]; *сводить / свести концы с концами* – ‘живя в бедности, едва обходиться скудными средствами. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (чаще – семья) не обладает достаточными средствами для ведения хозяйства, производства и т. п., с трудом справляется с нуждой, едва укладывается в сумму заработка, жалованья, в смету и т. п.’ [БФСРЯ: 622] (ср.: *сводить концы с концами; свести концы с концами* (1), разг. – ‘едва, с тру-

дом справляться с нуждами, едва укладываться в сумму заработка, в смету расходов’ [ФСРЛЯ]); *беден как церковная мышь*, разг., экспрес. – ‘об очень бедном человеке’ [ФСРЛЯ]; *беден как церковная крыса*, разг., экспрес. – ‘очень, до крайней степени (беден)’ [ФСРЛЯ] (ср., *беден как церковная крыса [мышь]* [ФСРЯ]) (контексты 35–39):

⁽³⁵⁾ *Дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру* (А. Пушкин);

⁽³⁶⁾ *И теперь есть в Колзуеве Гусятниковы, но люди захудалые, обнищальные!.. Старики только что не с сумой ходят, молодые – в солдатство по найму ушли* (П. Мельников-Печерский);

⁽³⁷⁾ *Семейство, видите, порядочное, а жили они одним жалованьем, кроме жалованья, неоткуда было получить им ни гроша, и поэтому можете легко поверить, что они едва сводили концы с концами, и от жалованья не оставалось ни копейки* (Н. Чернышевский);

⁽³⁸⁾ *Отменно, видать, обстоят дела с сохсохранностью на Алтае, если у следователя по особо важным делам не нашлось лучшей кандидатуры в подпольные миллионеры, чем скромный и бедный, как церковная мышь, молодой литератор* (В. Надин);

⁽³⁹⁾ – *Ну, скажем, на обнищавшей княгине жениться. Пусть она бедна, как церковная крыса, а все же титулованная и родня у нее знатная* (В. Саянов);

в) ФСПГ «Разбогатеть»: *из грязи да в князи*, разг., пренебр. – ‘о том, кто быстро и неожиданно для других разбогател, продвинулся по службе, сделал карьеру и т. п.’ [ФСРЛЯ] и *из грязи вышел в князи*, устар., пренебр. – ‘внезапно, неожиданно разбогател, стал именитым, богатым’ [ФСРЛЯ] (ср., *из грязи [да] в князи* – ‘быстро и неожиданно выбраться из безызвестности, выдвинуться по службе, разбогатеть. Имеется в виду, что лицо или группа лиц внезапно для других делает карьеру, добивается высокого положения в обществе, становятся богатыми. Говорится с иронией или презрением’ [БФСРЯ: 267]) (контексты 40–41):

⁽⁴⁰⁾ – *Вон как у нас золото-то подымает людей, – проговорил Флегонт Флегонтович с грустной ноткой в голосе. – Из грязи да прямо в князи так и лезем* (Д. Мамин-Сибиряк);

⁽⁴¹⁾ *Все удивлялись и завидовали делам Бирюкова, говоря: «Вот поди ж ты! Из грязи да вышел в князи... При своем деле, значит»* (Н. Успенский);

2) как конвертор ценностей:

«<...> деньги являются ценностью постольку, поскольку они обладают способностью конвертировать ценности разных людей друг в друга. Иначе говоря – ценность денег есть их способность преобразовывать ценности разных людей друг в друга. Чем больше ценностей разных людей можно преобразовать друг в друга посредством денег, тем большей ценностью являются деньги в этом обществе» [13: 59].

На фразеологическом уровне языковой картины мира данный аспект реализуют подгруппы ФСГ «Деньги как способ контроля»:

а) ФСПГ «Под контролем»: *в руках* (1) – ‘во владении, под контролем. Подразумевается, что кто-либо, обладая какими-либо ценностями (имущественными, информационными и под.), главенствует в ситуациях, с ними связанных, обычно в результате того, что предпринял усилия, чтобы ими овладеть’ [БФСРЯ: 71]; *брать / взять в [свои <собственные>] руки* (1) – ‘получать в свое владение; принимать под свой контроль. Подразумевается главенство в ситуациях, связанных с обладанием ценностями – имущественными, информационными и под., делом, властью, инициативой’ [БФСРЯ: 72]; *держат в [своих] руках* – ‘иметь во владении, под контролем. Имеется в виду, что лицо или группа лиц владеет ценностями (имущественными, информационными и под.), делом, ситуацией и т. д. и может распоряжаться ими в соответствии со своей волей и по своему усмотрению’ [БФСРЯ: 73]; *попадать / попасть <идти, плыть, приплывать / приплыть> в руки* (1) – ‘переходить во владение, в собственность, под контроль кого-либо. Имеется в виду, что какие-либо предметы, а также ценности, представляющие чужую собственность, документы, удача оказываются во владении, в пользовании или под контролем лица или группы лиц, которые теперь могут распоряжаться ими по своему усмотрению’ [БФСРЯ: 74] (контексты 42–43):

⁽⁴²⁾ *По крайней мере, я оставляю тебе значительное состояние. Зная тебя, зная твой сильный характер, я не сомневаюсь, что сможешь справиться с управлением компанией и **возьмешь ее в свои** сильные руки <...>* (Н. Александрова);

⁽⁴³⁾ *Если арест организован бандитами, которые **держат в руках** весь город и даже область, то мне придется вообще не сладко* (Ф. Незнанский);

б) ФСПГ «Выходить из-под контроля»: *выпускать / выпустить <упускать / упустить> из рук* (1) – ‘из-за ошибки или неудачи, лишаться, терять, не сумев воспользоваться. Имеется в виду, что лицо или группа лиц, не желая того, перестает владеть ценностями (имущественными, информационными и под.), удачей, инициативой, обладать властью и главенствовать в ситуациях, с ними связанных’ [БФСРЯ: 74]; *выскальзывать / выскользнуть <ускользать / ускользнуть, уплывать / уплыть, вырваться / вырваться> из рук* (1) – ‘оказаться вне владения, распоряжения, выходить из-под контроля. Имеется в виду, что ценности, удача, инициатива, власть быстро и независимо от лица или группы лиц, которые владели ими раньше, перестают им принадлежать’ [БФСРЯ: 75] (контексты 44–45):

⁽⁴⁴⁾ *Но чье оно теперь будет, поле? Вряд ли немцы отдадут землю крестьянам, наверное же знают, что если **из рук выпустишь**, то обратно не ухватишь* (В. Быков);

⁽⁴⁵⁾ *Вилен Иванович выслушал управляющего молча и недоволено. – Что за ерунда! – рявкнул он наконец. – С чем ты звонишь? – Я решил на всякий случай доложить, – просипел Николай Андреевич, чувствуя, как теплый и уютный пост управляющего **уплывает из его рук** <...>* (Н. Александрова).

Параметрический анализ семантической структуры фразеологических единиц данных ФСГ свидетельствует о важности роли денег в общественной жизни человека и результатах их влияния на общественную жизнь. При этом ФСГ «Деньги как способ контроля» актуализирует такую функцию системы управления в обществе, как контроль, и коррелирует с соматическим кодом культуры – соматизм *руки*.

МОНЕТАРНЫЕ УСТАНОВКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

В социокультурном аспекте деньги отражают «специфику национальной культуры» [10: 55–56] и являются социокультурным феноменом. По мнению В. А. Лукина, они «встроены в сеть социокультурных отношений и ценностей, поэтому монетарные коммуникации не только всегда сопровождаются какими-то другими, но и вступают с ними в противоречия» [5: 276]. Так, во фразеологии зафиксированы моральные предпочтения русского народа, которые осуждают:

а) большой заработок (*длинный рубль*, разг., предосуд. – ‘о высоком заработке (обычно употребляется с оттенком осуждения, пренебрежения’ [ФСРЛЯ] (ФСГ «Деньги как заработок»)) (контекст 46):

⁽⁴⁶⁾ *Что же делать, коли всё на женские плечи легло? Мужики **длинный рубль** за лёгкий хлеб промышляют, а бабы да девчата исторической жизнью живут...* (Ю. Нагибин);

б) незаконный способ обогащения (ФСГ «Деньги как заработок»): ФСПГ «Деньги, заработанные незаконно» (*греть / погреть <нагреть / нагреть> [себе] руки* – ‘пользуясь обстоятельствами, нечестно наживаться, обогащаться незаконными путями. Говорится с неодобрением’ [БФСРЯ: 156–157] (ср., *греть руки; погреть руки; нагреть руки*, предосуд. – ‘наживаться за счет кого-либо или чего-либо’ [ФСРЛЯ])); *нечист на руку* – ‘склонен к мошенничеству, к всевозможным нечестным приемам, к воровству; плутоват, вороват. Говорится с неодобрением’ [БФСРЯ: 480]; *набивать карман; набивать машину*, прост., экспрес. – ‘наживать богатство (обычно нечестным путем)’

[ФСРЛЯ] (ср., *набивать карман [мошну]* [ФСРЯ]) (контексты 47–49):

⁽⁴⁷⁾ *Женился Хлудов на дочери прогоревшего помещика, дворянина... откровенно надеявшегося **погреть руки** у хлудовских миллионов* (И. Соколов-Микитов);

⁽⁴⁸⁾ *Поговаривали о нем [Оброське], что был **нечист на руку**, и не раз видели люди, как пропивал в кабаке строевские хомуты и седёлки* (И. Соколов-Микитов);

⁽⁴⁹⁾ *Дерет управляющий с мужика последнюю шкуру, да и шабаш. Ему что? **Набить бы только карман**, а там хоть с голоду помирай* (Л. Толстой);

в) взятничество (ФСГ «Мздоимство»): ФСПГ «Давать взятку» (*давать / дать на лапу* – ‘давать взятку. Имеется в виду, что лицо или группа объединенных общими интересами лиц, преследуя свои цели, подкупает с помощью материальных ценностей (денег, подарков, подношений и т. д.) другое лицо или группу облеченных властью, правом принимать решение, оформлять документы и под. лиц (начальство, чиновников и т. д.). Говорится с неодобрением’ [БФСРЯ: 159–160]) и ФСПГ «Брать взятки» (*брать / взять на <в> лапу* – ‘брать взятки. Имеется в виду, что облеченное властью, правом принимать решение, оформлять документы и под. лицо (реже группа лиц) готово получать мзду или является взятчиком. Говорится с неодобрением’ [БФСРЯ: 160–161]) (контексты 50–51):

⁽⁵⁰⁾ *У Виктора даже дух захватило: одни жильцы просили заменить трухлявые рамы, а новые почему-то вставляли другим. Почему?! – Сообразил. Кто Зубкову **на лапу давал**, тот и новые рамы получал* (В. Круговов);

⁽⁵¹⁾ *Где-то с полчаса мы обсуждали всякие практические проблемы, связанные с установкой ларька, потом Женя осведомился: – Ну и сколько мне это встанет? Какую сумму **возьмете на лапу?** – Мне не нужны деньги* (Д. Донцова).

Параметрический анализ семантической структуры фразеологических единиц вышеперечисленных ФСГ показывает, что пометы «пре-

досудительно» и «говорится с неодобрением» выступают маркером нравственных ценностей с интерпретацией: «извлечение собственной выгоды из ситуации, неблагоприятной для других, обогащение за счет других и ситуация вынужденного подкупа», оцениваются как негативные и предосудительные деяния в русской культуре и, соответственно, актуализируется сема «моральная нечистоплотность», коррелирующая с соматизмами *руки* (ФСГ «Деньги как заработок») и *лапа* (ФСГ «Мздоимство»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во фразеологии отображены модели монетарных установок с актуализацией культурного кода: 1) «деньги – наличная оплата – бочка»; 2) «деньги – платежеспособность – карман»; 3) «деньги – опора – ноги»; 4) «деньги – пустая трата – ветер»; 5) «деньги – накопление – лопата»; 6) «деньги – большой доход – лопата» (экономический аспект); 7) «деньги – заработок – кровь» (психологический аспект); 8) «деньги – контроль – руки» (социально-философский аспект); 9) «деньги – моральная нечистоплотность – руки / лапа» (социокультурный аспект).

Содержание монетарных установок свидетельствует о том, что деньги на фразеологическом уровне языковой картины мира сохраняют приоритет в качестве средства товарообмена; отображают связь между эмоциями человека, когнитивными паттернами и принятием финансовых решений; функционируют в социальном взаимодействии, выступают мерилем самооценки, конвертируют ценности и реализуют особенности денежной культуры.

Перспективность исследования может быть связана с последовательным изучением монетарных установок на фразеологическом уровне ценностной картины мира.

СОКРАЩЕНИЯ

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 784 с.

предосуд. – предосудительное

пренебр. – пренебрежительное

прост. – просторечное

разг. – разговорное

устар. – устарелое

экспрес. – экспрессивное

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. Автор: А. И. Фёдоров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 03.11.2023).

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / [Под ред. А. И. Молоткова]. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 543 с.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Абрамова С. Б. Деньги в социальном взаимодействии: опыт исследования актуальной денежной культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева И. А. Деньги как феномен культуры: к вопросу о границах культурфилософского исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 3–18.
2. Денисенкова Ю. С. Концепт «Деньги» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 6. С. 28–36.
3. Залавина Т. Ю., Дерина Н. В., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Концепт деньги в контексте национальных лингвокультур // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 1. С. 191–196.
4. Зимин В. И. Оценочно-эмотивная амбивалентность фразеологических единиц в современном русском языке // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: Языкознание. 2005. Вып. 3. С. 5–9.
5. Лукин В. А. Семиотика денег и семиотические аспекты экономического кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 51. С. 274–282.
6. Лукин В. А. Семиотика денег: деньгоцентричность человека и антропоцентричность денег // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 55–64.
7. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические аспекты структурных компонентов и характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. Вып. 4 (169). С. 107–114.
8. Максаква Р. В. Деньги как средство формирования социальной дистанции // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 5–9.
9. Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А. Современные подходы к трактовке функций денег // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 2 (58). С. 29–40.
10. Никитин А. П. Значение денег в традиционном типе общества: социокультурный аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 51–57.
11. Пенягина Е. Б. Вариативность концепта «Деньги»: лингвистическое и когнитивное исследование // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 104–110.
12. Салимоненко Д. А. Классификация функций денег // Российский гуманитарный журнал. 2013. Вып. 2, № 5. С. 435–446.
13. Слатов Д. Г. О понятии «ценность денег». Постановка проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 7 (81). С. 58–61.
14. Фрейдсон О. А. Семантические особенности концепта «Деньги» в русских и французских фразеологизмах // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 355–358. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0087
15. Чубаров В. В. Психология денег. Как зарабатывать с удовольствием и тратить с умом: Книга-практикум. М.: Альпина Паблишер, 2022. 216 с.
16. Шестакова-Стукун А. С. Фразеологические параллели с компонентом 'деньги' в русском, украинском и польском языках // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 151–154.
17. Ширяева Е. А. Синтагматические модели русских и британских фразеологических единиц с монетарной семантикой // Лингвокультурология. 2019. С. 216–233.

Поступила в редакцию 06.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Zhanna V. Krasnobaieva-Chernaya, Dr. Sc. (Philology),
Professor, Pryazovskiy State Technical University (Mariupol,
Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7819-8094; zh.krasnobaieva@gmail.com

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF MONETARY ORIENTATIONS

Abstract. This article examines monetary orientations in the phraseology of the Russian language in economic, psychological, socio-philosophical, and socio-cultural aspects for the first time. The subject of the study is Russian phraseological units with the archiseme “money” as representatives of monetary orientations at the phraseological level of the language world picture. It is concluded that phraseology reflects several models of monetary orientations with the

actualization of the cultural codes (somatic, objective, natural, and activity ones). The content of monetary orientations indicates that money at the phraseological level of the language world picture retains priority as a means of trade; they display the connection between human emotions, cognitive patterns, and financial decision-making; they also function in social interaction, act as a measure of self-esteem, convert values, and implement the features of monetary culture. The study's theoretical significance lies in the development of ideas about the unique nation-specific monetary attitudes at the phraseological level of the linguistic world picture. The results of the study can be used in practice for teaching professional language, courses in linguoculturology, pragmalinguistics, and intercultural communication.

Key words: money, monetary orientations, semantics, phraseological unit, phraseology, language world picture

For citation: Krasnobaieva-Chernaya, Zh. V. Phraseological representation of monetary orientations. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1054

REFERENCES

1. Vasilyeva, I. A. Money as a cultural phenomenon: more on the question of the boundaries of cultural and philosophical research. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2011;3:3–18. (In Russ.)
2. Denisenkova, Yu. S. Money-proverbs in the Russian and English languages. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2016;6:28–36. (In Russ.)
3. Zalavina, T. Yu., Derina, N. V., Polyakova, L. S., Yuzhakova, Yu. V. Concept “money” in the context of national linguocultures. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2019;21(1):191–196. (In Russ.)
4. Zimin, V. I. Evaluative-emotive ambivalence of phraseological units in modern Russian. *Word: Folklore and Dialectological Almanac: Linguistics*. 2005;3:5–9. (In Russ.)
5. Lukin, V. A. Semiotics of money and semiotic aspects of the economic crisis. *Scientific Notes of Orel State University*. 2013;51:274–282. (In Russ.)
6. Lukin, V. A. Semiotics of money: moneycentricity of man and anthropocentricity of money. *Political Linguistics*. 2013;2(44):55–64. (In Russ.)
7. Makarova, E. A., Makarova, E. L., Mahrina, E. A. Psychological aspects of structural components and characteristics of value-semantic attitude to money. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Pedagogy and Psychology”*. 2015;4(169):107–114. (In Russ.)
8. Maksakova, R. V. Money as means of formation of social distance. *Vestnik of Samara State University*. 2013;5(106):5–9. (In Russ.)
9. Maramygin, M. S., Prokofyeva, E. N., Markova, A. A. Modern approaches to the interpretation of money functions. *Herald of Omsk University. Series “Economics”*. 2017;2(58):29–40. (In Russ.)
10. Nikitin, A. P. The meaning of money in the traditional type of society: sociocultural aspect. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2014;3:51–57. (In Russ.)
11. Penyagina, E. B. Variability of the money concept: linguistic and cognitive research. *Socio- and Psycholinguistic Studies*. 2021;9:104–110. (In Russ.)
12. Salimonenko, D. A. Classification of functions of money. *Liberal Arts in Russia*. 2013;2(5):435–446. (In Russ.)
13. Slatov, D. G. The concept of “value of money”. Problem statement. *Vestnik of Samara State University*. 2010;7(81):58–61. (In Russ.)
14. Freidson, O. A. Semantic features of the concept “money” in Russian and French phraseological units. *Baltic Humanitarian Journal*. 2021;3(36):355–358. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0087 (In Russ.)
15. Chubarov, V. V. The psychology of money. How to earn money with pleasure and spend wisely: Practice book. Moscow, 2022. 216 p. (In Russ.)
16. Shestakova-Stukun, A. S. Phraseological parallels with the component ‘money’ in the Russian, Ukrainian and Polish languages. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;6(149):151–154. (In Russ.)
17. Shiryayeva, E. A. Syntagmatic models of the British and Russian phraseological units with money component. *Linguoculturology*. 2019:216–233. (In Russ.)

Received: 6 December 2023; accepted: 15 May 2024

ТАТЬЯНА МОИСЕЕВНА МАЛЫХИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2350-9702; etnolingv@mail.ru

АЛЕВТИНА ВИКТОРОВНА КУЗЬМИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7732-1919; alevtina-kuzmina@mail.ru

СОСТАВ И СЕМАНТИКА НАРЕЧИЙ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – сопоставить лексический состав наречий времени на примере диалектной речи и народной лирики, определить их семантику, выделить общие компоненты, характерные для всех трех реализаций общезыковой системы, и частные, зафиксированные в определенном корпусе текстов. Использовались следующие методы исследования: метод дистрибутивного анализа, сопоставительный метод, методика компонентного анализа. Исследование указанной темы достаточно актуально, так как изучение наречий времени на фольклорном материале предполагает решение круга проблем, связанных со спецификой репрезентации этого явления в различных реализациях общезыковой системы. В использовании обстоятельств времени, выраженных наречиями, фольклорно-языковой строй отталкивался от диалектной речи, но в то же время он подвергался определенной обработке под эстетическим углом зрения. Новизна работы заключается в попытке сравнительного анализа наречий времени, функционирующих в народной лирике и диалектной речи. Основной вывод состоит в том, что в народно-песенной лирике состав и семантика обстоятельств времени, выраженных наречиями, уже, чем в диалектной речи, песня избегает и многочисленных узколокальных наречий времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фольклор, русская народная лирическая песня, диалект, наречия времени, семантика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Малыгина Т. М., Кузьмина А. В. Состав и семантика наречий времени в тексте русской народной лирической песни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1055

ВВЕДЕНИЕ

Наречие – одна из четырех основных знаменательных частей речи. Имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе высказывания о наречии как части речи многочисленны и разноречивы.

«Наречие как часть речи отличается производным характером. Оно включает неизменяемые слова, восходящие к другим частям речи и представляющие собой застывшие формы. Морфологический состав большей части наречий ясен, что свидетельствует о довольно позднем происхождении этой части речи. Наречие возникает в составе предложения в связи с утратой предметного значения словами, получившими обстоятельственную функцию. Лексический состав наречия характеризуется по преимуществу отвлеченным значением. С конкретным значением наречия немногочислен-

ны, что также свидетельствует о позднем образовании этой категории» [20: 225–226].

Разнообразны и классификации наречий, приводимые в грамматических описаниях русского и иностранных языков. Двучленная классификация, разбивающая наречия на «определятельные» и «обстоятельственные», – лишь одна из многих. В настоящее время двучленная классификация абсолютно преобладает в описаниях русских наречий.

Исследования обстоятельственных наречий времени проводились и проводятся в различных аспектах: диахроническом, словообразовательном, синтаксическом, сопоставительном, методическом.

В своем исследовании мы опираемся на систему Н. И. Цукановой¹, которая попыталась дать

лексико-семантическую классификацию наречий времени, установить их состав и функции на материале русской разговорной речи. По мнению исследователя, наречия времени обозначают различные временные отношения к моменту речи. Учитывая специфику субъектной ориентации во времени, Н. И. Цуканова наречия времени делит на группы:

1. Наречия, определяющие абсолютное время действия: *сегодня, завтра* и т. д.

2. Наречия, определяющие относительное время действия: *прежде, после* и т. д.

Наречия, определяющие абсолютное время действия, подразделяются на два типа:

1) наречия, которые определяют абсолютное время действия, не зависящее от момента речи, опирающееся на факты объективного мира («объективные» наречия): *смолоду, издавна, издревле, сызмальства, допоздна, дотемна, вначале, сперва, сначала* и др.;

2) наречия, которые определяют абсолютное время действия, зависящее от момента речи («субъективные» наречия): *вчера, позавчера, сегодня, ныне, доньше, поньше, завтра, послезавтра, давно, недавно, давным-давно, сейчас, теперь* и т. д.

Наречия, определяющие абсолютное время действия, могут характеризовать действие или признак с указанием исходного момента, конечного временного момента, временного момента в различные периоды года, суток, временного момента в различные дни, временного момента общего периода, количества времени, длительность регулярного (нерегулярного) временного момента.

Наречия, определяющие относительное время действия, также подразделяются на два типа:

1) наречия, указывающие на последовательность временных отношений: *раньше, пораньше, прежде, позже, попозже, тогда, заранее, потом, после, пока*;

2) наречия, указывающие на одновременность действия: *одновременно, сразу*.

Источниками исследования являются опубликованные собрания русской народной лирики – песенные тексты XIX–XX веков² и диалектный материал, представленный в известных словарях³.

Отметим, что большое число научных работ ученых-лингвистов посвящено изучению фольклорного материала, в том числе наречий, зафиксированных в региональном корпусе текстов [2], [3], [6], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [16], [17], [19], [20], [23].

* * *

В отличие от диалектной речи и литературной разговорной речи, в народной лирике на-

речия, определяющие абсолютное время, которое не зависит от момента речи, опирающиеся на факты объективного мира («объективные» наречия), не зафиксированы. Здесь нами отмечены только наречия, определяющие абсолютное время действия, зависящее от момента речи («субъективные» наречия).

«Субъективные» наречия в тексте русской народной лирической песни характеризуют действие или признак:

1) с указанием временного момента в различные периоды суток: *завтра, ввечеру, вечер, нысь*.

Наречие *завтра* имеет значение ‘следующим утром’, ‘утро на другой день’ (СРНГ, Т. 11: 136–137):

*«Не шуми, мати зелена дубровушка,
Не мешай мне, молодчику, думу думати!*

Завтра мне, молодчику, допрос будет:

Государь-ат меня батюшка будет спрашивать...»

(Киреевский: № 120).

В народной лирике используются два наречия для передачи значения ‘в вечернее время’ – это наречия *ввечеру* (Даль) и *вечор* (СРНГ, Т. 4: 219):

«Ввечеру долга просидела,

Всю лучину присветила

И агарочки прижгла,

Все мила дружка ждала...» (Песни: № 2260).

Наречие *вечор* представляет собой изменение *вечер* (перенос ударения на последний слог и переход *e* в *o* под ударением). Ф. И. Буслаев по поводу этого наречия писал: «Употребляемому в разговорном языке наречию *вечор* соответствует в древнем церковнославянском вин. п. *вечер* (в значении ‘вечером’)» [4]. Наречие *вечор*, в отличие от других, имеет более общую семантику, поэтому словари определяют его обычно обобщенно ‘вчера вечером’ (СРНГ, Т. 4: 219), так как разграничение этих двух значений в тексте в большинстве случаев невозможно:

*«Как **вечор**-то мы, красны девушки,*

Во тиру были, во беседушке...» (Песни: № 715).

*«Уж **вечор**-то я, добрый молодец,*

Улюбишки был...» (Песни: № 2595).

Наречие *ночь* имеет значение ‘прошедшей ночью’ (СРНГ, Т. 21: 300–301):

*«Мне-то **ночь** доброму молодцу*

Спалось-то спалось, много виделось,

Нехорошо-то мне сон привиделся...» (Киреевский: № 445).

В диалектной речи наречий, указывающих на временной момент в различные периоды суток, отмечено гораздо больше, чем в народной лирике. Это такие наречия, как *завтра, вутре, севоутра, утресь, ввечеру, вечер, ввечере, вечере,*

вечорась, сейвечер, ночесь, вночесь, ночно ('ночною порой'), *ночь-ночно, ночь-ноченски* ('каждую ночь'), *еженочно* ('ночи напролет'), *ополночь, ополдни / ополудни* (Даль).

2) С указанием временного момента в различные дни в народной лирике отмечены наречия: *вчера, вчерась, сегодня, ноне, нынче, ныне, нонече, нонча, завтра*.

Об этимологии наречия *вчера* А. Вайан предположительно писал: «*Вчера* напоминает *вечер*» [5]. Более определенно высказался о его этимологии А. Мейе: «Следует отметить употребление *вечера* в служебной форме, ставшей наречием *въчера* (буквально: в момент вечера)» [15]. Ф. И. Буслаев в наречии *вчера* (*вчерась, вчерась*) видел окончание «родительного падежа ед. числа» [4]. А. Мейе утверждал: «Родительный-отложительный падеж дает наречия типа *въчера*, родительный падеж от *вечера* (с применением гласной вследствие служебного характера слова)» [15]. Наречие *вчера* в русском языке с древних времен сопровождается его вариант *вчерась(-ся)*. Оба варианта зафиксированы и в тексте народной лирической песни:

*«Трубила трубонька по заре,
Всплакала Марьюшка по косе,
Всплакала Васильевна по трубчатой:
Вчера тебя, косынька, девицы плели,
Запели косыньку трубчатую...»* (Песни: № 92).
*«...Я вчерась слово мила дружка далеко провожала,
Среди-то путя адна бедная бедняжечка асталась,
Я ва след ему кричала,
С ним процалася...»* (Песни: № 2251).

Для передачи значения 'сегодняшний день' в русской лирической песне используются наречия *сегодня, ноне, ныне, нынче / нынече, нонча / нонеча*:

*«Сегодня же косынку свашеньки плетут,
Распели косыньку трубчатую,
Запели косыньку двойчатую...»* (Песни: № 92).
*«...И да или прошли два полка солдат,
Новобранные солдаты, ноне набраны...»* (Песни: № 1335).

*«Королева на утри стала спрашивати:
– Уж ты дочь моя, дочь любимая,
Уж с кем же ты нонча ночью разговаривала?»* (Киреевский: № 470).

*«Как нынче у нас порошица
Выпала...»* (Песни: № 564).

Наречие *завтра* связано по происхождению со словом *заутра*. Авторы «Словаря русских народных говоров» отмечают два наречных значения у слова *заутра*: 'завтра, на следующий день', 'на утро следующего дня' (СРНГ, Т. 11: 136–137).

Наречие *завтра* в народной лирике обозначает 'день, следующий за нынешним, время по первой за сим ночи и до следующей' (Даль).

*«...Завтра будет другой день,
Рано солнышко взойдет,
Туча темная взойдет,
Дробен дождичек пойдет...»* (Песни: № 2054).

*«...Завтра по утру
Радость будет,
Радость будет,
Веселья прибудет...»* (Песни: № 790).

В диалектной речи выступают следующие наречия с указанием временного момента в различные дни: *вчера, вчерась, авчера, позавчера / позавчерась, завчера / завчора, сегодня / севодни, седни, седнитка, седнева, ноне, нонче, нонича, ноничка, ноченька, ноньмо, ныне, нынече, ныньма, завтра, завтра, завтрича* (Даль).

3) С указанием временного момента общего периода времени в тексте народной лирической песни отмечены наречия: *давно, давным-давно, теперича, теперя / теперь, зараз, поздно, позднехонько, позднешенько, рано, раненько, ранешенько, ранехонько, ранешунька, раным-рано*. Этот тип наречий является самым распространенным в народной лирике:

*«...Только есть у молодца в живых одна-ли жена моллодая,
Да и та-ли, расканалья, давно замуж вышла»* (Песни: № 2770).

*«...Заболело-то у меня ретиво сердечушко,
Заболело-то оно, переболелось,
Что давным-давно с дружкой не видалось»* (Песни: № 2567).

*«...Выкатывайтесь, слезы, с глаз,
Нам теперя не до Вас,
Разлучиться пришел час...»* (Песни: № 2003).
*«...Я бывало-ца спал я на перине пуховой,
А теперича валяюсь на рогоже гнилой...»* (Песни: № 235).

*«Зараз девчина проявилась на дворе, –
Все девушки глядят,
Все красавицы смотрят»* (Песни: № 1979).
*«Не вставай, не вставай, Авдотьюшка,
Раненько;
Не гладь, не гладь головушку
Гладенько...»* (Киреевский: № 490).

Наречия *поздно, позднехонько, позднешенько* часто в народной лирике выступают в сочетании с наречием *вечеру*, а наречия *рано, ранехонько, ранешенько* – с существительным *по утру*:

*«...Вечеру позднешенько сударка была,
Сударка была, была – рядом сидела»* (Песни: № 1764).
*«Как по утру ранехонько,
Вечеру то позднехонько,
Не лебедушка кликала,
Красна девица плакала...»* (Песни: № 709).
*«...Позабыла, соловьюшки своему приказать,
Чтоб не пел рано по утру,
Не будил бы разлюбезного в этой комнате...»* (Песни: № 1697).

В диалектной речи наречия с указанием временного момента общего периода времени представлены следующими словами и сочетаниями слов: *давно, давным-давно, давнехонько, давнешенько, давненько, недавно, теперь, теперича, теперча, рано, рано-порану, раным-ранехонько, поздным-позднехонько, скоро, сейчас, сычас, сяс, шичас, чичас, сичас, счас, шчас, щас, когда-то, давеча, нады, анады, надысь, анадысь, намедни, нагдысь, оногдась, оногдысь, номнясь, ономедь, ономеднись, лонись, лонясь, аланясь, летось, иногодне, иногоднись* (Даль).

4) С указанием количества времени в тексте народной лирической песни отмечены наречия *долго, недолго*:

«Долго, долго сокол не летит!

Знать, что сокол за леса залетел...» (Песни: № 306).

«Не долго цветочку во садике цвести,

Не долго цветочку на стопочке висеть,

Пора из цветочка веночек свить...» (Песни: № 852).

В диалектной речи наречия с указанным значением представлены также словами *долго, недолго* (Даль).

5) С указанием длительности регулярного (нерегулярного) временного момента в народной лирике зафиксированы наречия *всегда, завсегда, никогда*:

«...Заботушка, сухота – некорыстная жена:

*Все журит-бранит своего мужа **завсегда**,*

*Муж не слушает своей жены **никогда**...»* (Песни:

№ 2477).

В диалектной речи отмечены следующие наречия с указанием длительности регулярного (нерегулярного) временного момента: *всегда, завсегда, никогда, скрость, вечно, всевечно, вековечно, однажды, редко, нередко, иногда, кагда-нибудь, коли-нибудь, кой-когда, иногда, коли, коль-коли* (Даль).

Наречия, определяющие относительное время действия, в народной лирике указывают на последовательность временных отношений: *воперёд, апосля*.

*«...Не поедешь ли **воперёд** моего домой?»* (Песни: № 2156).

«...Что любил-то, любил парень девушку,

Любил, да покинул,

***Апосля-то** того разбессовестный*

В глаза насмеялся...» (Песни: № 2087).

В диалектной речи их состав многочисленнее: *раньше, допрежде, вперед, воперед, сперва, сначала, после, пасля, апасля, впоследствии, впоследствии, потом, там, тогда, позади* (Даль).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделаем некоторые выводы относительно проведенного исследования:

1. В народной лирике наречия, выражающие время действия, представлены более ограниченно, чем в диалектной речи. Здесь не зафиксированы наречия, определяющие абсолютное время, не зависящее от момента речи, опирающееся на факты объективного мира.

2. Общими «субъективными» наречиями, характерными для всех трех реализаций общезыковой системы, являются *вечор, вчера, сегодня, завтра, давно, давным-давно, теперь, поздно, рано, долго, недолго, всегда, никогда*. Общих «субъективных» наречий, отмеченных только в народной лирической песне, нами не обнаружено. Общими «субъективными» наречиями, зафиксированными только в тексте народной лирической песни и диалектной речи, являются *заутра, ввечеру, ночесь, вчерась, ежесдень, none, нынче, нонече, нонча, теперича, теперя, зараз, позднехонько, позднешенько, раненько, ранешенько, ранехонько, раным-рано, завсегда*.

3. «Субъективных» наречий, характерных только для народной лирики, нами не обнаружено. Только в диалектной речи зафиксированы наречия: *вутре, севоутра, ввечере, ввечорась, сейвечер, ночно, ночь-ночно, ночь-ноченски, еженочно, ополночь, ополдни, ополудни, давнехонько, давнешенько, давненько, рано-порану, раным-ранехонько, поздным-позднехонько, давеча, нады, анады, надысь, анадысь, намедни, нагдысь, оногдась, номнясь, ономедь, ономеднись, лонись, лонясь, аданясь, иногодне, иногоднись, летось, зимусь, веснусь, осенесь, утресь, скрость, всевечно, вековечно, коли-нибудь, коли, коль-коли*.

4. Наречия, определяющие относительное время действия, в диалектной речи подразделяются на два типа: 1) наречия, указывающие на одновременность действия: *одновременно, сразу*; 2) наречия, указывающие на последовательность временных отношений: *прежде, позже, попозже, тогда, заранее, потом, после, допрежде* и др.

В народной лирике отмечены только наречия, указывающие на последовательность временных отношений (*воперед, апосля*). Наречия, указывающие на одновременность действия, нами не зафиксированы.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что певцы в фольклорных произведениях ориентируются на общезыковые явления, избегая узколокальных конструкций. Представленные выводы подтверждают точку зрения А. П. Евгеньевой о том, что

«язык устной поэзии... язык отобранный, выработанный, отшлифованный, это язык “традиционный” <...> Настоящий художник всегда выбирает для воспроизводимого и одновременно творимого произведения наиболее точное, наиболее типическое, общее и яркое...» [7: 339].

Более узкое использование языковых средств, по мнению Е. Б. Артеменко, объясняется,

«с одной стороны, устным характером бытования произведений народного творчества, порождающим тенденцию к созданию и использованию готовых художественно-языковых средств, количественно более ограниченных, чем все многообразие средств народно-разговорной речи, а с другой – определенной ограничен-

ностью и устойчивостью тематики отдельных жанров фольклора» [1: 30].

Таким образом, в произведениях фольклора преобладают выразительные средства, уже существующие в общенародном языке, при этом его носитель не выходит за пределы фольклорных языковых норм, но широко пользуется богатыми средствами традиционной поэтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цуканова Н. И. Наречия места и времени в русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Термез, 1981. 28 с.
- ² Киреевский П. В. Собрание народных песен [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/kireevskiy_petr/sobranie_narodnih_pesen.html (дата обращения 10.02.2023) (далее – Киреевский); Песни, собранные П. В. Киреевским: В 2 вып. М.: Новая серия, 1917–1929 (далее – Песни).
- ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (далее – Даль); Словарь русских народных говоров / Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (далее – СРНГ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артеменко Е. Б., Лазутин С. Г. О языковой природе и идейно-эстетических функциях некоторых явлений поэтического синтаксиса русской народной лирики // Поэтика литературы и фольклора: Сб. ст. Воронеж, 1979. С. 29–40.
2. Бобунова М. А. Распорядился он по богатырскому... (сравнительно-уподобительные наречия в онежском эпосе) // Лингвофольклористика. 2016. № 23. С. 11–18.
3. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Конкорданс русской народной песни: песни Курской губернии. Курск, 2007. 258 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
5. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Иностранная лит., 1952. 446 с.
6. Диневич И. А. Предикативация в фольклорном тексте // Лингвофольклористика. 2000. № 3. С. 37–44.
7. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX веков. М.; Л., 1963. 348 с.
8. Климас И. С. Репрезентация лексем кластера «религия» в северных фольклорных песнях из свода А. И. Соболевского // Кубанские научные беседы: этнокультурный аспект: Материалы конференции. Курск: КГТУ, 1998. С. 28–30.
9. Климас И. С., Праведников С. П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (3). С. 16–19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261/ (дата обращения 10.02.2022).
10. Кравчиньска М. А. Наречие как средство формирования временных отношений в фольклорном тексте сказки // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 5. С. 213–221.
11. Кузьмина А. В. Фольклорные мотивы в творчестве П. И. Карпова // Лингвофольклористика. 2013. № 20. С. 76–81.
12. Ларина Л. И. Диалектные грамматические формы в пословицах В. И. Даля // Лингвофольклористика. 2010. № 17. С. 25–32.
13. Малыхина Т. М., Кузьмина А. В., Писарева Л. Е. Названия периодов по церковному календарю в тексте русской народной лирической песни // Лингвофольклористика. 2022. № 55. С. 33–42.
14. Малыхина Т. М., Кузьмина А. В. Сопоставительный анализ существительных с обстоятельством значением времени в тексте русской народной лирической песни и диалектной речи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 116–130.
15. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Иностранная лит., 1951. 429 с.
16. Праведников С. П., Францова Н. В. Песенная лирика Курского региона. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2023. 256 с.
17. Праведников С. П. Диалектный ландшафт курской частушки. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2023. 212 с.
18. Собиенникова В. И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984. 293 с.
19. Хроленко А. Т. К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 82–94.
20. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова: Монография. Воронеж, 1992. 140 с.
21. Черноусова И. П. Циркумфиксальные наречия в русском фольклоре (на материале былин) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 74–78.

Поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatiana M. Malykhina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation) ORCID 0000-0002-2350-9702; etnolingv@mail.ru
Alevtina V. Kuzmina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation) ORCID 0000-0001-7732-1919; alevtina-kuzmina@mail.ru

COMPOSITION AND SEMANTICS OF ADVERBS OF TIME IN RUSSIAN FOLK LYRIC SONGS

Abstract. The purpose of the article is to compare the lexical composition of the adverbs of time using the example of dialect speech and folk lyric songs, determine their semantics, and identify common components characteristic of all three implementations of the general linguistic system, and specific components fixed in a particular corpus of texts. The research methodology included the method of distributive analysis, the comparative method, and the method of component analysis. The study of this topic is quite relevant, since the study of adverbs of time in folkloric materials involves solving a range of problems related to the specifics of the representation of this phenomenon in various implementations of the general linguistic system. In using adverbial modifiers of time, the folklore language system drew upon dialect speech, but at the same time it underwent certain processing from an aesthetic point of view. The novelty of the work lies in a rare attempt to compare the adverbs of time functioning in folk lyric songs and dialect speech. The main conclusion is that in folk lyric songs the composition and semantics of adverbial modifiers of time are narrower than in dialect speech, and songs also avoid using numerous narrow local adverbs of time.

Keywords: folklore, Russian folk lyric song, dialect, adverbs of time, semantics

For citation: Malykhina, T. M., Kuzmina, A. V. Composition and semantics of adverbs of time in Russian folk lyric songs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1055

REFERENCES

- Artemenko, E. B., Lazutin, S. G. The linguistic nature and ideological and aesthetic functions of some phenomena of the poetic syntax of Russian folk lyric poetry. *Poetics of literature and folklore*. Voronezh, 1979. P. 29–40. (In Russ.)
- Bobunova, M. A. He did it as a bogatyr... (comparative adverbs in Onego epics). *Lingvo-Folkloristics*. 2016;23:11–18. (In Russ.)
- Bobunova, M. A., Khrolenko, A. T. Concordance of Russian folk song: songs of the Kursk province. Kursk, 2007. 258 p. (In Russ.)
- Buslaev, F. I. Historical grammar. Moscow, 1959. 623 p. (In Russ.)
- Vaian, A. Guide to the Old Church Slavonic language. Moscow, 1952. 446 p. (In Russ.)
- Dinevich, I. A. Predication in folklore texts. *Lingvo-Folkloristics*. 2000;3:37–44. (In Russ.)
- Evgenyeva, A. P. Essays on the language of Russian oral poetry in records dated between the XVII and the XX centuries. Moscow; Leningrad, 1963. 348 p. (In Russ.)
- Klimas, I. S. Representation of lexemes of the “religion” cluster in northern folk songs from the collection of A. I. Sobolevsky. *Kuban scientific discussions: ethnocultural aspect: Conference proceedings*. Kursk, 1998. P. 28–30. (In Russ.)
- Klimas, I. S., Pravednikov, S. P. Gates in Kursk folklore. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2021;1(3):16–19. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261/ (accessed 02.10.2022). (In Russ.)
- Kravchinska, M. A. Adverb as a means of forming temporary relations in the texts of Russian folk tales. *Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series*. 2013;155(5):213–221. (In Russ.)
- Kuzmina, A. V. Folklore motifs in the works of P. I. Karpova. *Lingvo-Folkloristics*. 2013;20:76–81. (In Russ.)
- Larina, L. I. Dialectal grammatical forms in proverbs collected by V. I. Dal. *Lingvo-Folkloristics*. 2010;17:25–32. (In Russ.)
- Malykhina, T. M., Kuzmina, A. V., Pisareva, L. E. Names of periods according to the church calendar in Russian folk lyric songs. *Lingvo-Folkloristics*. 2022;55:33–42. (In Russ.)
- Malykhina, T. M., Kuzmina, A. V. Comparative analysis of noun classes with the adverbial meaning of time in the text of Russian folk lyrical song and dialect speech. *Cherepovets State University Bulletin*. 2023;4(115):116–130. (In Russ.)
- Meillet, A. Common Slavic language. Moscow, 1951. 429 p. (In Russ.)
- Pravednikov, S. P., Frantsova, N. V. Lyric songs of the Kursk region. Kursk, 2023. 256 p. (In Russ.)
- Pravednikov, S. P. The dialectal landscape of the Kursk ditties. Kursk, 2023. 212 p. (In Russ.)
- Sobinnikova, V. I. Historical grammar of the Russian language. Voronezh, 1984. 293 p. (In Russ.)
- Khrolenko, A. T. The use of paratactic constructions in Russian folk lyric songs. *Lingvo-Folkloristics*. 2022;36:82–94. (In Russ.)
- Khrolenko, A. T. Semantics of folklore words: Monograph. Voronezh, 1992. 140 p. (In Russ.)
- Chernousova, I. P. Circumfixal adverbs in Russian folklore (based on epics). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2023;4:74–78. (In Russ.)

Received: 20 February 2024; accepted: 15 May 2024

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА СКРЕБЦОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7825-1120; t.skrebtsova@spbu.ru

В НАТУРЕ, ПО ЖИЗНИ, В РЕАЛЕ, ПО ФАКТУ: НОВЫЕ МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я . Анализируются дискурсивные маркеры, вошедшие в русский язык в последние три десятилетия и связанные с выражением эпистемической модальности. Объектом рассмотрения являются новые маркеры реальности, не получившие подробного описания в научной литературе. Опираясь на материалы Национального корпуса русского языка, автор анализирует их семантику и особенности функционирования в речи. Отмечаются черты, присущие всем дискурсивным маркерам реальности: сочетание смысловых компонентов ‘достоверность’ и ‘уверенность’, тенденция к десемантизации и прагматикализации значения, словарное определение посредством отсылки к центральным членам данной группы языковых единиц. Наличие семантически и грамматически разнородных контекстов употребления позволяет констатировать полисемию. Вместе с тем отнесение того или иного употребления конкретного маркера к определенному значению нередко затруднено их диффузией. График распределения по годам наглядно демонстрирует подвижность данной группы языковых единиц, которая обуславливает необходимость их своевременной фиксации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : дискурсивный маркер, маркер реальности, эпистемическая модальность, десемантизация, прагматикализация, субъективизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Скребцова Т. Г. *В природе, по жизни, в реале, по факту: новые маркеры реальности* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1056

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает традицию исследования дискурсивных маркеров (иначе: дискурсивных слов, прагматических частиц) – метакоммуникативных элементов, выполняющих важную функцию, связанную с организацией хода разговора, обеспечением его связности и правильной интерпретации реплик собеседников.

Затрудняясь со строгим определением, исследователи, однако, единодушны в том, что дискурсивные маркеры выделяются в особый класс языковых единиц именно по функциональному (а не грамматическому или семантическому) признаку. По мнению автора пионерской работы в данной области – американского лингвиста Деборы Шиффрин, они представляют собой инструкцию относительно того, каким образом следует рассматривать поступающее высказывание: как ориентированное на говорящего или слушающего, на предшествующий или будущий текст, на информацию или оценку и пр. Дискурсивные маркеры образуют своеобразные «контекстуальные координаты» при порождении

и интерпретации высказывания [10: 312]. Схожим образом отечественные исследователи отмечают, что дискурсивные слова

«обеспечивают связность текста <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего <...> выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [1: 7].

Разнородность дискурсивных маркеров в том, что касается их происхождения, грамматических и семантических свойств, обуславливает отсутствие четких границ у данного класса слов и, следовательно, невозможность его исчисления. Как правило, исследователи обращаются к рассмотрению отдельных единиц или ряда функционально схожих единиц. Настоящая работа не является исключением. Ее предмет составляют дискурсивные маркеры, служащие для выражения субъективной (эпистемической) модальности.

Эпистемическая модальность может быть определена как оценка говорящим сообщаемого как соответствующего или не соответствующего

действительности с точки зрения его знаний [8: 162]. Такая оценка варьируется вдоль шкалы значений, один конец которой связан с идеей уверенной достоверности (ср. такие языковые единицы, как *несомненно, конечно, действительно*), а другой – уверенной недостоверности (*невозможно, невероятно*); между ними расположена зона значений так называемой проблемной или проблематичной достоверности (*возможно, вероятно, маловероятно, вряд ли*). В настоящей статье нас интересует значение уверенной достоверности, в литературе оно также называется «категорической достоверностью»¹ [5: 41–42], или просто «достоверностью» [8: 162], или «реальностью» [1: 76–104], [3]. Последнее обозначение кажется нам предпочтительным, поскольку наводит на размышления о разных гранях реальности.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ КАК КЛАСС ЕДИНИЦ

Какие же языковые выражения принято относить к маркерам реальности? В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» [1: 76–104] соответствующая группа включает такие единицы, как *действительно, в действительности, в самом деле и на самом деле*. Представляется, что выбор составителей вполне оправдан в том смысле, что это действительно ее центральные, стилистически нейтральные, члены. Маркер *на самом деле* получил широкое освещение в литературе в связи с его резко возросшим употреблением в 2010-е годы: предметом анализа становились его отношения с паронимом *в самом деле* [2], [4], [9], а также его прагматикализация и превращение в слово-паразит [6].

Однако класс маркеров реальности этим не исчерпывается. В статье О. М. Исаченко [3] дополнительно упоминаются выражения *на деле, в реальности, реально, в реале, натурально и в натуре*, хотя подробного описания они не получают. На наш взгляд, есть и другие единицы, которые могут претендовать на соответствующий статус, но они пока не обратили на себя внимание исследователей. Такое положение дел обусловлено открытым, динамическим характером рассматриваемой группы [3: 32], да и дискурсивных маркеров в целом: лингвисты не всегда успевают их вовремя фиксировать. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые выражения, которые стали использоваться в качестве маркеров реальности в последние три десятилетия. Цель исследования состоит в том, чтобы на основании корпусных данных проанализировать функционально-семантические особенности их

употребления и обосновать их принадлежность к группе маркеров реальности.

Для того чтобы расширить границы группы и включить в нее новые члены, следует убедиться в том, что они удовлетворяют набору признаков, свойственных маркерам реальности. Каковы эти признаки? Прежде всего это общая для всех дискурсивных маркеров функциональная направленность, связанная с обеспечением организации дискурса-как-процесса (ключевая особенность, выделенная еще в книге Д. Шиффрин [10]). Помимо этого, нетрудно заметить, что многие дискурсивные маркеры представляют собой лексикализованные словоформы (*послушай, видите ли, на деле, в принципе, в общем, по существу и др.*); это свойство, впрочем, не является необходимым.

Перейдем теперь к дифференциальным свойствам именно маркеров реальности. О. М. Исаченко [3] пишет, что эти единицы актуализируют смыслы ‘достоверность’ и ‘уверенность’. Заметим, что данные семантические компоненты могут сочетаться в разных пропорциях у разных маркеров, а также у одного и того же маркера в разных контекстах. По-видимому, преобладание компонента ‘достоверность’ отличает стилистически нейтральные выражения *в действительности и действительно*.

Напротив, употребление маркера *на самом деле* (особенно в инициальной позиции, с характерной восходяще-нисходящей интонацией и паузацией в конце) часто подчеркивает не столько достоверность информации, сколько уверенность говорящего в истинности, реальности некоторого положения дел. Интонационная выделенность и паузация придают данному выражению экспрессивную окраску. Произнося его, говорящий претендует на большую осведомленность и, следовательно, более высокий коммуникативный статус и власть над собеседником (с точки зрения социолингвистической оппозиции власти и солидарности [7]). Все это отличает многие употребления маркера *на самом деле*²:

(1) «*На самом деле*, если кто-то раньше успешно выполнил определённую работу, вряд ли он повторит этот результат снова» [Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004];

(2) «*А на самом деле* самолёт-то и лётчик скоро вернутся, но мы этого уже не увидим» [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

Преобладание компонента ‘уверенность’ свидетельствует о субъективизации значения (в том смысле, в котором этот термин использует Э. Трауготт [11]); со временем эта тенденция может приводить к десемантизации, превращению

языковой единицы в слово-паразит. Таких примеров употребления рассматриваемого маркера тоже немало:

(3) «*На самом деле* мы понимаем, что льготами пользуется не самая бедная часть населения, бедные получают лишь пятую часть нынешних льгот» [Оксана Карпова. Александр Починок: Концепция льготного государства бессмысленна // «Время МН», 2003.07.31].

Возвращаясь к общим чертам маркеров реальности как группы языковых единиц, следует отметить лексикографический аспект: если новый ее член получает лексикографическое описание, то дефиниция обычно строится по синонимическому типу, посредством отсылки к центральным представителям (*в действительности, действительно, в самом деле*).

Подводя итог, перечислим характерные черты маркеров реальности: специфическая функциональная нагрузка, лексикализованность, сочетание смыслов 'достоверность' и 'уверенность', интонационная выделенность, заявка говорящего на более высокий коммуникативный статус, десемантизация и употребление в качестве слова-паразита, словарное толкование через нейтральные синонимические выражения. Не все признаки являются обязательными, но чем их больше, тем более оправдано включение единицы в соответствующую группу. Основным методом исследования является семантический анализ маркера в окружающем его контексте; дополнительно привлекаются лексикографические материалы (при их наличии).

Руководствуясь вышеизложенным, обратимся к анализу материала. В качестве новых маркеров реальности будут рассмотрены предложно-падежные формы *в натуре, в реале, по жизни и по факту*. Их употребление в специфической функции дискурсивных слов приходится на последние три десятилетия и обусловлено как социальными изменениями, так и научно-техническим прогрессом.

В натуре

Оборот *в натуре* как метакоммуникативный элемент стал широко известным в 1990-е годы, когда он, как и многие другие элементы блатного языка, покинул узкие рамки уголовного жаргона и вошел в разговорную речь: сначала в околокриминальных кругах «новых русских», а затем и шире³.

Примечательно, что из всех рассматриваемых в данной статье маркеров именно он описан в наибольшем числе лексикографических источников. Из ранних фиксаций отметим Толковый словарь уголовных жаргонов, где оборот *в на-*

туре получает дефиницию «В самом деле»⁴. Она вполне соответствует, например, такому употреблению:

(4) [Кирпич (Станислав Сададьский, муж, 28, 1951)] «Ну что ты хочешь / чтоб меня порезали / *в натуре*?» [Станислав Говорухин, Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Место встречи изменить нельзя, к/ф (1979)].

Другие словари тюремного жаргона склонны выделять два значения, где первое описывает функционирование рассматриваемого слова в качестве наречия или вводного слова с отмеченным выше значением 'действительно, в самом деле', а второе охватывает его экспрессивные употребления, связанные с выражением эмоций⁵. При этом спектр эмоций в разных словарях различается: от сугубо отрицательной экспрессии до широкого спектра прагматических значений, связанных с выражением одобрения, удивления, осуждения, угрозы, побуждения к чему-л.⁶

В связи с расширением сферы употребления данный оборот получил фиксацию и в словарях общего языка. Так, Большой толковый словарь русского языка выделяет следующие лексико-семантические варианты: «1) в значении наречия. В самом деле; 2) в значении междометия. Выражает удивление, одобрение»⁷. Примечательно, что второе значение здесь ограничивается положительной или нейтральной экспрессией.

В некоторых случаях рассмотренные два типа употреблений отчетливо дифференцируются. Так, имеются примеры использования данного оборота в качестве наречия со значением достоверности:

(5) «Я никогда не видел *в натуре* такое количество народу» [Василий Катаян. Лоскутное одеяло (1990–1999)];

(6) «Разговор, который здесь имеет несколько дружную, литературную, что ли, форму, *в натуре* был длиннее и невнятнее и происходил, естественно, дольше» [Сергей Есин. Марбург (2005)].

С другой стороны, есть значительное число случаев употребления данного оборота как междометия и даже слова-паразита, где смысловое содержание весьма размыто:

(7) «– Ты лучше за дорогой смотри, *в натуре!*» [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)];

(8) «Во сколько? – Не, ну ты чё, *в натуре!* Нам туда тащиться!» [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Следует заметить, что на письме (в отличие от устной речи, где просодические характеристики играют важную роль) эти два типа употреблений не всегда можно четко разделить. Из-за диффузии значений происходит слияние эпистемической оценки и эмоциональной реакции:

(9) «Да я всем неплохим во мне обязан книгам, **в натуре**» [Василий Аксенов. Негатив положительного героя (1996)];

(10) «Зачем, **в натуре**, любить бандитов и мафиози?» [Игорь Мартынов. Шовинист (1997) // «Столица», 17.06.1997];

(11) «– Ни хрена! Не сумеет, **в натуре!** – Стрижу не давали слова, но он вылез сам, понимая, что сейчас скажет в жилу Телеге и поддержит себя еще разок» [Сергей Таранов. Мстители (1999)];

(12) «– Сам знаешь, за что, – откликнулся Валек. – **В натуре**, не знаю! – За Лариску, вот за что» [Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)].

Согласно данным НКРЯ, пик частотности рассматриваемого оборота был пройден в 1997 году, после чего он еще некоторое время сохранялся в активном употреблении, однако все чаще использовался в иронических контекстах в качестве элемента «чужой речи»:

(13) «Мол, мы уже не в малиновых пиджаках и с цепями. Мы, **в натуре**, высокое искусство понимаем. А где же на всех раритетов набраться?» [Ирина Павская. «Джоконда» Мценского уезда (2006)].

Сохранится ли лексикализованная форма *в натуре* как дискурсивный маркер? Рискнем предположить, что едва ли. В силу своей прочной ассоциации с ушедшим феноменом «новых русских», этот маркер, скорее всего, останется в истории языка как характерная примета времени. Высокая скорость, с которой подобные выражения входят в язык и выходят из него, в целом типична для дискурсивных маркеров.

По жизни

Корни выражения *по жизни* также лежат в блатном жаргоне, на что указывает его присутствие в словаре В. С. Елистратова⁸, а также первое значение, выделенное В. В. Химиком «В обычной жизни, за пределами зоны, тюрьмы» (с пометой *жарг.*)⁹. Как и рассмотренный выше оборот *в натуре*, выражение *по жизни* вошло в язык и стало активно употребляться в 1990-е годы: словарь Ермаковой, Земской и Розиной характеризует его как очень частотное¹⁰. Однако, в отличие от оборота *в натуре*, оно не имело прочной ассоциации с преступными группировками того времени. Оно было также лишено скабрезных коннотаций, присущих последнему (связанных с сочетанием идей обнаженности и использования в качестве платежного средства). Таким образом, у оборота *по жизни* было меньше сдерживающих распространение факторов, и оно широко проникло в узус. Словарь-справочник новых слов и значений снабдил его пометой «разговорное»¹¹.

Что касается семантического описания, оно различается в разных словарях по количеству и качеству смысловых элементов. При этом стабильно фиксируется значение, связанное с отсылкой к некоему реальному, практическому положению дел, ср. дефиницию «В реальной жизни»¹². В наиболее эксплицитном виде эта мысль выражена в «Словаре русского сленга»: «На самом деле, в действительности. В бытийном, экзистенциальном плане (в отличие от спекулятивного плана)»¹³. И действительно, во многих контекстах отсылка к реальному положению вещей противопоставляется умозрительным построениям или описаниям «на бумаге» (это же, кстати, характерно для маркера по факту – см. ниже):

(14) [Задорнов, муж, экономист] «Я думаю / **по жизни** будет немножко иначе / **по жизни** немножко тот же уровень и будет в следующем году» [Беседа О. Бычковой с экономистом М. Задорновым в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)];

(15) [Шойгу, муж, чиновник] «Поэтому эти планы отработаны достаточно давно и отработаны не на бумаге / а **по жизни**» [Беседа А. Венедиктова с С. Шойгу в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)].

Указанным значением, однако, функционирование оборота *по жизни* не исчерпывается. Вот некоторые примеры:

(16) «– Ну ты, на выхлопе, ты чё? – сказала Валька Барби, помимо своей воли нежно улыбаясь. – Я вообще **по жизни** пишу с ошибками, я из школы ушла в четвёртом классе, несправедливо поступили со мной» [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996];

(17) «С учителями и преподавателями мне **по жизни** везло» [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].

Подобные употребления мотивированы семантикой существительного *жизнь*, включающей темпоральный аспект. Они охватываются производным значением, фиксируемым в ряде источников: «Во всех случаях, все время, постоянно»¹⁴, «В течение всего существования; всегда, постоянно»¹⁵, «Всегда, во всех случаях, постоянно»¹⁶.

Трактовка данного выражения как полисемичного, однако, осложняется высокой диффузией значений. Многие примеры трудно однозначно отнести к какому-то одному из значений: они сочетают в себе оба семантических компонента:

(18) «Не кот, а полноценный член нашей семьи. **По жизни** психолог, Казанова и боец. К каждому имел свой подход» [Инна Ошевнева. Его высочество Том // «Дальний Восток», 2019];

(19) «А чем вы, если не секрет, занимаетесь? Ну, то есть вообще, **по жизни**? – Я художник, – отвечает

парень, почему-то не чувствуя в своём ответе никакой лжи» [Ю. И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016].

В разговорной речи (устном подкорпусе НКРЯ) встречаются примеры десемантизации рассматриваемого оборота:

(20) [И. А. Ямшиков, муж, 50, 1959, член Российского союза ветеранов Афганистана] «То есть ну / некоторых было сразу видно / что вот он “тютя-матютя” там / так он и щас *по жизни* там “тютя-матютя”» [Интервью с членом Российского союза ветеранов Афганистана И. А. Ямшиковым (2009)].

Дискурсивный маркер *по жизни*, хотя и показывает некоторое уменьшение частотности в последние годы, все же остается в активном употреблении, чему, по-видимому, способствует его довольно широкая и размытая семантика, а также отсутствие стилистической сниженности.

В реале

Выражение *в реале* своим происхождением обязано не социальным изменениям, а научно-техническому прогрессу, а именно появлению персональных компьютеров и быстрому распространению Интернета. Возникшее понятие *виртуальный мир* противопоставлялось привычной действительности, «реальному» миру. Соответственно, в разговорной речи сложилась оппозиция «*в реале* – *в виртуале*»:

(21) «Просто наша реальность шире вашей, просто мы живем в двух измерениях – и *в реале*, и в виртуале» [А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)];

(22) «Событие еще не состоялось, а *в реале* и виртуале уже разгорелась ожесточенная дискуссия: имеют ли право благотворители взывать к каким-либо чувствам, кроме совести» [Анна Титова. Стриптиз для нищих // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011].

Впрочем, сейчас уже можно констатировать, что выражение *в виртуале* не прижилось в русском языке. Напротив, *в реале* стало стремительно набирать популярность и употребляться отдельно, без выраженного второго члена оппозиции:

(23) «Очень скоро и совершенно неожиданно для себя Ольга получила короткий, но вполне дружелюбный ответ от актрисы, робко написала еще раз, боясь поверить своему счастью, и уже через месяц они вступили в активную переписку, а через два – встретились и познакомились лично, или, как принято говорить, “*в реале*”» [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

Оборот получил фиксацию в словаре В. В. Химика с дефиницией ‘В действительности, на самом деле’ (с пометой *молодежное*)¹⁷.

Дальнейшее семантическое развитие оборота *в реале* связано с осмыслением его в качестве отсылки к «миру вещей», противопоставленному уже не виртуальному миру, но «миру идей», так называемым возможным мирам (произведений литературы, кино и пр.), а также описаниям и изображениям реальной действительности:

(24) «В идеале профессия вождя это точное совпадение обещаний и выполнений, но *в реале* это далеко не всегда так» [Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)];

(25) «Во сне видела много раз, но *в реале* это был первый опыт» [Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)];

(26) [Фюльгья (жен)] «Юрский и Тенякова, муж и жена “*в реале*”, играют тоже мужа и жену» [Форум: Любовь и голуби (2007–2011)];

(27) «*В реале* все это, разумеется, подстроено хитроумными киношниками, но пес верит, что он – особенный, и верит, что все происходит на самом деле» [И. В. Козлов. О мышках и людях // «Волга», 2009];

(28) [Roberta (жен)] «Эскиз скрадывает это, а *в реале* получится не очень хорошо» [Форум: Апгрейд дачной кухни (2011–2013)].

Наряду с расширением значения по линии компонента ‘достоверность’ (о чем свидетельствуют примеры выше) происходит усиление и другого актуального компонента – ‘уверенность’, что приводит к десемантизации оборота и его употреблению в качестве слова-паразита:

(29) [№ 2, жен, 18, 1989, студент] «Я тебе *в реале* говорю / с ней что-то происходит!» [Разговор двух подруг в машине (2007)];

(30) [Гость (nick)] [ ] «Она *в реале*, сюда сейчас редко заходит» [Форум: Куда вы подевали Альку? (2009–2012)].

Нетрудно заметить, что оборот *в реале* фактически дублирует маркер *реально*, который не рассматривается в данной статье, поскольку имеет гораздо более длинную историю употребления, очевидно, выходящую за рамки последних трех десятилетий. Примечательно, что маркер *в реале* не только вошел в язык гораздо позднее, но вполне вероятно, что и выйдет из него гораздо раньше: график распределения по годам демонстрирует быстрый рост употребления в начале 2000-х годов с пиком в 2007 году, а затем приблизительно столь же резкое снижение вплоть до нулевой отметки в 2020 году (в основном подкорпусе НКРЯ).

По факту

По-видимому, самым «молодым» членом группы маркеров реальности является выражение *по факту*, которое стало употребляться не ранее 2010-х годов, хотя этот наш вывод основывается исключительно на «ручном» анализе материалов НКРЯ. Если опираться

на график распределения по годам, результаты искажаются за счет бюрократических оборотов из полицейско-следственного жаргона типа *по факту совершения преступления, по факту кражи* и т. п. По-видимому, маркер *по факту* появился в результате опущения синтаксического актанта (лексически вариативного) и закрепления инвариантной части в качестве самостоятельной единицы.

Данный оборот не включен ни в один из известных нам словарей. Анализ контекстов его употребления выявляет семантическую неоднородность, позволяющую выделить несколько значений. Одно из них (рискнем допустить, что исходное) – наречное, связанное с выражением компонента ‘достоверность’ и совпадающее со значением слова *фактически*. В этом случае реальное положение дел противопоставляется официальным заявлениям и формальным, закрепленным «на бумаге» декларациям:

(31) [№ 5, муж, 45, 1958, предприниматель] «Он как Ельцин говорит одно / а *по факту* действия слабые / вялые / неконкретные» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003)];

(32) [Дмитриева, жен, депутат] «Все по идеям и декларациям / за / а *по факту* у нас никаких преимуществ инновационному бизнесу / связанному с наукой / нет никаких преференций» [Беседа В. Варфоломеева с О. Дмитриевой в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)];

(33) [Александр Иванчик, муж, 39, 1971, ученый] «Поэтому формальный приоритет остался за американским спутником / хотя *по факту* наши открыли это излучение гораздо раньше» [Александр Иванчик. Космология. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)];

(34) «Струве был официально приемным сыном издательницы Калмыковой, но *по факту* в течение трех лет – ее любовником» [Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

Другое значение образовано посредством семантического сдвига, связанного с темпоральным аспектом значения. Если в исходном значении формальная и фактическая ситуации противопоставляются в синхронном срезе, то в производном это не так: выражение *по факту* акцентирует сложившееся положение вещей, не совпадающее с первоначальным планом, прогнозом и т. п. В этом значении оно оказывается синонимичным оборотам *в итоге* и *в результате* (ср. также недавно возникшее разговорное *по итогу*):

(35) [№ 8, жен, 31, 1972, преподаватель] «Если бы знать / сколько запланировано и сколько *по факту!*» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003)];

(36) «*По факту* получила контора для своих – новой “научной бюрократии”, и на зарплаты сотрудников “Сколково” ушло почти в два раза больше бюджетных

денег, чем на все гранты для поддержки проектов» [В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя. Доминированием в технологиях – можно // «Огонек», 2016];

(37) «По плану утренняя литургия должна было длиться до 7 утра, но *по факту* закончилась после 8:30, когда мы уже смирились с мыслью, что ей не будет конца» [Паломничество на Афон (2019)].

Дальнейшее семантическое развитие связано с еще большей автономизацией, при которой данный оборот (подобно рассмотренному выше маркеру *в реале*) начинает употребляться самостоятельно, вне какого-либо противопоставления, даже имплицитного. В этом значении *по факту* употребляется в качестве актанта слов *оплата, платить, оплачивать* и т. п.: соответствующая коллокация означает, что плата производится в момент получения товара или оказания услуги:

(38) [Юлия, жен, 29, 1978, студент] «Так там не долг был / а то / что мы должны оплатить *по факту*» [Разговор в семье утром (2007)];

(39) «Платите при входе или *по факту* доставки» [Е. Ю. Деготь. Венеция (2011)];

(40) «Как правило, предлагается ADSL со скоростью соединения 512 кб/с – 1024 кб/с, стоимость варьируется от 15 В/час в тайских районах до 60 В/час в местах скопления туристов (обычная стоимость – 40 В/час). Оплата обычно поминутная, *по факту*. В последние годы множество гостиниц и кондоминиумов предоставляют услугу WI-FI в номерах – зачастую платную» [А. С. Шигалов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013)].

Мы позволили себе уделить больше места маркеру *по факту*, чем остальным, потому что он позднее других вошел в язык и пока (насколько нам известно) не получил лексикографического описания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурсивные маркеры реальности – это подвижный класс единиц, в значении которых сочетаются смысловые компоненты ‘достоверность’ и ‘уверенность’. Соотношение этих компонентов у одного и того же маркера в различных контекстах может заметно варьироваться. Преобладание компонента ‘достоверность’ связано со стилистически нейтральным употреблением в качестве наречия со значением ‘действительно, в самом деле’. Напротив, доминирование компонента ‘уверенность’ характерно для десемантизированных употреблений в роли частицы или междометия, служащих для выражения широкого круга прагматических значений.

Наличие семантически и грамматически разнородных контекстов употребления позволяет констатировать полисемию, как это уже сделано в ряде лексикографических источников. В качестве основного значения выделяется наречное, связанное прежде всего с выражением

идеи достоверности или реальности. Эта реальность («мир вещей») может противопоставляться «миру идей» (мысленных представлений, планов, прогнозов и пр.), «миру слов» (официальных заявлений, формальных документов), виртуальному миру и прочим возможным мирам. В этом отношении каждый маркер имеет свои специфические особенности.

Производные значения маркеров реальности нередко образуются путем десемантизации и прагматикализации исходного значения, вплоть до использования оборота в качестве слова-паразита.

Вместе с тем отнесение того или иного употребления конкретного маркера к определенному типу значений затрудняется характерной для всех дискурсивных слов высокой диффузией значений. Помимо этого, как было показано

выше, семантическая структура маркеров реальности не всегда ограничивается двумя указанными типами значений.

Функционально-семантический анализ новых маркеров реальности наглядно демонстрирует влияние внешних (общественно-политических, научно-технических) факторов на язык. Как известно, подобные изменения наиболее активно затрагивают устную разговорную речь. Поэтому неудивительно, что дискурсивные маркеры как группа единиц, служащих для регулирования хода коммуникации, демонстрируют высокую динамику как с точки зрения вхождения в употребление (или выхода из него), так и в аспекте семантического развития. В этих условиях актуальной остается задача их своевременной фиксации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001. 18 с.
- ² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Заключение о частотности тех или иных выражений основывается на графике распределения по годам.
- ³ В рамках настоящей статьи не рассматривается функционирование данного оборота в качестве свободного сочетания.
- ⁴ Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М.: СП Интер-ОМНИС: СП РОМОС, 1991. С. 32.
- ⁵ См.: Быков В. Русская фея: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München: Verlag Otto Sagner, 1992. С. 30; Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М.: Метатекст, 1997. С. 46; Елистратов В. С. Словарь русского арга. М.: Русские словари, 2000. С. 67; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 377; Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 497.
- ⁶ Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М.: Кампана, 1997. Т. 1. С. 66.
- ⁷ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 605.
- ⁸ Елистратов В. С. Словарь русского арга. М.: Русские словари, 2000. С. 346.
- ⁹ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 248.
- ¹⁰ Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. С. 100.
- ¹¹ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 582.
- ¹² Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. С. 100; Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 184.
- ¹³ Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). М.: Метатекст, 1997. С. 174.
- ¹⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. С. 184.
- ¹⁵ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 582.
- ¹⁶ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1. С. 248.
- ¹⁷ Химик В. В. Толковый словарь русской разговорной обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2. С. 238.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 206 с.
2. Буглак С. И. В самом деле или на самом деле (о явлении паронимии в языке) // Русская речь. 1994. № 2. С. 54–58.
3. Исаченко О. М. Дискурсивные маркеры реальности: семантика достоверности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2. С. 25–33.
4. Корсакова Ю. И. Дифференциация дискурсивных маркеров устной речи «на самом деле» и «в самом деле» // Челябинский гуманитарий. 2017. № 4. С. 28–31.

5. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37–48.
6. Северская О. И. Слова-паразиты как бы, на самом деле и достаточно // Наука и жизнь. 2004. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/> (дата обращения 10.09.2023).
7. Скребцова Т. Г. *Смотрите и слушайте* как маркеры власти и солидарности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 64. С. 109–119. DOI: 10.17223/19986645/64/8
8. Швец В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи // Семантические категории детской речи. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 161–180.
9. Шимидзу Т. Значение и употребление коннекторов «в самом деле» и «на самом деле» // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М.: МАКС Пресс, 2007. С. 300–301.
10. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
11. Traugott E. C. From polysemy to internal semantic reconstruction // Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1986. P. 539–550.

Поступила в редакцию 14.09.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatiana G. Skrebtsova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7825-1120; t.skrebtsova@spbu.ru

V NATURE, PO ZHIZNI, V REALE, PO FAKTU: NEW MARKERS OF AUTHENTICITY

Abstract. The paper examines new discourse markers of authenticity expressing epistemic modality that have come into use in the Russian language over the past three decades and still lack a detailed scholarly description. Drawing on the data from the Russian National Corpus, the author analyzes their semantic features as well as common usage patterns. Among them, a combination of ‘authenticity’ and ‘confidence’ semes common for all the discourse markers of authenticity is pointed out, along with a frequent trend towards semantic bleaching and pragmaticalization. In dictionaries, these markers tend to be defined with reference to other, more central, members of the group. They are often treated as polysemic, due to the grammatical and semantic heterogeneity of contexts in which the markers occur. However, such categorization often fails because of the blurred boundaries between meanings. The yearly distribution chart (a Russian National Corpus tool) demonstrates a high mobility of the markers concerned which calls for their prompt and comprehensive description.

Key words: discourse marker, marker of authenticity, epistemic modality, desemantization, pragmaticalization, subjectification

For citation: Skrebtsova, T. G. *V nature, po shizni, v reale, po faktu: new markers of authenticity. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2024;46(5):36–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1056

REFERENCES

1. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. A guide to Russian discourse markers. Moscow, 1993. 206 p. (In Russ.)
2. Buglak, S. I. *V samom dele or na samom dele* (on paronymy in language). *Russian Speech.* 1994;2:54–58. (In Russ.)
3. Isachenko, O. M. Discursive markers of reality: semantics of certainty. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2012;11(2):25–33. (In Russ.)
4. Korsakova, Yu. I. “Indeed” (na samom dele) and “actually” (v samom dele) oral speech discourse markers differentiation. *Chelyabinsk Humanitarian Journal.* 2017;4:28–31. (In Russ.)
5. Panfilov, V. Z. Modality and its role in constituting the sentence and judgement structure. *Topics in the Study of Language.* 1977;4:37–48. (In Russ.)
6. Severskaya, O. I. Sentence fillers *kak by, na samom dele* and *dostatochno*. *Nauka i zhizn.* 2004;5. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3530/> (accessed 10.09.2023). (In Russ.)
7. Skrebtsova, T. G. The Russian verb forms *smotrite* and *slushayte* as markers of power and solidarity. *Tomsk State University Journal.* 2020;64:109–119. DOI: 10.17223/19986645/64/8 (In Russ.)
8. Shvets, V. M. Subjective (epistemic) modality and its manifestation in the child’s language. *Semantic categories of child’s language.* St. Petersburg, 2007. P. 161–180. (In Russ.)
9. Shimidzu, T. The meaning and use of the connectors *v samom dele* and *na samom dele*. *Proceedings of the III International Congress of the Russian Language Researchers “The Russian Language: Pages of History and Modernity”.* Moscow, 2007. P. 300–301. (In Russ.)
10. Schiffrin, D. Discourse markers. Cambridge, 1987. 364 p.
11. Traugott, E. C. From polysemy to internal semantic reconstruction. *Proc. of the 12th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society.* Berkeley, 1986. P. 539–550.

Received: 14 September 2023; accepted: 15 May 2024

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА СОБОЛЕВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
ведущий научный сотрудник
Российская государственная библиотека
(Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры филологии
Московская духовная академия
(Сергиев Посад, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ VS РУТЕНСКИЙ: О ЯЗЫКЕ ВИЛЕНСКОЙ ПСАЛТЫРИ

А н н о т а ц и я . Рукопись Вильнюсской Библиотеки Академии наук Литвы (F 19–262), ветхозаветные книги которой переведены на западнорусский письменный (рутенский) язык, создана около 1517–1530-х годов. Первоначально считалось, что все ее книги переведены с древнееврейского языка. Однако М. Таубе виртуозно показывает, что источником псалтыри стали церковнославянская псалтырь и латинская Библия. Текст псалтыри неоднороден: преобладание черт западнорусского языка во второй ее половине отмечалось исследователями и ранее. Однако подробного лингвистического исследования, выявляющего закономерности перевода текста всех псалмов, не было. Актуальным становится вопрос о принципах перевода. Задачи исследования – описать соотношения, в которых находятся церковнославянский и западнорусский языки в псалмах, и переводческие приемы. Первые 16 псалмов практически не обнаруживают признаков рутенского языка, грамматические и фонетические черты которого представлены вкраплениями. С 17-го по 71-й псалом изменения накапливаются количественно, возрастая к середине псалтыри, создавая впечатление хаотичности языковой организации текста. Лексическая правка проходит в двух направлениях: заменяются некоторые церковнославянизмы и начинается унификация перевода латинских слов. Правка проведена с разной степенью последовательности, однако почти все предлагаемые переводчиком лексемы повторяются в следующей части псалтыри, часто на месте одного и того же латинского слова. С 72-го псалма церковнославянская основа лишь проглядывает сквозь западнорусскую. Это преобразование затронет все уровни языка. Зафиксировано единственное употребление формы *быхмо* в сослагательном наклонении, а поскольку она активно распространяется в конце XVI века, вряд ли стоит относить этот перевод псалтыри ранее, чем к первой трети XVI века, то есть он одновременный рукописи. Не исключено, что он был задуман специально для этой рукописи. Причем работа проделана одним человеком, а языковая неравномерность связана с поиском принципов перевода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : псалтырь, рутенский язык, переводы, Франциск Скорина, церковнославянский язык

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 21-012-41004 «Средневековые русско-еврейские контакты и славянский таргум». Автор статьи благодарит д. ф. н., в. н. с. Марию Олеговну Новак и к. ф. н., с. н. с. ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН Дмитрия Владимировича Сичинаву за консультации и советы, которые существенно помогли в работе.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Соболева А. Е. Церковнославянский vs рутенский: о языке Виленской псалтыри // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1057

ВВЕДЕНИЕ

Виленский кодекс, первая часть которого состоит из переведенных на западнорусский язык (рутенский, «просту мову») ветхозаветных книг, давно и хорошо известен исследователям. Рукопись хранится в Вильнюсской Библиотеке Академии наук Литвы (F 19–262). Создана она около 1517–1530-х годов, возможным местом соз-

дания называется Луцк или Киев. Почти сразу она поступила в Супрасльскую обитель [9: 296–297]. Состав рукописи: Предисловие к псалтыри из пражского издания Франциска Скорины 1517 года, статьи о толковании, составлении и пении псалтыри, книга Иова, Руфь, Псалтырь, Песнь песней, Экклезиаст, Притчи Соломоновы, Плач пророка Иеремии, книга пророка Даниила,

Эсфирь, вторую часть кодекса занимает Толковая Палея¹. Первая и вторая части рукописи написаны разными писцами в одном скриптории. Над первой, Ветхозаветной частью, которой посвящена статья, работал один писец.

Псалтырь решительно отличается от остальных ветхозаветных книг кодекса тем, что не является переводом с древнееврейского языка, как предполагалось Е. Ф. Карским: «она <...> была переведена с еврейской, и только впоследствии поправлена применительно к церковнославянскому тексту»². К такому выводу, к своему удивлению, пришел М. Таубе, проведя основательное исследование соотношения текстов псалмов Виленского свода, славянской псалтыри в разнообразии редакций, масоретского и латинского текстов:

«In all other cases, whenever 262 disagrees with the Slavonic LXX-based versions, it always shows an attempt to correspond not to the Hebrew, but – surprise surprise – to the Latin» [14: 29].

Все остальные ветхозаветные тексты кодекса переведены были в XV веке, вероятным автором переводов С. Темчин называет Схарию [9: 311]. Что касается псалтыри, то похоже, что перевод создавался независимо от остальных текстов рукописи, возможно, под влиянием труда Франциска Скорины.

М. Таубе виртуозно решает вопрос об источниках текстов псалмов: церковнославянская псалтырь, с которой работал переводчик, церковнославянская псалтырь, которую он и переписчик знали наизусть, и латинская Библия [14: 37]. Из его исследования очевидно, что основой для перевода стала церковнославянская псалтырь. Е. Ф. Карский составил довольно подробный попсаломный список грамматических и лексических западнорусских чтений, отмечая, что особенно много их во второй части псалтыри³. Список его оказывается актуальным, несмотря на то что некоторые чтения при обращении к рукописной истории псалтыри приходится признать восходящими к древнейшему переводу.

Текст Виленской псалтыри неоднороден. Преобладание черт западнорусского языка во второй половине псалтыри отмечалось исследователями ранее⁴. Более точную границу предложила Ю. С. Ковалева [3]: по ее данным, с 72-го псалма церковнославянская основа прочно вытесняется западнорусской. В эти, безусловно, верные наблюдения, представляется нужным внести уточнения. Первые 16 псалмов практически не обнаруживают признаков перевода на западнорусский. С 17-го по 71-й псалом изменения накапливаются количественно, соз-

давая впечатление некоей хаотичности языковой организации текста, в котором церковнославянские элементы соседствуют с западнорусскими. Псалмы после 71-го показывают лишь слабые признаки церковнославянской основы, которая вновь преобладает только в 150-м, последнем псалме. То есть в тексте выделяется три ярких части псалмов. Подобная неравномерность текста вызывает вопрос об этапах перевода: делал ли это один человек?

Задача, которая решается в данной работе, – описать, в каком соотношении находятся церковнославянский и западнорусский языки в псалмах Виленского свода, есть ли общие тенденции, охватывающие всю псалтырь. Для решения предлагается сначала разделить текст псалтыри на три части по языковым особенностям: 1-я часть – с 1-го по 16-й псалом на лл. 34а–37г; 2-я часть – с 17-го по 71-й псалом на лл. 37г–57б; 3-я часть – 72–150 псалмы на лл. 57б–82в.

Композиция псалтыри обуславливает композицию статьи: в ней три раздела, в каждом разделе описывается фонетика, грамматика, лексика и выявляются, если возможно, общие для всего текста особенности перевода или показывается, что их нет.

Материалом исследования является только псалтырь Виленского кодекса. Разночтения подводятся для установления отношения псалмов к традиции развития псалтырного текста: привлекается Норовская псалтырь по критическому изданию с разночтениями по древнейшей, афонской и Киприановской редакциям [10] (разночтения по изданию, если они есть, приводятся по принципу информативности и достаточности для каждого конкретного случая, в орфографии издания), псалтырь Франциска Скорины в связи с копированием его предисловия, Библия Матфея Десятого в связи с предположением С. Темчина о том, что писец Виленского свода мог быть знаком с Десятоглавом (1502–1507 годы), начатым в Вильне и завершенным в Супрасле [9: 299]. Если чтения в этих текстах совпадают, то указывается только одно в орфографии издания [10]. Поскольку при переводе текст псалмов сверялся по латинской Библии, Вульгате, как убедительно показал М. Таубе, то при необходимости дается латинская параллель. При цитировании стиха для Виленской псалтыри приводится указание и на псалом, и на лист рукописи после цитаты, для всех остальных цитируемых псалтырей – только стих псалма. При указании на отдельное слово дается только лист Виленской псалтыри, например, при описании орфографии, грамматических черт.

Сокращения псалтырей: Норов. – Норовская псалтырь по изданию [10], Кипр., Син. – псалтыри митр. Киприана и Синайская глаголическая в качестве разночтений по названному изданию, ФС – псалтырь Франциска Скорины, МД – псалтырь из Библии Матфея Десятого.

Термины «западнорусский» и «рутенский» язык мы используем как синонимичные. Под ними понимается литературный язык, распространенный на территории Великого княжества Литовского, имевший самоназвание «проста мова» (распространенное и в современной научной литературе). Этот язык, помимо церковнославянских и польских черт, содержит грамматические и лексические особенности старобелорусского и староукраинского языков, разделить которые зачастую невозможно и не является задачей данной статьи. В качестве языковых исторических словарей используются: ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы⁵, СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.⁶, ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.⁷

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ЧАСТЬ: 1–16-й ПСАЛМЫ

1. Написания, показывающие отверждение шипящих: *жывыи*⁸, л. 34а, *на ложьых*, л. 34б, *жывуцему*, л. 35г (всего семь раз). В третьей части псалтыри выявленные особенности возрастают многократно.

2. Грамматически текст достаточно аккуратен. Из 14 прилагательных м., ср. р. только дважды в Р. ед. зафиксировано окончание *-ого*: *убогого*, л. 36б, *лестивого*, л. 36в. Единожды наблюдается окончание *-ох* в М. мн. ср. р., которое, вероятно, следует рассматривать как результат экспансии окончания из склонения на *й, а не результат фонетических изменений (например, перехода [е] в [о]): *въ научениох*, л. 37а. В глагольных формах также наблюдается следование норме церковнославянского языка. Среди форм 2 ед. с утратой гласного *-шь* только одно написание – *отвратишь*, л. 36г.

Простые претериты преобладают над формами перфекта, последний встречается без связки всего в 20 % от общего числа форм прошедшего времени в этой части Псалтыри: *реклъ*, л. 37а, *удивиль*, л. 34в, 37б, *оставили*, л. 37г и др. Все причастия настоящего времени церковнославянские, с рефлексом *щ* на месте *tj: *знающеи*, л. 35г, *надбьющеися*, л. 34б, *страшащих*, л. 37г. Союз *али*⁹ появляется дважды на л. 37а, нет ни одного употребления *ачь*¹⁰, *або*¹¹.

3. Лексика также представлена церковнославянизмами. Это хорошо видно по рефлексам сочетаний типа *tort, *tert: употребляются только

неполногласные сочетания в корнях и южнославянские по происхождению приставки с начальным *ра-*: *дрѣво*, л. 34а, *разпространиль*, л. 34в, *разжегль*, л. 37в, *раздѣли*, л. 37г, *главу*, л. 35в, *грады*, л. 35г, *посрамисте*, л. 37а, *плѣнение*, л. 37а, *съхрани*, л. 37в и т. д.

Е. Ф. Карский приводит в своем перечне «выдающихся особенностей»¹² чтение *правина* в Пс. 9:9: *судит людем въ правину*¹³, очевидно, видя в нем западнорусское слово на месте *въ правду*. Однако в древнейшей Синайской глаголической псалтыри находим *в правынъ*, далее оно же в Норовской и МД (ср. Кипр., ФС: *въ правдъ*). Слово наследуется из древнейшей редакции и не может рассматриваться как рутенизм. *Правина* (собственно, здесь ‘справедливость’) появляется в псалтыри еще в Пс. 98:4: *уготовал еси правины суд*, л. 66б.

Итак, текст первых 16 псалмов написан на церковнославянском языке с минимальными западнорусскими вкраплениями.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: 17–71-й ПСАЛМЫ

С 17-го псалма и до 71-го включительно количество рутенизмов нарастает от псалма к псалму, однако церковнославянский текст по-прежнему преобладает.

1. Троекратно возрастают написания, показывающие отверждение *ж*: *чужьых*, л. 39а, *жылища*, л. 43б, *удержы*, л. 43г, *животныхъ*, л. 56а (всего 21 раз). И единичное написание *шыроту*, л. 38б, такой же природы.

Появляются случаи графического отражения перехода [е] в [о] после шипящих и [ц]: *въшол*, л. 38а, *непорочонъ*, л. 38б, *единорожцов*, л. 40а, *вретищо*, л. 44б, *пришол*, л. 45а, *концомъ*, л. 52в, *вашого*, л. 52б, *жолчь*, л. 56а.

2. В области грамматики изменения неравномерны. В окончании Р. ед. прилагательных происходит резкая смена церковнославянских на восточнославянские (56 % окончаний от общего числа в этом отрезке): *великого*, л. 49а, *злого*, л. 56в, *аравииского*, л. 57б и др., единожды *-аго* исправлено писцом на *-ого* – *готоваго*, л. 43б. В окончании М. ед. м. р. единожды *-ох*: *въ челоувѣцох*, л. 55а.

В отношении глагольной системы писец оказывается более традиционным. При существенном росте форм 2 ед. на *-шь* (*препитаешь*, л. 42б, *не закоснишь*, л. 46г и др.) *-ши* продолжает преобладать, хотя и не столь значительно (52 из 87 случаев).

В системе прошедших времен количество простых претеритов снижается с 61 до 42 %, перфект становится основным временем, причем его упо-

требление без связки достигает 28 %: *призваль*, л. 49в, *уповал*, л. 50в, *възрѣло*, л. 51а, *изъострили*, л. 53в, *бл̄говолить*, л. 55а. В формах перфекта со связкой появляются модели, аналогичные староукраинским: *слышали есмо*, л. 49а, *ходили есмо*, л. 51б [б: 194].

Среди причастий настоящего времени по-прежнему предпочтительны церковнославянские. Появляется всего шесть написаний с восточнославянским суффиксом, причем большая их часть сконцентрирована на двух листах: *слышачии*, л. 45г, *въспѣваючим*, л. 52а, *мимотекучая*, л. 52а, *лукавствующих*, л. 53в, *видячии*, л. 53в, *испытаячии*, л. 53г.

Появляются восточнославянские союзы: однократно употребляется *ачь*, л. 57в, девять раз – *алиж*<е>, л. 41, 48г и др., однократно *олиж*<е>¹⁴, л. 56г; четыре раза используется частица *ажь*¹⁵, л. 57а.

3. Наблюдается тенденция заменять церковнославянизмы. Во-первых, это касается лексики с восточнославянскими рефлексам сочетаний типа *tort, *tert: *здоровия*, л. 45в, г, *беремя*, л. 45г, *сторожу*, л. 46а, *город*, л. 48г, *волосовъ головы*, л. 46г. На этих же листах находятся и традиционные сочетания с неполногласными словами: *власъ главы*, л. 45а, *власовъ главы*, л. 55в, *врата* (многократно, л. 40в), *облакъ*, л. 44в и т. д. Единоразы встретилось слово с польским рефлексом для этого сочетания: *бродзы* 43а, 54а.

Во-вторых, это касается приставок с начальным *ро-*. Количество восточнославянских по происхождению написаний почти сравнивается с вариантами с начальным *ра-*: *розбиется*, л. 45б, *розбогатѣть*, л. 49в, *розумѣваяи*, л. 50г, *розмѣрю*, л. 52г и т. д. при *растерзал*, л. 42б, *разхищающих*, л. 44а, *разгорится*, л. 46 а, *разсѣяль* л. 47г, *разжегль*, л. 54б.

Видно, что полногласные слова и их сочетания соседствуют с неполногласными (на примере одновременного использования в тексте сочетаний *волосовъ головы* и *власовъ главы*), то же наблюдается в глагольных формах, поэтому эту правку нельзя назвать последовательной, она скорее похожа на стихийную, усиливающуюся к середине псалтыри. Здесь вернее было бы говорить о стремлении наполнить текст западнорусскими элементами.

В-третьих, текст насыщается рутенской лексикой, очень часто замена связана с правкой по латинскому тексту. Появляться она начинает с 17-го псалма такими же вкраплениями, как было показано выше, нарастая к середине псалтыри.

В 17-м псалме западнорусизм *мышка*¹⁶ заменяет слово *мышца*: Пс. 17:35 *мышки мои*, л. 38в. *Мыши-*

ка же встретится в третьей части псалтыри еще пять раз, последовательно употребляясь на месте своего синонима: *мышкою силы*, л. 63а, *мышка*, л. 66б и далее. При этом лексема *мышца* останется без замены в первой, церковнославянской части, ср. *мышцу*, л. 36б, и во второй, с 17-го по 71-й псалмом, на лл. 45а, 47г, 56г. В соседних стихах «новая» лексика соседствует с церковнославянской той же природы: Пс. 88:11–22 *мышкою силы твои съкрушил еси враги твои... укрѣпится рука твоя и поднесется десница твоя*, л. 63а.

В Пс. 27:3 читаем: *не посполу*¹⁷ *погубишь мене съ грѣшники* вместо *не привлѣци мене съ грѣшники* (Норов.), лат. *simul*. Рутенизм употреблен в значении ‘вместе’. Всего 11 раз по всей псалтыри он заменит церковнославянизм *вкупѣ* с тем же значением, сохранившись при этом в 12 псалмах. В первой части при том же латинском соответствии находим *вкупѣ* – Пс. 13:3, л. 37а, лат. *simul*; при ином латинском – Пс. 2:2, л. 34а, лат. *in unum adversus*, Пс. 4:9, л. 34в, лат. *in id ipsum*. В псалмах второй части при том же латинском – Пс. 34:26, л. 44в, лат. *simul*, Пс. 36:38, л. 45в, лат. *simul*, Пс. 52:4, л. 50г, лат. *simul*, при ином латинском – Пс. 18:10, л. 39а, лат. *in semet ipsa*, Пс. 33:4, л. 43в, лат. *in id ipsum*, Пс. 40:7, л. 47а, лат. *in id ipsum*. В третьей части остается неисправленным три чтения при том же латинском: Пс. 70:10 *въкупѣ*, л. 56в, лат. *simul*, Пс. 82:6 *въкупѣ*, л. 61в, лат. *simul*, Пс. 87:18 *вкупѣ*, л. 63а *simul*.

Но в Пс. 132:1 *посполу* заменяет *вкупѣ* при лат. *in unum*, сходная ситуация в Пс. 121:3, л. 76г, при лат. *in id ipsum*. Правка выглядит сложной: правится церковнославянизм *вкупѣ* и унифицируется перевод с латинского. Это видно по тому, что для перевода однокоренного латинского *simultudinem* выбрано слово *посполность* – Пс. 43:15: *положил еси нас въ посполность языком*. Эти примеры и приводимые ниже намечают тенденцию: вводимые здесь слова будут также появляться и во второй половине псалтыри.

Переводчик выбирает для двух латинских глаголов *probare* и *temptare* разные славянские соответствия, для первого – западнорусский глагол *досвѣтчити*¹⁸ ‘испытать’, заменив традиционное чтение *искусити*, а для второго – именно глагол с корнем *кус-* (*покусити*, но единожды *искусити*), также преимущественно на месте *искусити*. Таким образом, можно говорить о двух условиях правки: во-первых, замена церковнославянизма, во-вторых, унификация перевода по латинскому тексту. В Пс. 25:2 *досвѣтчи мене, Г<оспод>и, и искуси мене*, л. 41а, лат. *proba... et tempta – искуси мя, Господи, и истязи мя* (Норов., МД, ФС); Пс. 34:16 *искусиша*, л. 44б,

лат. *temptaverunt* – *мжчишж* (Норов.), *искусиша* (МД, ФС); Пс. 77:41 *покусили*, л. 60а, лат. *temptaverunt* – *искусишж* (Норов., ФС, МД); Пс. 80:8 *досвѣтчих Тебе у воды*, л. 61б, лат. *probavi* – *искусихъ* (Норов., МД, ФС); Пс. 94:9 *покусили мене оуѣи ваши, досвѣтчили*, л. 65в, лат. *temptaverunt... probaverunt* – *искусиша... искусишж* (Норов., МД, ФС); Пс. 105:14 *покусили*, л. 69б, лат. *temptaverunt* – *искусишж* (Норов., ФС, МД); Пс. 138:23 *досвѣтчи мене*, л. 80а, лат. *proba* – *искуси* (Норов., МД, ФС). Приставка *ис-* воспринимается как признак церковнославянского языка, что вызывает желание использовать эквивалент. Ее с этим глаголом мы видим только в Пс. 25:2 и в первой части псалтыри, где правки нет: Пс. 16:3 *искусиль еси*, л. 37в при лат. *probasti*. Возможно, графическая и семантическая близость заменяемых глаголов *покусити* и *искусити* привела к тому, что в двух случаях церковнославянизм меняется на *покусити*, хотя в латинском – *probare*, и при последовательной сверке с Вульгатой ожидалось бы *досвѣтчилъ*: Пс. 65:10 *покусиль еси*, л. 54б, лат. *probasti* – *искусиль еси* (Норов., ФС, МД); Пс. 38:1 *Г<оспод>и покусиль еси*, л. 79в., лат. *probasti* – *искусиль еси* (Норов., ФС, МД).

Еще один лексический рутенизм *дѣдичьство*¹⁹ со значением ‘наследие’ четырежды заменяет *достояние* (Норов., ФС, МД) – похоже, в связи с многозначностью последнего. Пс. 60:6: *далъ еси дѣдичьство боящимся имени твоего*, л. 53а, лат. *hereditatem*. Так же в Пс. 73:2, л. 57г, лат. *hereditatis*, Пс. 126: 3, л. 77в, лат. *hereditas*; Пс. 135:21, лат. *hereditatem*. Однако полтора десятка вхождений этого слова останутся нетронутыми как в начале текста, так и в середине и конце при том же латинском соответствии (лл. 37б, 41г, 43б, 48г, 54в, л. 60б, 61в, 68в и др.).

Следующая группа однокоренных рутенизмов заменяет слова с основой *сокровищ-* на месте латинского thesaur-: Пс. 32:7 *воды морскыя полагаи въ скарбѣхъ бездны*, л. 43б, лат. *thesauris abyssos* – ... *въ скровищихъ бездны* (Норов., МД, ФС); Пс. 134:7: *изводитъ вѣтры отъ скарбовъ своихъ*, л. 78в, лат. *thesauris* – *отъ скровищъ своихъ* (Норов., МД, ФС), где *скарб*²⁰ – ‘хранилище, кладовая’ и Пс. 38:7 *человѣкъ новъ суете мятется, скарбитъ и невѣсть кому збираеть*, л. 46б, лат. *thesaurisat*, где *скарбитъ*²¹ ‘накапливает богатства’ заменяет славянское *съкровьствуеть* (Норов.), *скровищуеть* (Кипр., ФС), *съкрываеть* (Син., МД). При другом латинском славянский текст не меняется: Пс. 16:12 *яко скимень обитаяи въ скровищихъ*, л. 37г, лат. *abditis* – так же в Норов, МД, ФС.

Латинский корень *pingu-* дважды переводится глаголами с корнем *туч-*. В первый раз в Пс. 64:13 *утучатся*²² *красная пустыни*, л. 54а, лат. *pinguescent* – здесь ‘стать плодородным, изобильным’ вместо церковнославянского *разботѣжтъ*²³, собственно ‘разбухать, утучняться’ (Норов, МД). Схожая версия перевода предлагается в псалтыри Франциска Скорины: *растучнеють*. Второй раз в Пс. 140:5 *не утучнит главы моеи*, л. 80б, лат. *inpinguet* вместо *не намаститъ*, то есть ‘умастить’ (Норов., МД, ФС). Поскольку славянские контексты для этих чтений сильно отличаются, а латинские глаголы являются однокоренными, то очевидно, что причиной правки является сверка с латинским текстом. Если совпадение с вариантом, предложенным в псалтыри Франциска Скорины, не является случайным, то оно могло бы спровоцировать и вторую правку с привлечением латинского текста, но в таком случае перевод Виленской псалтыри должен быть осуществлен после 1517 года. Это не противоречит данным кодикологии, но один лексический случай вряд ли можно считать достаточным аргументом зависимости текстов.

Слова с корнем *велеб-*²⁴ трижды переводят латинский *magnific-*, ср. Пс. 28:4 *гласъ Гнѣ въ велебности*, л. 42а, лат. *magnificentia* вместо *вельѣпнотѣ* (Норов., МД, ФС); Пс. 91:6 *велебна суть дѣла твои*, л. 64г, лат. *magnificata sunt*, в точности то же в Пс. 103:24, л. 68а вместо *възвеличишя дѣла твоа* (Норов., МД, ФС).

Единственная лексическая правка, которая полностью проведена по всему тексту без пропусков, это замена церковнославянского *дѣщи* на *дочка*. Приведу только некоторые листы для иллюстрации: *дочка*, лл. 48б, 49а, 81б и др., *дочыцѣ*, л. 48в, *дочокѣ*, л. 69г.

Еще одна замена, также связанная с рефлексом **kt/gt* в славянских языках: *помочь*²⁵ вместо *помощь* и *помочник*²⁶ вместо *помощник*, начиная с Пс. 59:13, л. 52г сделана в тексте 13 и 6 раз соответственно, во второй половине псалтыри преимущественно. Церковнославянские соответствия с корнем *мощ-* преобладают в первой половине псалтыри, тогда как во второй они практически полностью вытеснены (одно употребление на л. 75в).

Не обошлось и без курьезов. В Пс. 57:4–5 *отчуждени суть грѣшници отъ ложеснъ, заблудили отъ чрева, глѣша лъжу по подобенству змиеву, яко аспиди, фалишиве затыкающеи уши свои* – в славянской псалтыри, греческом и латинском тексте на месте неожиданного германизма *фалишиве*, попавшего в рутенский через польское посредство, читаем: *глуха* (*ἀσπίδος κωφῆς, aspidis*

surdae). Слово *фальшиве*²⁷ попало сюда под влиянием предшествующего латинского *locuti sunt falsa* (*глаголаша лъжу*) при сверке по латинскому тексту.

В следующих примерах, похоже, что используя один глагол для перевода двух очень похожих латинских, переводчик отождествляет их. Глагол *роспрошити*²⁸ (то же, что *роспорошити*²⁹ ‘разогнать, раскидать’, ‘распылить, рассеять’), полонизм по происхождению (ср. пол. *rozproszyc*), заменяет славянский глагол *разжени*, от которого, возможно, наследуется приставка *раз-*: Пс. 58:12 *разпроши их силою твоею*, л. 52в, лат. *disperge – разжени их въ силѣ твоеи* (Норов., МД, ФС). Тот же глагол наблюдается в Пс. 93:23 *и въ злобѣ их распорошит ихъ*, л. 65в, но при ином лат. *disperdet – и по лукавѣствию их погубить их* (Норов., МД, ФС, МД). Первая форма латинского глагола – рг. act. imperat. 2 s. от *dispergo* ‘разбрасывать, рассеивать’, то есть ‘ты рассей’, вторая – fut. act. ind. 3 s. от *disperdo* ‘портить, разрушать’, то есть ‘он испортит’. Для глагола *роспорошити* значение ‘портить, разрушить’ не выявлено, полагаю здесь ошибку перевода, связанную с графической схожестью латинских глаголов.

Есть также очень удачные, на мой взгляд, примеры, проясняющие церковнославянский текст. В Пс. 18:7 *от начатка небеси исход его, и объѣзъ*³⁰ *его до начатка его*, л. 39а, лат. *occursus*, выделенное слово заменяет чтение *срътение*. Отглагольное существительное не зафиксировано в ГСБМ, означает оно результат действия по глаголу *объѣчи*³¹ ‘бежать вокруг чего-л.’. То есть буквально ‘от начала небес начинает путь [солнце] и совершает полный круг к началу небес’.

В Пс. 37:6–7 переводчиком предложено чтение *нужник*: *согниша раны моя от лица безумия моего, нужникъ бых и преклонихся до конца, сетуя хожях*, л. 45г, лат. *miser factus sum* ‘я стал несчастным и поник’ вместо *...пострадахъ и слякохся до конца...* (Норов., МД, ФС). В старобелорусском языке слово *нужник*³² означает ‘мученик’, и кажется, оно не подходит в контекст, однако в СлРЯ XI–XVII веков находим значение ‘страдалец, несчастный’, иллюстрированное цитатой из Казанской летописи XVII века³³, которое, похоже, и подразумевалось переводчиком, то есть в Виленской псалтыри налицо ранняя фиксация этого значения.

На этом обзор первых двух частей псалтыри можно завершить. Если неравномерность грамматических и орфографических рутенизмов, наличие полногласных форм рядом с неполногласными, разнообразие рефлексов *tj, *kti, *gti наводили меня на мысль о том,

что псалтырь могла бы восходить к нескольким антиграфам, например, и первая ее часть представляет незаконченный перевод, то наличие лексических рутенизмов, переводящих одно и то же латинское слово, в обеих частях псалтыри, а также рутенизмов, относительно последовательно заменяющих церковнославянизмы, говорит о том, что перевод сделан одним человеком. Унификация часто непоследовательна, однако она очевидна. Лексическая правка проходит в двух руслах: правятся некоторые церковнославянизмы (*мышца, вкупе, достояние, дщи*) и унифицируется перевод латинских слов.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ: 72–150-й ПСАЛМЫ

С 72-го псалма ситуация зеркально меняется: церковнославянская основа текста будет проглядывать сквозь западнорусские особенности. Это преобразование текста затрагивает все уровни языка. Часть лексики была описана выше, далее не ставится цель описать весь лексический потенциал переводчика, отмечаются выявленные тенденции.

1. В области фонетики количественно возрастают все описанные в предыдущем разделе явления: *жона*, л. 77в, *потвержонь*, л. 79в, *птенцом*, л. 82а, *жывучиш*, л. 77б, *чужьсьх*, л. 81а.

2. В грамматике ситуация зеркальна первой части псалтыри: редкими становятся церковнославянские окончания. Всего три раза встречается Р. ед. прил.: *лестиваго* (дважды), л. 71а, *убогаго*, л. 72б, книжник использует восточнославянское *-ого*: *пышиного*, л. 63а, *первородного*, л. 63в, *мудрого*, л. 75а, *неправого*, л. 80а и т. д. Расширяется употребление окончания *-ох* в М. мн. м. р. и ср. р.: *въ чудесох*, л. 59г, *на херувимох*, л. 60г, *в нѣдрох*, л. 64а, *на крылох*, л. 67г, *въ языкох*, л. 69г (всего 11 раз).

Полностью исчезает форма 2 ед. без редукции: *убоишься, наступишь*, л. 64в, *выидеши*, л. 70г и далее. В системе прошедших времен простые претериты (всего пятая часть глагольных форм прошедшего времени) значительно потеснены перфектом, и в особенности перфектом без связки (треть от всех употреблений форм прошедшего времени). Подобное характерно для западнорусских произведений, в которых это прошедшее время «имело большое распространение, так как оно заменило собою и старинные формы аориста и имперфекта» [2: 281]. Например, в переведенном несколько позже Евангелии Тяпинского совсем отсутствуют аористы и имперфекты, преобладают *l*-формы, перфект со связкой занимает всего 1 % от общего числа перфектных форм в Евангелии [8: 65–72]. Однако замечу,

что в псалтыри все же сильно влияние традиции в употреблении форм прошедшего времени. Среди аналитических форм перфекта так же, как и ранее, зафиксированы две со староукраинской связкой: *видѣли есмо*, лл. 64б, 67в, *слышали есмо*, л. 78а [6: 194].

Однократно отмечена форма сослагательного наклонения *быхмо* – Пс. 125:1 *быхмо яко утѣшени*, л. 77б. По данным А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко, она появляется с конца XVI века в западнорусских текстах [11: 284], но употребление в тексте Виленской псалтыри свидетельствует о более раннем ее появлении.

Среди причастий преимущество также отдается восточнославянским, хотя и церковнославянские остаются в тексте: *погребаючи*, л. 60 об., *боячихся*, л. 62б, *прѣходячи*, л. 63г, *ловячих*, л. 64в, *летячои*, л. 64в, *творячи*, л. 67в, *горючими*, л. 76в.

Проиллюстрирую сказанное примерами: Пс. 104: 30–35, л. 68г–69а

въскипѣла земля их жабами въ полацохъ црѣи их, рекль, и пришли песьи мухи и мышци въ всидержанияхъ ихъ, положил дожди их градове, огонь палячий въ земли их и побилъ винници ихъ и смокви их, и стерль дрѣва от градовъ их, рекль, и пришли пружи и гусѣница, имже не было числа, и поѣли всяку траву въ земли их, и поѣли всякъ плод въ земли их, и убилъ вси первенци въ земли их, початки всякое роботы их, и вывелъ их съ серебром и златом... и придоша кростели... и далъ им кролевства языковъ и роботование людей.

3. Здесь уже ярко видны польские истоки рутенизмов. Помимо чтения *въ полацохъ царей* (М. мн. от *полаць*³⁴, ср. пол. *pałac*), л. 69а на месте слав. *въ съкровицихъ царей* (Норов., МД, ФС в соотв. с греч. *ἐν τοῖς ταμίεοις*), лат. *penetralibus regum*, имеем далее в псалме западнославянские рефлексы сочетаний типа *tort, *tert: *кростели, кролевства*, л. 69а, *прозность*, л. 64а, *обротил*, л. 68г, *прожности*, л. 81а, *вроновым*, л. 82а, а также *обецаитесь*, л. 58в, и многократное употребление слов с западнославянским рефлексом *моц-* вместо церковнославянского *моц-* (1 раз на, л. 75в). С 17-го по 71-й псалом текст постепенно насыщался восточнославянскими формами с *ч* на месте праславянского *gt, после 71-го псалма он дополнился западнославянскими эквивалентами: *моць*, л. 58в, *моци*, л. 59в, *моцный*, л. 63а, *моцность*, л. 64в, *моцни*, л. 77в и т. д.

Количество полногласных форм практически выравнивается с церковнославянскими для сочетаний *оло/ла, оро/ра*: *оболоцѣ*, л. 59б, *оболокы*, л. 67г, *золото*, л. 78в, *володѣешь*, л. 63а, *обволочитя*, л. 71б, *посоромѣся*, л. 62в, *сторожа*, л. 64в, *порожни*, л. 65б, *поздоровение*, л. 65б, *ворота*, л. 70б, *преворочение*, л. 66г, *от сторо-*

жи, л. 77г. При этом однокоренные неполногласные слова могут соседствовать в пределах одной строки: ср. Пс. 132:2 *сходит на браду, бороду Арону*, л. 78б. Полногласная форма может употребляться рядом с ярким церковнославянизмом, например: *и яко поломя пожигающее*, л. 61г. Многократно возрастает количество слов с *-ере-* (приставка *пре/прѣ* практически не заменяется на восточнославянскую, поэтому в подсчетах не учитывалась): *жеретьем*, л. 60а, *от бремень*, л. 61б, *стерезет*, л. 81г и т. д.

К описанным в части II особенностям лексической правки (церковнославянизмов и избранных чтений по Вульгате), которая охватывает и псалмы с 72-го, здесь хотелось бы добавить примечательные случаи, стоящие особняком. Чтение в Пс. 80:4 *Вострубите въ писковыхъ трубахъ* на месте греч. *νεομηνία*, лат. *neomenia* вместо... *въ новомѣсачи трѣбож* (Норов., на новъ мѣсачъ Син., МД, ФС), по всей видимости, является результатом влияния каких-то других контекстов или ассоциаций при переводе. Взаимосвязь основы *писк-* «с духовыми [инструментами]» отмечается М. О. Новак в древнеславянских памятниках как систематическая [7: 23]. Словарь XI–XVII веков³⁵ приводит целое гнездо однокоренных слов с данной семантикой: *пискъ* ‘духовой музыкальный инструмент’, *пискати* ‘играть на свирели, дудке’, *пискатель* ‘музыкант, играющий на флейте, свирели, дудке’.

Системной в этой части псалтыри можно назвать правку по замене слов с основой *созда-* строго в соответствии с лат. основой *forma-*. В Пс. 89:3 *въобразитя земля*, л. 64а, лат. *formaretur* на месте слав. *создатися*; Пс. 94:5 *руки его выобразили* л. 65в, лат. *formaverunt* вместо *создасть*; Пс. 103:26 *выобразиль еси*, л. 68б, лат. *formasti* вместо *созда*; Пс. 138:5, 16 *ты выобразиль еси мене... дни выобразятя*, л. 79в–г, лат. *formasti*; *formabuntur* вместо *созда, созиждутся*. При этом традиционное чтение сохраняется несколькими стихами ранее в Пс. 138:13: *ты создалъ еси утробу мою*, л. 79г при ином лат. *possedisti*. Во всех остальных чтениях славянскому *созда-* соответствуют другие латинские глаголы (напр., Пс. 32:9 *создашася*, л. 43б, лат. *creata sunt*; Пс. 32:15 *создал*, там же, лат. *finxit*; Пс. 73:17 *весну ты създалъ еси*, л. 58а, лат. *plasmasti*; Пс. 77:69, *создал*, л. 60б, *aedificait*). Хотя значение ‘создать, сотворить’ для глагола *выобразити*³⁶ не зафиксировано, оно есть у глагола *выобразывати*³⁷.

Дважды в псалтыри переводчик предлагает два варианта перевода глаголов с основой *мурмура-*. В Пс. 105:25 *шамрали въ поколѣньи*

своемъ, л. 69в, лат. murmurabant на месте слав. *поропташа* (Норов., МД, ФС). Восходящий к польскому *szemgać* ‘шелестеть, шептать’ глагол *шамрати*³⁸ есть и в старобелорусском языке в значении ‘жаловаться, роптать’. В Пс. 58:16 на месте лат. murmurabunt находим чтение *поропчут*, л. 52в вместо *поропцут* – своеобразный промежуточный вариант между церковнославянским и рутенским.

В последнем псалме, 150-м, л. 82в западнорусские языковые элементы практические не встречаются, пожалуй, только слово *въскликаныи* вместо *въсклицания* может выдавать отклонение от церковнославянского языка.

Сводные данные по всем трем частям псалтыри приводятся в таблице.

Языковые черты	Псалмы 1–16	Псалмы 17–71	Псалмы 72–150
жы шы	7 0	21 1	31 0
о после шипящих цо	0 0	16 17	49 13
М. мн. м, ср. -ох	1	1	11
-ого/-аго	2/12	14/11	33/3
Окончание глаголов 2. ед. наст. -шь ³⁹ /-ши	1/26	35/52	58/0
Простые претериты	64	175	167
Перфект со связкой	20	125	170
Перфект без связки	21	117	480
Рече/реклъ без связки	3/2	4/2	0/15
Причастия -уч, -юч/ ущ, -ющ -ач, -яч/ аш, -ящ	0/22 0/2	4/85 2/48	43/27 31/27
видь	0	5	5
али, оли	2	10	23
але	0	0	2
або	0	0	4
ачь/аще	0/9	1/20	4/25
ажь	0	4	0
оло/ла	0/9	2/12	15/18
оло/лѣ	0/1	0/1	1/3
ере/ре ⁴⁰	0/5	3/3	19/8
оро/ра	0/14	3/71	21/53
роз-, рос-/ раз-, рас	0/8	24/37	66/18
моч-/мощ-/ моц-	0/7/0	2/19/0	18/1/10

ВЫВОДЫ

Текст первых 16 псалмов написан на церковнославянском языке с минимальными западно-

русскими вкраплениями в области фонетики и грамматики. Чтение *правина*, предложенное Е. Ф. Карским в качестве рутенизма, следует признать традиционным, восходящим к I редакции псалтыри.

С 17-го псалма и до 71-го включительно количество рутенизмов нарастает от псалма к псалму на всех уровнях, однако церковнославянский текст по-прежнему преобладает. Троекратно возрастает число написаний, показывающих отвердение *жс*, графическое отражение [e] в [o] после шипящих и *ц*. В области грамматики изменения неравномерны: резкая смена церковнославянских флексий Р. ед. прилагательных на восточнославянские, значительно возрастает количество форм 2 ед. на *-шь*, количество простых претеритов снижается на треть, уступая место перфекту, появляются модели, аналогичные староукраинским. Однако среди причастий настоящего времени по-прежнему предпочтительны церковнославянские.

Текст постепенно насыщается западнорусской лексикой, начиная с 17-го псалма ее количество нарастает к середине псалтыри. Правятся церковнославянизмы (это в основном касается замены слов с неполногласием полногласными соответствиями), частично унифицируется перевод с латинского. Причем практически вся, не последовательная с 17-го по 71-й псалом, правка будет уже систематически продолжена далее, что свидетельствует об одновременном переводе всей псалтыри одним человеком.

С 72-го псалма церковнославянская основа текста будет проглядывать сквозь западнорусские особенности. Это преобразование текста затрагивает все уровни языка. В грамматике практически исчезают церковнославянские формы, остается незначительное число простых претеритов, также отмечаются формы, аналогичные староукраинским. Зафиксировано более раннее, чем отмечается в грамматике, использование формы *быхмо* в сослагательном наклонении, учитывая, что она распространяется в конце XVI века, вряд ли стоит относить перевод данной псалтыри ранее, чем к первой трети XVI века. В большом количестве появляется лексика польского происхождения.

Псалтырь Ф. Скорины если и служила образцом для переводчика, то только как прецедент для перевода псалтырного текста. Собственно, во всех случаях правки по Вульгате на месте западнорусского слова Виленской псалтыри в псалтыри Скорины находится традиционное чтение, пока найдено только одно лексическое исключение.

Представленная языковая неравномерность текста, на мой взгляд, связана с выработкой принципов перевода псалтыри на западно-русский, с поиском переводческих решений. Не исключено, что перевод задуман специально для этой рукописи, западнорусские ветхозаветные тексты которой уже существовали. При чем работа проделана одним человеком: это

видно по закономерностям перевода латинских слов на протяжении всего текста (например, для *probare, temptare, simul* и др.). Нарастание рутенских элементов к середине псалтыри и фактически вытеснение церковнославянской основы после 72-го псалма вполне объяснимо: определены церковнославянские элементы для замены, выбран круг латинских чтений для работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробно литературу о рукописи, датировке, вероятном авторе переводов, исследования особенностей переводов некоторых книг кодекса: Добрянский Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1882. С. 441–447; Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках. Варшава, 1896. С. 26–35, а также [1: 184–185], [4], [5], [12: 7–11], [13: 874–881], [15], [16].
- ² Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках. Варшава, 1896. С. 28.
- ³ Там же. С. 28–33.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Минск, 1982–2017.
- ⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- ⁷ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Киев, 1977–1978.
- ⁸ Орфография рукописи многослойна: в ней есть как рутенские черты, так и наследуемые от других протографов следы второго южнославянского влияния. Рукопись акцентированная. При цитировании Виленской псалтыри здесь и далее текст подается без диакритики, выносные вносятся в строку без текстового выделения, титла сохраняются, из церковнославянских букв передается только *ять*, лист указывается после цитируемого фрагмента.
- ⁹ ГСБМ. Вып. 1. С. 99.
- ¹⁰ ГСБМ. Вып. 1. С. 166.
- ¹¹ ГСБМ. Вып. 1. С. 56.
- ¹² Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтири в XV–XVII веках... С. 28.
- ¹³ ГСБП. Вып. 27. С. 449.
- ¹⁴ ГСБМ. Вып. 1. С. 99.
- ¹⁵ ГСБМ. Вып. 1. С. 77.
- ¹⁶ ГСБМ. Вып. 18. С. 256.
- ¹⁷ ГСБМ. Вып. 27. С. 159.
- ¹⁸ ГСБМ. Вып. 9. С. 10.
- ¹⁹ ГСБМ. Вып. 8. С. 12.
- ²⁰ ГСБМ. Вып. 31. С. 301.
- ²¹ ГСБМ. Вып. 31. С. 301.
- ²² В ГСБМ. Вып. 35. С. 304, только причастие *утученый* ‘сытый’.
- ²³ СлРЯ XI–XVII. Вып. 21. С. 144.
- ²⁴ ГСБМ. Вып. 3. С. 77.
- ²⁵ ГСБМ. Вып. 26. С. 292.
- ²⁶ ГСБМ. Вып. 26. С. 290.
- ²⁷ ГСБМ. Вып. 35. С. 384.
- ²⁸ ГСБМ. Вып. 30. С. 410.
- ²⁹ ГСБМ. Вып. 30. С. 397.
- ³⁰ Слова нет в ГСБМ и ССУМ.
- ³¹ ГСБМ. Вып. 21. С. 119.
- ³² ГСБМ. Вып. 21. С. 63.
- ³³ СлРЯ. Вып. 11. С. 445.
- ³⁴ ГСБМ. Вып. 23. С. 395.
- ³⁵ СлРЯ XI–XVII. Вып. 15. С. 54.
- ³⁶ ГСБМ. Вып. 5. С. 313.
- ³⁷ ГСБМ. Вып. 5. С. 313.
- ³⁸ ГСБМ. Вып. 37. С. 82.
- ³⁹ Все случаи употребления выносной *-и* в глагольной флексии 2 ед. наст. вр. учитывались как случаи редукции окончания.
- ⁴⁰ Не учитывалось употребление приставки *пре/прѣ*, поскольку она практически не заменяется на восточнославянскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии // *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen*, Bd. 24. СПб.; Köln etc.: Дмитрий Буланин: Böhlau Verlag, 1999. 254 с.
2. Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3. Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956. 520 с.
3. Ковалёва Ю. С. Языковые и текстологические особенности Псалтири в составе Виленского библейского свода по рукописи F 19–262 пер. четв. XVI в. / *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет*. М., 2021. 85 с.
4. Кожина А. А., Суркова Е. С. Лингвистическая рефлексия в раннем восточнославянском переводе книги пророка Даниила из Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) // *Лингвистическая эпистемология: история и современность: XV Международный съезд славистов*. (Минск, Республика Беларусь, 20–27 августа 2013 г.). Минск, 2013. С. 64–94.
5. Кожина А. А., Суркова Е. С. Библейские *haraх legomena* в рефлексии перевода (на материале Книги Иова из Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) и польских библий XVI в.) // *Slavistica Vilnensis*. 2019. Vol. 64 (1). С. 10–25.
6. Молдован А. М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 1 (23). М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 182–197.
7. Новак М. О. Названия музыкальных инструментов в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. (на материале исторического корпуса «Манускрипт») // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 6. С. 18–28.
8. Смирнова Е. А. «Проста мова» как лингвистический феномен (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 316 с.
9. Темчин С. Ю. Схария и Скорина: об источниках Виленского Ветхозаветного свода (F 19–262) // *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006. № 21. P. 289–316.
10. Чешко Е. В., Бунина И. К., Дыбо В. А., Князевская О. А., Науменко Л. А. (ред.) *Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2 ч.* София: Изд-во Болгарской академии наук, 1989. 743 с.
11. Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск, 1979. 328 с.
12. Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына: Спадчына і пераемнікі: Анатаваны бібліяграфічны паказальнік. Мінск: Красіка-Прынт, 2002. 175 с.
13. Thomson F. J. The Slavonic translation of the Old Testament // *Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield: Slovenska akademija znanosti in umetnosti: Sheffield Academic Press, 1998. P. 605–920.
14. Taube M. The Vilnius 262 Psalter: A Jewish translation? // *Jews and Slavs*. Vol. 14. Jerusalem; Moscow, 2004. P. 27–38.
15. Taube M. The Book of Job in Vilnius 262 // *Jews and Slavs*. Vol. 15. Jerusalem; Sofia, 2005. P. 281–296.
16. Taube M. The Book of Proverbs in Codex Vilnius 262 // *The Bible in the Slavic tradition*. (A. Kulik, M. MacRobert, S. Nikolova, M. Taube, C. Vakareliyska, Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 179–194

Поступила в редакцию 11.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Alexandra E. Soboleva, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Russian State Library (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Moscow Theological Academy (Sergiyev Posad, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

CHURCH SLAVONIC VS RUTHENIAN: THE LANGUAGE OF THE VILNA PSALTER

Abstract. The manuscript from the collection of the Vilnius Library of the Lithuanian Academy of Sciences (F 19–262), whose Old Testament books have been translated into the Western Russian (Ruthenian) written language, was created around 1517–1530. It was initially thought that all of its books were translated from Hebrew. However, M. Taube masterfully shows that the sources of the Psalter texts were the Church Slavonic Psalter and the Latin Bible. The text of the Psalter is heterogeneous: the predominance of the features of the Western Russian language in its second half has been noted by researchers before. However, there has been no detailed linguistic study revealing the regularities of translation of the text of all psalms, which determines the novelty of the study. The objectives of this work are to identify and describe the correlations between the Church Slavonic and Western Russian languages in the psalms of the Vilna corpus, as well as the translation techniques. The first 16 psalms practically do not reveal any signs of the Ruthenian

language, the grammatical and phonetic features of which are represented by inclusions. From Psalm 17 to Psalm 71 the changes accumulate quantitatively, with their number increasing by the middle of the Psalter, creating an impression of chaotic linguistic organization of the text. Lexical revision takes place in two directions: certain Church Slavonicisms are replaced, and there is a move towards the unified translation of Latin words. The revision is carried out with varying degrees of consistency, but almost all of the lexemes proposed by the translator are repeated in the next part of the Psalter, often replacing the same Latin words. From Psalm 72 onwards, we see the Church Slavonic basis of the text only peek through the Western Russian features. This transformation affects all levels of language. Only one use of the form *byhmo* in the subjunctive mood is recorded, and since this form was actively spreading in the late XVI century, it seems unlikely that this translation of the Psalter dates back to the period before the first third of the XVI century, i.e. the manuscript and its translation belong to the same time period, and there is a possibility that the translation was specifically tailored for this manuscript. Furthermore, the research findings suggest that the translation was completed by one person, while the linguistic heterogeneity of different parts of the Psalter can be attributed to the search for consistent translation principles.

Key words: Psalter, Ruthenian language, translations, Francisk Skorina, Old Church Slavonic language

Acknowledgements. The research was supported by the RFBR grant 21-012-41004 “Medieval Russian-Jewish Contacts and Slavic Targum”. The author of the article expresses her gratitude to Maria O. Novak and Dmitry V. Sitchinava for consultations and advice that significantly helped in conducting the research.

For citation: Soboleva, A. E. Church Slavonic vs Ruthenian: the language of the Vilna Psalter. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1057

REFERENCES

1. Alekseev, A. A. Textology of the Slavic Bible. *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen, Bd. 24*. St. Petersburg; Köln etc., 1999. 254 p. (In Russ.)
2. Karsky, E. F. The Belarusians. The language of the Belarusian people. Vol. 2. Historical outline of word formation and inflection in the Belarusian language. Vol. 3. Essays on the syntax of the Belarusian language. Moscow, 1956. 520 p. (In Russ.)
3. Kovaleva, Yu. S. Linguistic and textological features of the Psalter in the Vilna Biblical collection F 19–262 of the first quarter of the XVI century. Moscow, 2021. 85 p. (In Russ.)
4. Kozhina, A. A., Surkova, E. S. Linguistic reflection in the early East Slavic translation of the Book of Daniel from the Vilna Old Testament collection (F 19–262). *Linguistic epistemology: history and modernity: The XV International Congress of Slavists*. Minsk, 2013. P. 64–94. (In Russ.)
5. Kozhina, A. A., Surkova, E. S. Biblical *hapax legomena* in the reflection of the translation (on the material of the Book of Job from the Vilna Old Testament Book (F 19–262) and the Polish Bibles of the 16th century). *Slavistica Vilnensis*. 2019;64(1):10–25. (In Russ.)
6. Moldovan, A. M. Variations of the first-person plural forms of the copulas/auxiliaries in Old Russian written texts. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Issue 1 (23). Moscow, 2020. P. 182–197. (In Russ.)
7. Novak, M. O. Names of musical instruments in Old East Slavonic parimejniks from the 12th – 14th centuries (on “manuscript” corpus materials). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(6):18–28. (In Russ.)
8. Smirnova, E. A. The Ruthenian language as a linguistic phenomenon (reconstruction of the verbal system based on the Tyapinskiy’s Gospel): Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2011. 316 p. (In Russ.)
9. Temchin, S. Schariya and Skorina: concerning sources of the Vilnius’ Copy of the Old Testament (F 19–262). *Senoji Lietuvos literatūra*. 2006;21:289–316. (In Russ.)
10. Cheshko, E. V., Bunina, I. K., Dybo, V. A., Knyazevskaya, O. A., Naumenko, L. A. (Eds.) The Norovskaya Psalter: The Middle Bulgarian manuscript of the XVI century. In 2 parts. Sofia, 1989. 743 p. (In Russ.)
11. Bulyka, A. M., Zhuraŭski, A. I., Kramko, I. I. Historical morphology of the Belarusian language. Minsk, 1979. 328 p.
12. Galenchanka, G. Ya. Francysk Skaryna: Legacy and successors: Annotated bibliographic index. Minsk, 2002. 175 p.
13. Thomson, F. J. The Slavonic translation of the Old Testament. *Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 605–920.
14. Taube, M. The Vilnius 262 Psalter: A Jewish translation? *Jews and Slavs*. Vol. 14. Jerusalem; Moscow, 2004. P. 27–38.
15. Taube, M. The Book of Job in Vilnius 262. *Jews and Slavs*. Vol. 15. Jerusalem; Sofia, 2005. P. 281–296.
16. Taube, M. The Book of Proverbs in Codex Vilnius 262. *The Bible in the Slavic tradition*. (A. Kulik, M. MacRobert, S. Nikolova, M. Taube, C. Vakareliyska, Eds.). Leiden; Boston, 2016. P. 179–194.

Received: 11 December 2023; accepted: 15 May 2024

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ХОРОХОРИН

младший научный сотрудник, аспирант сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
pavel.horohorin@yandex.ru

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ КАРЕЛЬСКОЙ ОЙКОНИМИИ -L-ОВОГО ТИПА В ОФИЦИАЛЬНУЮ РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ

А н н о т а ц и я . Ставится задача выявления способов интеграции карельской ойконимии -l-ового типа в официальное русское бытование на протяжении XVI–XX веков. Показано, что она играла исключительно важную роль в системе ливвиковских именовании поселений, при этом суффикс *-la* (*-lu*, *-l*) с локативной семантикой последовательно оформлял топоосновы, выраженные антропонимом. Источником материала для анализа интеграционных моделей послужила подготовленная в ИЯЛИ КарНЦ РАН рукопись словаря «Ливвиковские деревни от А до Я: словарь названий населенных мест», включающего как современную, так и историческую ойконимию ареала проживания карелов-ливвиков на территории южной Карелии. В результате анализа выявлены две интеграционные стратегии: прямая адаптация и суффиксация. Установлено, что начиная с XVI века (на самом деле, видимо, и раньше, однако отсутствие ранних документов не позволяет утверждать однозначно) использовались три форманта *-ицы/-ичи* (*Kunil* → *Куневичи*), *-ская* (*Vanhimal* → *Вангиманская*) и *-ово/-ево* (*On'kul* → *Онково*). Модель прямой адаптации (*Riiskal* → *Ришкала*) появилась в документах в XVII веке и постепенно заняла лидирующую позицию. На основе предшествующих исследований констатируется, что смена приоритетов обусловлена изменением этноязыковой ситуации, вызванной мощной карелизацией в связи с притоком карельского населения из Приладожья. Этот вывод подтверждается и другим модернизационным процессом: модель *-ицы/-ичи* преобразуется в модель *-лицы/-личи* (*Куневичи* → *Кунилицы* из ливв. *Kuunil*), то есть карельский формант не замещается русским, а осознается частью основы. В современной системе господствует прямая адаптация.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельская топонимия, ойконимы, интеграционные модели, формант, адаптация, официальная топонимия

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю благодарность своему научному руководителю Ирме Ивановне Муллонен за ценные советы и рекомендации, данные в процессе подготовки статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Хорохорин П. А. Модели интеграции карельской ойконимии -l-ового типа в официальную русскую топонимическую систему // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1058

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия Карелии двуязычна. Двуязычность ее проявляется, с одной стороны, ареально: Карелия может быть условно поделена на прибалтийско-финский (карельский и вепсский) запад и русский восток. С другой стороны, двуязычность связана с двумя уровнями бытования географических названий: русским официальным и прибалтийско-финским неофициальным. Многовековая практика сосуществования двух языковых сред выработала целый ряд моделей интеграции карельской и вепсской топонимии

в русскую систему именовании. При этом народный опыт такой интеграции учитывался, конечно, хотя и не всегда, при создании официальных эквивалентов, которые начинают появляться в массовом порядке с конца XV века в документах писцового дела, включающих многие сотни ойконимов. В XVIII веке в связи с появлением первых карт на официальный уровень выходят и многочисленные гидронимы.

В статье анализируются интеграционные модели, которые использовались в разное время для адаптации к русскому бытованию карель-

ских ливвиковских ойконимов так называемой *-l*-овой модели, то есть оформленных суффиксом *-la* и его фонетическими вариантами.

Основным источником материала для исследования названий поселений территории расселения карелов-ливвиков послужила подготовленная в ИЯЛИ КарНЦ РАН рукопись словаря «Ливвиковские деревни от А до Ä: словарь названий населенных мест» (ЛД). Он включает помимо современных карельских ойконимов и их русских соответствий (всего названия более 700 поселений) также упоминания топонима в письменных источниках: писцовые и переписные книги XV–XVII веков, материалы ревизий XVIII–XIX веков, списки населенных мест XIX – начала XX века, а также исторические карты XVIII–XIX веков. В совокупности этот материал позволяет проследить, как происходило становление официальной ойконимической системы на территории южной Карелии.

ЛИВВИКОВСКИЕ ОЙКОНИМЫ *-L*-ОВОГО ТИПА

Топонимический суффикс *-la* относится к типичному топонимическому форманту, у которого есть свой ареал и своя функция. Формант обнаруживается в топонимических системах всех языков прибалтийско-финской группы. Ключевая особенность ойконимного форманта – локативная. Считается, что его первоначальная функция – именованья места жительства одного рода или семьи [14: 110]. На практике оно было равносильно однодворной деревне. По мере разрастания таких поселений название материнского дома становилось ойконимом – названием деревни [15: 92]. Сквозное правило карельской ойконимии *-l*-овой модели состоит в том, что формант в обязательном порядке присоединяется к основе, выраженной антропонимом, то есть личным именем, патронимом, прозвищем, фамилией. Приведем примеры календарных и некалендарных имен из олонецкой топонимии: дер. *Отчула*, карел. *Aččul*, от календарного имени *Ačču* < Аким; дер. *Ченжойла*, карел. *Čondžoilu*, от *čondžoi* ‘блоха’, в переносном значении ‘назойливый человек’ (ЛД).

Модель использовалась как в вепсских, так и в карельских ойконимах. В результате вероятного спада ее продуктивности в вепсской топонимии уже на раннем этапе общее количество вепсских ойконимов *-l*-овой модели в настоящее время невелико. Одним из первых письменных источников с вепсской моделью является «Приписка к Уставу Святослава» XIII века [6: 76].

Карельская модель, в свою очередь, зафиксирована в источниках позднее, в XV–XVI веках,

на территории Северного Приладожья. При этом она была представлена в местах с плодородной почвой, где активно развивалось земледелие [15: 91–92]. Земледельческая культура была характерна для речных долин Юго-Восточного Приладожья, в том числе территории современного Олонецкого района Карелии, где модель *-l*-овой топонимии чрезвычайно продуктивна. Кроме того, *-l*-овый формант соответствует гнездовому расселению¹.

На территории северной и центральной Карелии *l*-овая модель маркирует места, в которые осуществлялось «залповое» переселение карелов в период XVI–XVII веков [1: 8]. Иначе говоря, это центры, в которые направлялся основной поток переселенцев и откуда затем происходила вторичная миграция по территории. Именно в этих центрах, ставших административными, фиксируется самоназвание *karjalaizet* ‘карелы’, в то время как жители небольших поселений, возникавших в ходе внутренней миграции, называют себя лопарями. Анализ данного процесса с привлечением ойконимии с формантом *-la* позволил воссоздать маршрут переселения карельского населения на север Сегозерья из северо-западной части Приладожья [7: 24].

Если подходить формально, то в документах XVI – первой половины XVII века на территории олонецкой / ливвиковской Карелии нет ойконимов с формантом *-la*, уточним – нет материально, то есть о них можно говорить только гипотетически. Реально модель *-la* появляется в документах этой территории лишь к рубежу XVII–XVIII веков. В документах же более раннего времени использованы официальные русские именованья – приведенные к нормам русской ойконимической системы карельские ойконимы. Каковы были сами карельские оригиналы? Есть некоторые косвенные свидетельства, которые позволяют реконструировать в скрытом русской адаптацией официальном ойкониме карельскую *-l*-овую модель. Наиболее убедительными являются те ряды топонимов, которые выстраиваются на основе сквозного просмотра документов XVI–XX веков. Приведем три примера из окрестностей Олонца, демонстрирующих смену модели именованья. Первый – современная деревня *Артула* (ливв. *Artul*), название которой до середины XVII века фиксировалось с формантами *-evo/-eva*: *Верхнее Оптуево* (ПКЗП 1582²), *Артуева* (СП 1657³). Однако в дальнейшем произошла смена модели адаптации, и русское суффиксальное именованье меняется на транслитерированный карельский оригинал: на *Мегре-реке Артулы* (ПКЗВ 1667⁴), *Артула* (ПК 1707⁵, ПК 1726⁶), *Ар-*

тулы (ПГМ 1802⁷). Второй пример – это деревня, именуемая в источниках XX века деревней *Варилица* (ливв. *Varil*). В таком виде, то есть с концовкой *-ицы*, топоним начинает фиксироваться с XVII века, в XVI же веке он имел вид *Вариево* или *Вариева*. И третий – дер. *Рыпушкалицы*. Начиная с самых ранних документов XVI века фиксировалась модель *-ицы*: *Репушкиницы*, *Репушкиница*, *Рипушкиницы*, *Рипушкалицы*. Однако этот последовательный ряд нарушался изредка вторжением модели *-ла*: *Рипушкала* или *Рыпушкала* в XVIII и XIX веках (ЛД). Спрашивается, откуда и почему она появляется на разных этапах? Очевидно, это результат выхода на официальный уровень народных ливвиковских ойконимов, образованных по *-l*-овой модели. Ниже, в последнем разделе статьи, выявляются исторические причины такой трансформации.

ДВЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЛИВВИКОВСКОЙ ОЙКОНИМИИ

Интеграция ойконимов *-l*-ового типа в русское официальное бытование происходила, как свидетельствуют документы, двояким образом. В случае так называемой прямой адаптации *приб.-фин. -la (-l, -lu)* и соответствующие переднерядные варианты *-lä (-l'a)* и *-ly* сохранялись практически в неизменном виде, если не учитывать некоторой фонетической адаптации: дер. *Виллалы* (в источниках *Виллала*, *Вилойлы*, *Вилалы*), ливв. *Villal*; дер. *Гошкила* (*Гошкино*, *Гошкила*, *Гошкила*, *Гошкилы*, *Гошкалицы*, *Гошкилы*), ливв. *Hoškil*; дер. *Курчалы* (*Курчала*, *Курчалицы*), ливв. *Kurčal*. Данная модель, как уже было отмечено, не фигурирует в источниках вплоть до конца XVII века.

Второй алгоритм – это замена *-l*-ового форманта русским эквивалентом. Анализ источников показал, что таких эквивалентов – русских суффиксов с посессивной семантикой – было несколько и именно они применялись для интеграции карельской модели в наиболее ранних письменных источниках. Ниже будет показано, почему принцип прямой адаптации (*-ла*, *-ля*, *-лы*) начинает активно использоваться только на рубеже XVII–XVIII веков.

В этом контексте важно учитывать, что на прибалтийско-финском фоне со скупым набором топоформантов русская топонимия отличается значительной суффиксальностью. Известно, что в топонимии используются суффиксы, пришедшие из апеллятивного функционирования. При этом часть из них со временем перешла исключительно в разряд топонимических и вышла из апеллятивного бытования. Исследователи обращают внимание на ареальные

предпочтения отдельных формантов, за которыми может стоять на самом деле хронология. В свое время В. А. Никонов, к примеру, обратил внимание на довольно четкую ареальную границу между вариантами посессивных формантов *-ово/-ево* и *-ино*, с одной стороны, и *-овка/-евка*, *-инка*, с другой. Первые превалируют на российском северо-западе и формировались в границах Московского государства XVI века, в то время как вторые маркируют последующее освоение территории в южном направлении [12] или внутреннюю миграцию местного населения. Своего рода иллюстрацией миграционного пути населения он считал и формант *-иха* в Верхнем Поволжье [13]. На северо-востоке Карелии, в Поморье, суффикс представлен более чем в сотне топонимов, закрепившись и при основе прибалтийско-финского происхождения: Гуппоиха < Ниорро 'Фофан' (Кемь) и др. Считается, что он является здесь наглядным следом новгородской миграции [4: 190].

Далее рассмотрены суффиксальные модели, которые использовались на официальном уровне для интеграции ливвиковской ойконимии.

1. Модель *-ская* была исключительно активной на этапе составления писцовых книг XV–XVII веков, например, на Свири или в Заонежье (дер. *Есинская*, *Семеновская*, *Олексеевская*, *Мустоевская*, *Ректуновская* и др. на Падмозере), однако осталась практически незадействованной на Олонце. Здесь обнаруживаются лишь отдельные примеры, сосредоточенные в окрестностях г. Олонца. При этом в книге 1563 года их практически нет, в книге 1582 года появляется небольшое количество: *Вангиманская* – совр. Вангимала, *Кожинская* – Кожала, *Тергуевская* – Тергелицы, *Имницкая* – Имницицы, *Созулская* – Созойла, *Тепульская* – Теппула. Некоторые из перечисленных образований отразились позднее в документах начала – середины XVII века, однако традиция в целом не закрепились, и олонцкие ойконимы на *-ская* перешли в модель *-ла* или *-ицы*.

2. Посессивный формант *-ово/-ево* с вариантами более продуктивен, однако его активность явно падает на протяжении веков. Образования с ним довольно многочисленны в писцовых книгах XVI века: *Большое Нирьево* – совр. Нюрала, *Старое Онково на Мегреге* – Онкулицы, *Патцково* – Пачкала, *Ризуево* – Рижула в Мегреге, *Вачеева* – Ватчелицы, *Шокуева* – Шококкойла, *Чегнуева* – Ченгилицы, *Байкова* – Вайкола в составе бывшей Рыпушкальской волости и др. (ЛД). Однако к началу XVIII века они оказываются вытеснены двумя моделями, ставшими к этому

времени главенствующими при интеграции карельской *-l*-овой ойконимии: прямая адаптация и формант *-ицы*. До современности доживают лишь единицы: *Тахтасова* – ливв. *Tahtahal*, *Путилово* – *Puutil*, *Токарево* – *Takkaril*.

На фоне образований на *-ово/-ево* ойконимы с другим продуктивным в русской топонимии посессивным формантом *-ино* полностью отсутствуют в современной официальной русской ойконимии ливвиковского ареала. Их практически нет и в документах прошлых веков, в которых отложилось буквально несколько названий: *Вонгино* – ливв. *Vongal*, *Петкино* (наряду с Петкуево) – *Rötköl*, *Пачкина* (наряду с *Патцково*) – *Pačkal*, *Гошкино* – *Noškil* (ЛД). Здесь соблюдается общий для Карелии тренд с немногочисленностью образований на *-ин* в русскоязычных фамилиях карелов и соответственно на *-ино/-ина* в посессивной ойконимии (см. подробнее [11]).

Наиболее востребованной, особенно на раннем этапе интеграции прибалтийско-финской *-l*-овой ойконимии в районе Юго-Восточного Приладожья, была суффиксальная модель *-ицы/-ичи*. Поскольку ее анализ сопряжен в тексте с вопросом о территориальных и хронологических границах адаптационных моделей, а также причинах их смены, описание вынесено в отдельный раздел статьи.

Формант *-ицы/-ичи* в официальной ойконии ливвиковского Приладожья

Для удобства описания в тексте мы оперируем формантами *-ицы/-ичи* и даже только *-ицы*, в связи с севернорусским цоканьем, вытеснившим практически «чокающий» вариант. Однако в действительности это форманты *-овицы/-овичи* (*-евицы/-евичи*) и *-иницы/-иничи*, в составе которых объединяется два последовательно представленных посессивных суффикса: 1) *-ов/-ев* и *-ин* и 2) *-ицы/-ичи*.

Топонимический формант *-ицы/-ичи* (<*-itji) имеет праславянские истоки. Он широко распространен в топонимии на восточнославянских территориях. Считается, что он мог возникнуть во II–III вв. до н. э. и даже раньше при формировании родовых общин [5: 49]. Иначе говоря, первоначально это был патронимический показатель, использовавшийся для именованя рода, патронимии по его главе, родоначальнику. Однако со временем наименования социальных объединений были перенесены на ту территорию, которая была ими освоена и заселена. Результатом стало наличие большого количества ойконимов, происходящих от антропонимов. Наиболее продуктивным периодом этого форманта явля-

ется вторая половина I тыс. н. э. В Новгородской округе ойконимная модель была продуктивна вплоть до XV–XVI веков [2: 203–204].

Республика Карелия расположена на северо-западной окраине большого славянского ареала бытования ойконимии на *-ичи/-ицы* и не входит в число коренных территорий ее функционирования. Здесь выделяется два локальных анклава модели, расположенных по пути миграции от Ладоги до Присвирья и Обонежья [3]. Основной ареал тяготеет к р. Свири, при этом модель особо распространена в нижнем течении южного притока Свири р. Ояти [8: 86]. Из Присвирья модель распространилась на примыкающую к северу территорию бассейна р. Олонки, где наибольшая плотность ее достигается в окрестностях г. Олонца [9]. Олонецкий ареал в разреженном виде достигает на севере Сямозерья.

Второй локальный ареал реализован примерно в десятке ойконимов на Заонежском полуострове и севернее вдоль транзитного водно-волокового пути из Онежского озера в Белое море. Наконец, несколько топонимов на *-ицы* представлено в документах, привязанных к территории Водлозера в восточном Обонежье.

Основная особенность ойконимов с формантом *-ицы/-ичи* на обозначенных выше территориях состоит в том, что последний практически не присоединяется к русским антропонимическим основам. Названий типа *Трошевичи* или *Михалевицы* буквально единицы. Абсолютное большинство ойконимов этой модели, поддающихся этимологии, содержат в основе прибалтийско-финский антропоним. Это относится как к русскому Заонежью, так и к карельскому ареалу на р. Олонке. Еще примечательнее то обстоятельство, что карельскими и вепскими соответствиями русских по употреблению топонимов на *-ицы* последовательно выступают ойконимы так называемой *-l*-овой модели. Исследования, проведенные в свое время на вепском материале Приоятья, позволили утверждать, что русский ойконимный формант *-ицы/-ичи* используется сугубо для адаптации к русской системе именованя вепских названий поселений, оформленных *-l*-овым суффиксом: вепс. *Reboil* → рус. *Ребовичи*, вепс. *Karhil* → рус. *Каргиничи* и т. д. Это дало основание реконструировать соответствующие *-l*-овые оригиналы и для тех ойконимов с суффиксом *-ицы/-ичи*, которые зафиксированы только в русском бытовании, на бывших вепских территориях, и их вепские оригиналы давно (или не очень давно) утрачены [6: 88–89]. В дальнейшем эта закономерность была под-

тверждена и для ливвиковского Приладжья и Сямозерья, и для русских Заонежья и Пудожья.

Доказано [6], что использование алгоритма *-l* → *-ицы/-ичи* связано с аналогичной функцией древнерусского *-ицы/-ичи* и вепсского *-l*: образование ойконима от антропонимической основы: вепс. *Karhil* ‘место (жительства) Кархи’ → *Каргиничи* ‘деревня, в которой проживает Кархи’; ливв. *Valoil* ‘место (жительства) (рода, семьи) Valoi’ → *Валовичи, Törhöl* ‘место (жительства) Törhö’ → *Тергелицы*.

Помимо территориальных границ формант *-ичи/-ицы* в роли адаптера оригинальной *-l*-овой модели имел, как оказалось, и хронологические. Об этом свидетельствует ойконимия древнего Олонца и его окрестностей. Привлечение источников разного времени показало, что период второй половины XVII века и начала XVIII века отмечается переходом с ранее бытовавшей модели с формантом *-ицы/-ичи* на передачу ойконимов через воспроизведение карельского народного наименования при помощи прямой адаптации. Например, дер. *Кошкиницы* начинает передаваться как *Гошкила* (ливв. *Noškil*), дер. *Валовичи* преобразуется в *Валойла* (ливв. *Valoilu*) и т. д. [10]. Вероятно, в это время написание ойконимов на официальном уровне начинает опираться на народную карельскую традицию. Исторически период XVII века характеризуется миграцией на территорию Олонецкого погоста приладожских карелов, для которых модель *-la* была обычной, в то время как модель *-ицы/-ичи* незнакомой. Это приводит к постепенному отказу от последней и закреплению оригинальных карельских топонимов в русском бытовании на официальном уровне. Типичная модель интеграции, содержащая ойконимный показатель *-ицы/-ичи*, меняет курс на употребление в наименовании карельского варианта. В дальнейшем модель закрепляется в XVIII–XIX веках в ревизских сказках. За сменой модели стоит, таким образом, изменение этноязыковой ситуации, вызванное мощной карелизацией в связи с притоком карельского населения из Приладжья.

Период конца XVII – начала XVIII века ознаменован еще одной модернизацией в олонечкой ойконимии на *-ичи/-ицы*, закреплённой на официальном уровне. Если прежде карельский *-l*-овый формант замещался русским *-ичи/-ицы*, то те-

перь он остается в составе топонима, а русский формант наращивается к нему: дер. *Рыпушкиницы* становится дер. *Рыпушкалицы*, дер. *Куневичи* – дер. *Кунилицы*. Фактически русский суффикс оформляет исходный карельский топоним (*Riipuškäl* или *Kuunil* + *-ицы*).

Показательно, что такая модернизация произошла только на Олонецкой равнине и не затронула смежную территорию Приволжья или Заонежье. Совершенно очевидно, что и за этим процессом стоит мощный приток карельского населения из Северного Приладжья, переведший в другую плоскость взаимоотношения карельского и русского формантов: из замещения в соположение. В это время значительно усиливаются позиции *-l*-овой топонимии, формант начинает осознаваться как часть основы и становится обязательным атрибутом официальной русской ойконимии.

ВЫВОДЫ

Прибалтийско-финская ойконимная модель *-la* (антропоним + суффикс *-la*) представлена широким рядом примеров в ливвиковской Карелии. Для ее передачи на русский язык используются две стратегии: так называемая прямая адаптация (*Teroilu* → *Теройла*) и суффиксация. Анализ исторических источников показал, что в этой функции в разное время были востребованы три русских суффикса: *-ицы/-ичи* (*Нурмалицы, Таралицы, Вончилицы*) и значительно более редкие *-ово/-ево* (*Ойнасово – Oinahal, Путилово – Puutilil*) и *-ская* (*Вангиманская – совр. Вангимала, Кожинская – Кожсала*). Из них суффикс *-ская* уже в XVII веке вышел из бытования, уступив место двум предыдущим. Прямая адаптация становится актуальной лишь с XVII века, когда в Олонецкую округу приходят многочисленные карелы-переселенцы из Северного Приладжья, где ойконимы *-l*-ового типа были обычны. Это приводит не только к закреплению его в официальной практике, но и к тому, что многие из ойконимов перешли из более ранних суффиксальных адаптационных моделей в модель прямой адаптации. К XIX веку последняя становится основной. Современная ситуация складывается в целом к началу XX века. Более поздние изменения касаются в основном выхода топонимов из употребления в связи с утратой названных ими поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.

² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ., ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.

³ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

- ⁴ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец, Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л. Подл.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 1707 г. 550 л. Подлинник.
- ⁶ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.
- ⁷ План Генерального Межевания Олонецкого уезда Олонецкой губернии 1802 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-oloneckogo-uezda (дата обращения 24.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А. Карельская ойконимия -l-ового типа в контексте историко-культурной истории Сямозерья // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2018. Т. 12, № 2. С. 6–18.
2. Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
3. Захарова Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 34–49.
4. Кузьмин Д. В. История освоения карельского Поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. № 3. С. 179–194.
5. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // *Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси*. Киев, 1980. С. 45–72.
6. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
7. Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // *Деревня Юккогуба и ее округа*. [Редкол.: В. П. Орфинский (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2001. С. 13–35.
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
9. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022. № 4. С. 567–577.
10. Муллонен И. И. Топонимический метод в исследовании этноязыковой ситуации в Олонецкой Карелии // *Сучасныя праблемы анамастыкі*. Минск, 2022. С. 214–219.
11. Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 264–282.
12. Никонов В. А. География русских суффиксов // *Onomastica*, IX. Krakow, 1959. С. 26–48.
13. Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // *Историческая география*. М., 1960. С. 172–194.
14. Nakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 527 s.
15. Nissilä V. Suomalaista nimistötutkimusta // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimitteita*. 1962. Vol. 272. P. 91–92.

Поступила в редакцию 22.01.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Pavel A. Horohorin, Junior Researcher, Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
pavel.horohorin@yandex.ru

MODELS OF INTEGRATING KARELIAN -L-TYPE OIKONYMY INTO THE OFFICIAL RUSSIAN TOPOSYSTEM

Abstract. The article aims to identify ways for integrating Karelian -l-type oikonymy into official usage in the Russian language during the XVI–XX centuries. It is shown that this oikonymy played an extremely important role in the naming system for Livvi-Karelian settlements, with the suffix *-la* (*-lu*, *-l*) with locative semantics consistently forming the topological bases expressed by the anthroponym. The source of the material for the analysis of integration models was the manuscript of the dictionary titled *Livvi-Karelian Villages from A to Ä: Dictionary of the Names of Populated Places* prepared at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, which includes both modern and historical oikonymy of the area of residence of Karelian Livviks in the territory of South Karelia. The analysis revealed two integration strategies: direct adaptation and suffixation. It has been established that since the XVI century (in fact, apparently before, but the lack of early documents does not allow us to state this unequivocally) three formants were used: *-itsy/-ichi* (*Kunil* → *Kunevichi*), *-skaya*

(*Vanhimal* → *Vangimanskaya*) and *-ovo/-evo* (*On'kul* → *Onkovo*). The model of direct adaptation (*Riiškal* → *Rishkala*) appeared in documents in the XVII century and gradually took a leading position. Based on the previous studies, it is stated that the change in priorities was caused by a change in the ethnolanguage situation caused by strong Karelianization due to the influx of Karelian population from the Ladoga region. This conclusion is confirmed by another modernization process: the *-itsy/-ichi* model is transformed into the *-litsy/-lichi* model, (*Kunevichi* → *Kunilitsy* from Livv. *Kuunil*), i. e. the Karelian formant is not replaced by the Russian one, but is recognized as part of the stem. Direct adaptation prevails in the modern system.

Key words: Karelian toponymy, oikonyms, integration models, formant, adaptation, official toponymy

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to his scientific supervisor Irma I. Mullonen for her valuable advice and recommendations given in the process of writing the article.

For citation: Horohorin, P. A. Models of integrating Karelian *-l*-type oikonymy into the official Russian toposystem. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1058

REFERENCES

1. Afanasyeva, A. A. Karelian oikonymy of the *l*-type in the context of the historical and cultural history of the Syamozero region. *Yearbook of Finno-Ugric studies*. Izhevsk, 2018. Vol. 12, No 2. P. 6–18. (In Russ.)
2. Vasilyev, V. L. Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land. Moscow, 2012. 816 p. (In Russ.)
3. Zakharova, E. V. On some oikonymic models of the Eastern Lake Onega region. *Problems of Onomastics*. 2014;1(16):34–49. (In Russ.)
4. Kuzmin, D. V. On the historical settlement of the Karelian Littoral of the White Sea (based on linguistic data). *Linguistica Uralica*. 2016;3:179–194. (In Russ.)
5. Kupchinsky, O. A. Ancient Slavic toponymic types and some issues of settlement of the Eastern Slavs. *Slavic antiquities: Ethnogenesis, material culture of Ancient Russia*. Kiev, 1980. P. 45–72. (In Russ.)
6. Mullonen, I. I. Essays of Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. The history of the Segozero region in geographical names. *The village of Yukkoguba and its districts*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 2001. P. 13–35. (In Russ.)
8. Mullonen, I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
9. Mullonen, I. I. Oikonymic system of South Karelia in its development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;4:567–577. (In Russ.)
10. Mullonen, I. I. Toponymic method in the study of the ethnolanguage situation in Olonets Karelia. *Modern problems of onomastics*. Minsk, 2022. P. 214–219. (In Russ.)
11. Mullonen, I. I. Karelian anthroponymic heritage in Russian Zaonezhye. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2023;25(4):264–282. (In Russ.)
12. Nikonov, V. A. Geography of Russian suffixes. *Onomastica*, IX. Krakow, 1959. P. 26–48. (In Russ.)
13. Nikonov, V. A. The history of the development of the Middle Volga region based on toponymy materials. *Historical geography*. Moscow, 1960. P. 172–194. (In Russ.)
14. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 527 s.
15. Nissilä, V. Suomalaista nimistö tutkimusta. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimitteita*. 1962;272:91–92.

Received: 22 January 2024; accepted: 15 May 2024

ВИКТОРИЯ ГЕОРГИЕВНА УРУМИДУ

кандидат филологических наук, преподаватель отделения русского языка и литературы и славистики
Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
(Афины, Греция)
ORCID 0009-0001-5485-0727; viktoria.ouroumidou@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ / ГРЕЧЕСКО-РУССКИХ СЛОВАРЕЙ ОНЛАЙН-ФОРМАТА

А н н о т а ц и я . Анализируются русско-греческие / греческо-русские словарные ресурсы с точки зрения их представления и функционирования в современной цифровой среде. Актуальность исследования обусловлена цифровизацией образовательных и словарных ресурсов, а также появлением новых технологий в лексикографическом пространстве. Исследование базируется на анализе 19 интернет-ресурсов, содержащих словарную информацию. Проведенный анализ теоретических источников и фактического материала свидетельствует о том, что интеграция традиционных лексикографических методов с новыми технологиями может значительно улучшить эффективность и доступность этих ресурсов. Результаты показывают, что многие онлайн-словари нуждаются в модернизации, особенно с точки зрения интерактивности и интеграции с новыми технологиями. Эти выводы могут служить основой для разработки словарных ресурсов, соответствующих современным требованиям в области лексикографии и образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : двуязычные словари, онлайн-словари, лексикография, русско-греческие словари, греческо-русские словари

Д л я ц и т и р о в а н и я : Урумиду В. Г. Исследование двуязычных русско-греческих / греческо-русских словарей онлайн-формата // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 62–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1059

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху цифровизации, когда интернет становится основным средством доступа к информации, возникла потребность адаптировать традиционные бумажные словари к новым электронным форматам. В современной лексикографии под понятием «словари в интернете» мы понимаем онлайн-словари и онлайн-переводчики, часто обозначаемые как электронные словари.

Современные онлайн-словари повторяют структуру и функции традиционных печатных аналогов, предоставляя пользователям комплексную информацию о словах, зачастую включая их значения, семантические характеристики, грамматические особенности, происхождение и др.¹ При этом онлайн-словари представляют собой усовершенствованные инструменты, обогащенные новыми функциональными возможностями и адаптированные к потребностям современных пользователей.

Именно интернет-лексикография, как специализированное направление / отрасль лексико-

графии, занимается разработкой и созданием лексикографических ресурсов, продуктов, проектов, инструментов, сервисов и др. Она не просто переносит и адаптирует традиционные формы в цифровое пространство. Она расширяет границы, предлагая новые форматы для изучения и понимания языка. Благодаря цифровым инструментам изучение языка становится более удобным, эффективным и увлекательным для пользователей [3: 188]. В интернет-лексикографии особое внимание уделяется двуязычным словарям, создание которых происходит в рамках различных лексикографических проектов. Из множества языковых комбинаций в нашей статье будет предложен обзор и анализ онлайн-ресурсов, содержащих русско-греческие и греческо-русские словари. Исследование такой языковой пары словарей в интернет-пространстве ограничивается онлайн-ресурсами и не касается мобильных приложений и компьютерных программ. При этом рассматривается интеграция этих словарей с другими сервисами: чат-ботами в мессенджерах Telegram и чат-ботом GPT.

Исследование выполнено на материале 19 интернет-ресурсов при запросах в поисковых системах Google, Yandex и Safari, сформулированных следующим образом: «русско-греческий словарь», «русско-греческий словарь онлайн», «греческо-русский словарь», «греческо-русский словарь онлайн», «ρωσο-ελληνικό λεξικό», «ρωσο-ελληνικό διαδίκτυακό λεξικό», «ελληνο-ρωσικό λεξικό», «ελληνο-ρωσικό διαδίκτυακό λεξικό».

В процессе исследования электронных ресурсов учитывались такие лексикографические критерии и технологические параметры, как: общие данные (онлайн-словарь / обширный словарный агрегатор, дата создания / обновления, составители, участие лексикографов в создании контента и др.); макро- и микроструктура, мультимедийный контент, гипертекстуальность и интерактивность [4], [7: 84].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русско-греческие и греческо-русские словари в интернете представлены:

1. Сайтами, содержащими оцифрованные словари формата PDF или DJVU, доступные к скачиванию.

На сайте <http://langdocs.su>, где представлена учебная литература, по ссылке <http://langdocs.su/uploads/files/greek/books/Русско-греческий%20тематический%20словарь%20-%202010.pdf> предложен и размещен в формате PDF «Русско-греческий тематический словарь»², который содержит более 9000 наиболее употребительных слов, организованных по тематическому принципу. Доступ к оцифрованным версиям старых или редко встречающихся словарей, которые трудно найти в печатном виде, также предоставляют некоторые библиотечные ресурсы в сети Интернет (напр., «Русско-греческий словарь»³, составленный Иваном Синайским (1869) (<https://www.prlib.ru/item/678051>), «Греческо-русский словарь»⁴, составленный А. Д. Вейсманом (1899) и «Новогреческо-русский словарь: около 67 000 слов»⁵ И. П. Хорикова, М. Г. Малева (1993) (<https://ru.scribd.com>)).

Оцифрованные форматы, такие как PDF или DJVU, позволяют сохранять первоначальное форматирование и верстку документа. Преимуществом таких словарей можно считать возможность их использования в офлайн-формате на различных устройствах.

2. Сайтами, посвященными изучению греческого языка, которые содержат словарный веб-контент без указаний на его лексикографические источники (напр., <http://greeklang.ru>⁶, <https://www.greeklanguage.ru>⁷ и <https://ellinika.gnu.org.ua/ru/intro.html>⁸ (греческо-русский)).

Общим параметром для этих трех онлайн-словарей можно считать отсутствие информации о составителях и использованных источниках.

В этой связи отметим, что словарный веб-контент, лишенный указаний на его происхождение и составителей, может предоставлять неточную, неполную и непроверенную информацию. Поэтому, вопреки филологическому контенту данных сайтов, они менее авторитетны для академической сферы и образовательного процесса.

Заслуживает внимания ресурс <https://www.greeklanguage.ru>, располагающий ссылкой на дубликат словарной базы этого сайта, функционирующей в мессенджере Telegram в формате чат-бота. Данный чат-бот действует на базе программного алгоритма, который мгновенно отвечает на конкретные запросы пользователей, моментально предоставляя значения на русском и греческом языках.

Интеграция электронного словаря в чат-бот Telegram имеет преимущества и недостатки. Среди преимуществ важно подчеркнуть доступный и удобный функционал, а среди недостатков нельзя не упомянуть возможные ограничения содержания и проблему авторских прав.

3. Обширными словарными агрегаторами:

а) выдающими по запросу множество словарных статей из разных словарей русско-греческой параллели в зависимости от исходного запроса или предлагающими читателю самому найти нужную оцифрованную статью в их алфавитном списке (напр., <https://910.slovaronline.com>⁹, <https://academic.ru>¹⁰, <https://dicipedia.com>¹¹, <http://www.вокабула.рф>¹², <https://classes.ru>¹³, <https://dict.com>¹⁴). Большинство этих ресурсов широко известны. Они содержат полностью или частично повторяющийся набор оцифрованных версий таких печатных словарей, как: 1) Русско-греческий словарь (2013); 2) Русско-греческий словарь научных и технических терминов (Кефалиду-Павли Мария, 2009); 3) Русско-новогреческий словарь: около 40000 слов / А. А. Иоаннидис; Под ред. Т. Пападопулоса и Д. Спатиса. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983; 4) Русско-греческий новый словарь (2014); 5) Большой русско-греческий словарь / Под ред. К. Логофетиса (1987).

Эти сайты являются анонимными, переполнены рекламой, даты издания словарей на них обычно не указываются. Отсутствуют важные особенности электронных словарей, такие как взаимодействие с пользователями, мультимедийный контент, система гиперссылок доступна

не на всех сайтах-агрегаторах. Важно отметить, что с ростом числа словарей на подобных платформах обостряется проблема нарушения авторских прав;

б) переводными онлайн-словарями, в которых размещен контент двуязычных словарей, в том числе русско-греческой языковой пары, и которые выдают по запросу перевод слова, сопровождаемый грамматической информацией, произношением и т. д. (напр., <https://ru.glosbe.com>¹⁵ и <https://www.lingvolive.com/en-us>¹⁶). Следует отметить, что последний ресурс является единственным онлайн-словарем, который указывает целевую аудиторию, а именно уровень пользователя (в данном случае – начальный).

4. Сайтами, предлагающими словарный веб-контент с указанием на источники или веб-контент, созданный лингвистами.

Отметим прежде всего сайт греческо-русского и русско-греческого словаря (<https://greekdictionary.ru>¹⁷), разработанный на основе авторитетных лексикографических работ, включая «Новогреческо-русский словарь» И. П. Хорикова и М. Г. Малева, «Греческо-русский словарь» А. В. Сальновой, «Новогреческо-русский церковный словарь» А. А. Назаренко. В словаре представлено более 70 000 словарных статей. Информация о склонениях и спряжениях слов заимствована из ресурсов Викисловарь, Neurolingo и Lexigram. Произношение слов заимствовано с сайта Forvo. Также отметим греческо-русский онлайн-словарь, созданный и разработанный Институтом обработки языка *Ινστιτούτο Ελεξερυσίας του Λόγου* (ΙΕΛ) (http://www.xanthi.ilsp.gr/dictionaries/russian_new.asp¹⁸). Здесь представлены правила работы со словарем и указано, что словари находятся в процессе постоянного развития и пополнения. Следует особо подчеркнуть удобную для пользователя, обусловленную электронной формой функциональность в области поиска и структуризации словарной информации.

5. Викисловарь (<https://www.wiktionary.org>¹⁹).

В последние годы Викисловарь задает ориентиры в мире интернет-лексикографии, отличается своей многофункциональностью и предоставляет удобные инструменты для поиска, просмотра словарных статей и перехода между ними благодаря гиперссылкам (Категория: Греческий язык и *Κατηγορία: Ρωσική γλώσσα*). Как известно, пользователи имеют возможность обогащать ресурс новыми данными и корректировать существующую информацию, что делает

Викисловарь постоянно обновляемым и актуальным ресурсом в области лексикографии [5].

Относительно словарных статей русско-греческой пары следует указать, что не каждая лемма в русских и греческих словарях сопровождается переводом и приводимой при нем информацией. Несмотря на стандартизацию представления данных о слове, содержание словарных статей отличается разнообразием. Это, вероятно, обусловлено техническими аспектами, такими как организация и интеграция словарной информации в Викисловарь.

Отдельного внимания заслуживает использование языковых моделей на базе искусственного интеллекта, таких как ChatGPT (<https://openai.com/blog/chatgpt>²⁰). Эти системы работают в диалоговом режиме и обладают потенциалом адаптации своих ответов в зависимости от контекста. Более того, они учитывают стилистику, культурные особенности и другие нюансы языковой коммуникации. Для пользователя это означает мгновенные ответы на его запросы о переводе или значении. ChatGPT базируется на огромных объемах данных, извлеченных из реальных текстов, и его возможности постоянно расширяются: интеграция графики и звука для более наглядного и интерактивного ответа, интеграция с другими сервисами, приложениями, веб-сайтами, адаптация ответов в соответствии с культурными особенностями и др.

Однако, несмотря на все технологические новшества, следует понимать, что системы на базе искусственного интеллекта на данном этапе дополняют, но не заменяют традиционные словари, которые создаются профессиональными лексикографами и филологами, обладающими глубоким пониманием языковых структур и культурных нюансов. С одной стороны, в будущем комбинирование возможностей традиционной лексикографии с новейшими технологиями, такими как GPT-чат, может привести к созданию нового поколения словарных ресурсов. С другой стороны, инструменты, основанные на искусственном интеллекте, могут заменить работу лексикографов по ряду причин.

Следует отметить, что в образовательном процессе такие онлайн-ресурсы, как Викисловарь и ChatGPT, содержащие словарную информацию, могли бы служить

«дидактическим целям – выработке у учащихся навыка критического отношения к источнику информации, которое является основой филологического и вообще гуманитарного знания, а сегодня приобретает и более ши-

рокое значение ввиду распространенной практики безответственного усвоения сведений из Сети» [6: 196].

Анализ и обсуждение онлайн-словарей и электронных языковых ресурсов в целом должны занимать особое место в образовательном процессе. Такой подход помогает развивать языковую осведомленность, сознательное отношение к изучению языка, а также критическое мышление в отношении медийной грамотности [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках лексикографических проектов создания онлайн-словарей для русско-греческой языковой пары можно отметить некоторые новые тенденции: использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, интерактивность, возможность обновления словарного материала, интеграцию с другими ресурсами и сервисами и др. При этом наблюдается тенденция к сокращению числа онлайн-словарей исследуемой языковой пары вследствие универсализации лексикографических ресурсов и интеграции в другие системы. Сайты, предлагающие рус-

ско-греческий и греческо-русский словарный веб-контент, перестают обновляться, утрачивают актуальность, в то время как на обширных словарных платформах дублируются существующие печатные издания. К тому же тенденции, отражающие современные подходы и технологические возможности, такие как Викисловарь и GPT-чат, демонстрируют значительные преимущества, одновременно делая многие другие онлайн-словари и словарные ресурсы менее актуальными.

Будущее двуязычных словарей русско-греческой языковой пары видится направленным на интеграцию традиционных лексикографических процессов с современными технологиями. Такой подход не только сохранит ценность лексикографических исследований, но и расширит их возможности с помощью новых инструментов для обработки и представления словарных данных. Особенно важно это для русско-греческой языковой пары, где каждый язык обладает уникальными культурными и историческими аспектами, требующими детального и точного отображения в словарях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Берков В. П. Двуязычная лексикография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 236 с.
- ² Русско-греческий тематический словарь. 9000 слов. М.: T&PBooks Publishing, 2010. 384 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://langdocs.su/uploads/files/greek/books/Русско-греческий%20тематический%20словарь%20-%202010.pdf> (дата обращения 20.09.2023).
- ³ Русско-греческий словарь, составленный Иваном Синайским. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1869. 730 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/678051> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁴ Греческо-русский словарь / Сост. А. Д. Вейсман; Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. Репринт V-го изд. 1899 г. М., 1991. 691 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.scribd.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁵ Новогреческо-русский словарь: Ок. 67000 слов / И. П. Хориков, М. Г. Малев; Под ред. П. Пердикиса, Т. Пападопулоса. М.: Культура и традиции, 1993. 853 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.scribd.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁶ Греческо-русский / русско-греческий онлайн словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://greeklang.ru> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁷ Большой греческо-русский / русско-греческий словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.greeklanguage.ru> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁸ Справочник по новогреческому языку и греческо-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ellinika.gnu.org.ua/ru/intro.html> (дата обращения 15.09.2023).
- ⁹ Словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://910.slovaronline.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁰ Словари и энциклопедии на Академике. Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://academic.ru> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹¹ Dicipedia. Иностранные языки для всех. Словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https:// dicipedia.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹² Вокабула. Энциклопедии, словари, справочники – онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.вокабула.рф> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹³ Classes.ru. Иностранные языки для всех. Словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://classes.ru> (дата обращения 15.09.2023).

- ¹⁴ Dict словари онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dict.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁵ Платформа Glosbe (большой коллективный словарь) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.glosbe.com> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁶ Lingvo Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lingvolive.com/en-us> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁷ Греческо-русский и русско-греческий словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://greekdictionary.ru> (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁸ Институт обработки языка Ινστιτούτο Ελεξεργασίας του Λόγου (ΙΕΛ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xanthi.ilsp.gr/dictionaries/russian_new.asp (дата обращения 15.09.2023).
- ¹⁹ Викисловарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wiktionary.org> (дата обращения 15.09.2023).
- ²⁰ ChatGPT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openai.com/blog/chatgpt> (дата обращения 15.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буренкова С. В. Применение принципов мультимодальности в современной лексикографии // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. Вып. 12. С. 32–48 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.102> (дата обращения 20.09.2023).
2. Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 186–194 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194> (дата обращения 21.09.2023).
3. Чердаков Д. Н. Словари русского языка в интернете // Journal of Applied Linguistics and Lexicography 2020. Vol. 2. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journall.org/index.php/main/article/view/60> (дата обращения 23.09.2023).
4. Meister G. Русский Викисловарь как лексикографический проект // Новая русистика. 2022. № 2. Р. 21–38 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1117271> (дата обращения 20.09.2023).
5. Nied Curcio M. Dictionaries, foreign language learners and teachers. New challenges in the digital era // Dictionaries and society: Proceedings of the XX EURALEX International Congress. Mannheim: IDS-Verlag, 2022. P. 71–84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://euralex.org/publications/dictionaries-foreign-language-learners-and-teachers-new-challenges-in-the-digital-era/> (дата обращения 20.09.2023).
6. Ανδρουλιδάκης Γ. Η διγλωσση και πολύγλωσση λεξικογραφία γύρω από το ζεύγος της νέας ελληνικής και της γερμανικής στο πεδίο των ανθρωπιστικών και κοινωνικών επιστημών, 1847–2014: ιστορική και μεταλεξικογραφική επισκόπηση των ελληνογερμανικών και γερμανοελληνικών ειδικών έντυπων λεξικών, γλωσσάρων και ηλεκτρονικών λεξικογραφικών εφαρμογών, διδακτορική διατριβή, Αθήνα, Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2016. 444 σελ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://freader.ekt.gr/eadd/index.php?doc=39454&lang=el#p=3> (дата обращения 15.09.2023).
7. Αγγελική Ι. Σακελλαρίου και Αννα Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Κριτήρια παρουσίας και αξιολόγησης διγλωσσών λεξικών // Selected Papers on Theoretical and Applied Linguistics. 2011. Vol. 19. P. 527–537 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ejournals.lib.auth.gr/thal/article/view/5530/5435> (дата обращения 15.09.2023).

Поступила в редакцию 18.12.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Viktoria G. Ouroumidou, Cand. Sc. (Philology), Lecturer,
National and Kapodistrian University of Athens (Athens,
Greece)
ORCID 0009-0001-5485-0727; viktoria.ouroumidou@gmail.com

A STUDY OF RUSSIAN-GREEK AND GREEK-RUSSIAN ONLINE DICTIONARIES

Abstract. The present article focuses on the study of Russian-Greek / Greek-Russian dictionary resources in terms of their representation and functioning in the modern digital environment. The relevance of the study is due to the digitalization of educational and dictionary resources, as well as the emergence of new technologies in the lexicographic space. The study is based on the analysis of 19 Internet resources containing dictionary information. The analysis of theoretical sources and factual material shows that the integration of traditional lexicographic methods with new technologies can significantly improve the efficiency and accessibility of these resources. The results show that many dictionaries need to be modernized, especially in terms of interactivity and integration with new technologies. These findings can serve as a basis for the development of dictionary resources that meet the current requirements in lexicography and education.

Key words: bilingual dictionaries, online dictionaries, lexicography, Russian-Greek dictionaries, Greek-Russian dictionaries

For citation: Ouroumidou, V. G. A study of Russian-Greek and Greek-Russian online dictionaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):62–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1059

REFERENCES

1. Burenkova, S. V. Application of the principles of multimodality in modern lexicography. *German Philology at the St. Petersburg State University*. 2022;12:32–48. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu33.2022.102> (accessed 20.09.2023). (In Russ.)
2. Vorontsova, I. A. Modern practices of English online lexicography. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;1(28):186–194. Available at: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194> (accessed 21.09.2023). (In Russ.)
3. Cherdakov, D. N. Russian dictionaries on the web. *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. 2020;2(2). Available at: <https://journal.org/index.php/main/article/view/60> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)
4. Meister, G. The Russian Wiktionary as a lexicographical project. *New Russian Studies*. 2022;2:21–38. Available at: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1117271> (accessed 20.09.2023). (In Russ.)
5. Nied Curcio, M. Dictionaries, foreign language learners and teachers. New challenges in the digital era. *Dictionaries and society: Proceedings of the XX EURALEX International Congress*. Mannheim, 2022. P. 71–84. Available at: <https://euralex.org/publications/dictionaries-foreign-language-learners-and-teachers-new-challenges-in-the-digital-era/> (accessed 20.09.2023).
6. Ανδρουλιδάκης, Γ. Η δίγλωσση και πολύγλωσση λεξικογραφία γύρω από το ζεύγος της νέας ελληνικής και της γερμανικής στο πεδίο των ανθρωπιστικών και κοινωνικών επιστημών, 1847–2014: ιστορική και μεταλεξικογραφική επισκόπηση των ελληνογερμανικών και γερμανοελληνικών ειδικών έντυπων λεξικών, γλωσσarίων και ηλεκτρονικών λεξικογραφικών εφαρμογών, διδακτορική διατριβή, Αθήνα, Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2016. 444 σελ. Available at: <https://freader.ekt.gr/eadd/index.php?doc=39454&lang=el#p=3> (accessed 15.09.2023).
7. Αγγελική, Ι. Σακελλαρίου και Άννα Αναστασιάδη-Συμεωνίδη, Κριτήρια παρουσίασης και αξιολόγησης δίγλωσσων λεξικών. *Selected Papers on Theoretical and Applied Linguistics*. 2011;19:527–537. Available at: <https://ejournals.lib.auth.gr/thal/article/view/5530/5435> (accessed 15.09.2023).

Received: 18 December 2023; accepted: 15 May 2024

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА ВОЛКОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0119-5343; volkovatf777@gmail.com

АННА АНДРЕЕВНА КРЮКОВА

аспирант Института гуманитарных наук
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-3611-0389; not.ahmatova@gmail.com

**ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ В СОСТАВЕ
ПЕЧОРСКИХ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ**

А н н о т а ц и я . Представлен обзор эсхатологических сочинений, бытовавших в среде печорских старообрядцев, приведены основные результаты исследования этих произведений сыктывкарскими филологами. Печорские крестьяне активно читали и переписывали средневековые эсхатологические сочинения: сохранилось большое количество их списков. Этот пласт рукописных текстов еще мало изучен, однако они являются важной частью рукописно-книжной традиции, сформировавшейся на Нижней Печоре в XVIII–XIX веках. Перед авторами статьи стояла задача определить особенности бытования эсхатологических сочинений в старообрядческой среде. Их можно разделить на произведения «большой» и «малой» эсхатологии, но встречаются памятники, соединяющие элементы обоих направлений эсхатологического учения, например «Житие Василия Нового». Большое распространение в старообрядческой среде получили местные переработки и компиляции на тему конца света, посмертной судьбы души. Авторами статьи и другими сыктывкарскими филологами были исследованы печорские списки «Жития Василия Нового», «Видения апостола Павла», «Хождения Агапия в рай», «Сказания о двенадцати снах Шахаиши», проведен их содержательный, композиционный и текстологический анализ, определены особенности печорских списков, установлено, к каким редакциям они восходят, выявлены черты сходства и различия печорских списков между собой. Особое внимание уделено редакторским переработкам изучаемых сочинений, которые были сделаны известным печорским книжником XIX века И. С. Мяндиным: выявлены основные приемы работы книжника над эсхатологическими текстами и степень их переработки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эсхатологические сочинения, печорские рукописные сборники, старообрядческая литература, печорские списки древнерусских сочинений

Д л я ц и т и р о в а н и я : Волкова Т. Ф., Крюкова А. А. Древнерусские эсхатологические сочинения в составе печорских рукописных сборников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 68–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1060

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении нескольких веков на территории Нижней Печоры формировался уникальный фонд различных по жанру и тематике древнерусских сочинений, которые бытовали в составе рукописных сборников. Эти сборники хранились в библиотеках крестьян-старообрядцев, передавались ими из рук в руки, активно читались и переписывались. Особое место в круге чтения печорских старообрядцев занимали эсхатологические сочинения, посвященные вопросам по-

смертной судьбы души и судеб всего человечества, проблемам конца света, Страшного Суда, воздаяния за земные дела в загробном мире.

Авторы статьи в первую очередь стремились выяснить, какие именно эсхатологические произведения получили наибольшее распространение среди печорских крестьян, какие идеи, темы, проблемы их волновали, какие эсхатологические образы их более всего привлекали.

Весь пласт печорских эсхатологических сочинений можно разделить на две большие группы:

произведения «большой» и «малой» эсхатологии. Произведения «большой» эсхатологии рассказывают о конце света и Страшном Суде [16: 3], произведения «малой» эсхатологии описывают путешествия отдельной человеческой души в загробный мир [5: 182]. Однако некоторые сочинения, бытовавшие в среде печорских старообрядцев, соединяют в себе обе стороны эсхатологического учения.

«Большая» эсхатология дошла до нас в большом количестве печорских списков [11], [12] переводных слов, приписываемых отцам церкви: Ипполиту, папе Римскому¹, Мефодию Патарскому², Палладию мниху³, Кириллу Александрийскому⁴, Кириллу Иерусалимскому⁵, Ефрему Сирину⁶. Читая и переписывая эти сочинения, печорские крестьяне-старообрядцы получали представление о том, что может их ждать после смерти, составляли для себя полную картину предстоящего конца света и Страшного Суда. К произведениям «большой» эсхатологии также относится переводное апокрифическое сочинение «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши», сохранившееся в семи печорских списках⁷. В нем рассказывается о том, как царь по имени Шахаиши видит символические сны апокалиптического содержания, которые ему растолковывает мудрец Мамер. В «Сказании» затрагиваются вопросы будущего конца света [10]. По форме оно относится к жанру видений.

Зачастую печорские книжники переписывали эсхатологические сочинения не целиком, а выписывали наиболее интересующие их отрывки или создавали компиляции из разных произведений, которые бытовали на Печоре и в составе больших рукописных сборников⁸, и в форме отдельных рукописей⁹. Показательным в этом плане является компилятивное сочинение «Почтение святого Кирилла о первозданном Адаме и о видении апостола Павла о Божии твари и о страхе Божии», входящее в рукописный сборник XVIII–XIX веков из собрания печорского сказителя Г. В. Вокуева [3: 135]. Оно составлено из трех разных произведений: двух слов, вероятно, авторства Кирилла II, епископа Ростовского, и известного переводного апокрифа «Видения апостола Павла», в котором описывается, как апостол возносится на небеса и наблюдает за переходом душ праведников и грешников в загробный мир [18]. Таким образом, в состав данной компиляции входят два произведения «большой» эсхатологии и одно произведение «малой» эсхатологии. «Видение апостола Павла» как отдельное произведение читается в печорском сборнике ИРЛИ, УЦ 36 и в Торжественнике, составленном известным печорским книжником И. С. Мяндиным (НБ СГУ, УЦ р. 46, л. 366–371).

Были популярными в среде печорских старообрядцев и жития, содержащие эсхатологические описания, – Василия Нового [15] и Андрея Юродивого [19], соединявшие в себе агиографическую и апокрифическую традиции. В них описание фактов из жизни святого перемежается с эсхатологическими видениями. При этом в «Житии Василия Нового» первое видение можно отнести к произведениям «малой» эсхатологии, поскольку в нем описывается путешествие в загробный мир отдельной души, а второе – к «большой», поскольку в нем рисуются картины Страшного Суда и конца света [6]. «Житие Василия Нового» сохранилось в трех полнотекстовых списках¹⁰. Оба видения из него встречаются в печорских списках как самостоятельные произведения¹¹. «Житие Андрея Юродивого» сохранилось в четырех печорских списках¹².

Сохранилось в печорских списках и «Хождение Агапия в рай» – один из древнейших славяно-русских апокрифов XII–XIII веков [17], который можно отнести к произведениям «малой» эсхатологии. В нем описывается, как праведник Агапий отправляется в путешествие и попадает в рай. Путешествие совершается им наяву, а сам рай находится на земле [13: 246]. Апокриф читается в составе мяндинского Торжественника (НБ СГУ им. Питирима Сорокина, УЦ р. 46, втор. пол. XIX в., л. 334 об.–341) [1].

Особое место в старообрядческой эсхатологической литературе занимают оригинальные произведения и местные переработки. Так, в сборнике ИРЛИ, УЦ 67 (третьей четв. XIX в.) читаются такие сочинения, как «О пришествии антихриста различные свидетельства», «Слово о антихристе» и «Почтение», которые, вероятно, были составлены уже на старообрядческой почве [11: 116].

Таким образом, эсхатологическая литература, бытовавшая в среде печорских крестьян-старообрядцев, представлена как древнерусскими сочинениями, переписанными и переработанными местными книжниками, так и оригинальными произведениями. Знакомство с эсхатологическими текстами различных жанров способствовало приобщению печорских крестьян к широкому кругу идей и образов средневековой литературы, связанных с темами конца мира и загробного существования отдельной человеческой души. Именно из них печорские книжники черпали эсхатологические идеи и художественные образы для создания собственных компиляций.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЧОРСКИХ СПИСКОВ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Работа по исследованию рукописного наследия печорских старообрядцев активно ведется в Сыктывкарском университете, где в Усть-Цилемском собрании рукописей хранит-

ся и особого состава Торжественник, составленный усть-цилемским книжником Иваном Степановичем Мяндиным (1823–1894). Для исследования также привлечены списки И. С. Мяндина, хранящиеся в Древлехранилище ИРЛИ им. В. И. Малышева. Исследованы были и некоторые рукописи печорского бытования, выявленные в ходе археографических экспедиций Сыктывкарского университета на Нижнюю Печору. Именно об итогах их изучения и пойдет речь в данной статье.

А. А. Крюковой впервые были изучены печорские списки «Жития Василия Нового», описывающего жизнь и чудеса известного константинопольского святого, жившего в X веке. Житие было подробно исследовано С. Г. Вилинским¹³, но списки, найденные на Нижней Печоре, еще не привлекались при изучении истории текста памятника. Как уже упоминалось ранее, в «Житии» факты из жизни святого и его чудеса перемежаются с двумя эсхатологическими видениями [7: 71–72]. В первом рассказывается о восхождении на небеса по лестнице мытарств старицы Феодоры, прислужницы святого Василия, а во втором рисуются картины Второго пришествия Христа и Страшного Суда. Если рассматривать систему эсхатологических образов, создающихся в «Житии», то образы из второго видения, вероятнее всего, восходят к Апокалипсису, главному эсхатологическому сочинению, к которому обращались средневековые авторы. Первое же видение, которое в сборниках также носит название «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», является довольно оригинальным, поскольку описывает восхождение души на небо по лестнице мытарств, особых духовных испытаний. Данный мотив не встречается ни в одном из исследованных нами произведений.

Список «Жития» НБ СГУ им. Питирима Сорокина (далее – НБ СГУ), УЦ р. 33 (нач. XIX в.), как мы установили, восходит ко второй русской редакции¹⁴, поскольку по содержанию и мотивному составу практически не отличается от текста этой редакции, в то время как от текста первой редакции он сильно удален. В нем, как и во второй русской редакции, на первый план выдвигаются эсхатологические видения, а описания чудес святого Василия, исторических событий и топографии Константинополя значительно сокращены, как и во второй редакции, по сравнению с первой. Нами также было установлено, что список НБ СГУ, УЦ р. 33 по содержанию не отличается от списка РНБ Ф. I, 726 XVIII в., опубликованного С. Г. Вилинским в качестве основного списка второй редакции, но текстуально довольно сильно расходится с ним:

в данных списках не совпадает большое количество слов, словосочетаний и даже предложений. При этом мы обнаружили большое текстуальное сходство списка НБ СГУ, УЦ р. 33 с печатным изданием «Жития Василия Нового» 1794 года, сделанным в Почаеве (РНБ С. II, 8, № 36). Вероятно, данный печорский список восходит через посредство каких-то не дошедших до нас списков именно к списку, лежащему в основе этого издания, однако в НБ СГУ, УЦ р. 33 встречаются чтения, привнесенные, по-видимому, списками, предшествовавшими созданию НБ СГУ, УЦ р. 33, которые сближают УЦ р. 33 с другими вариантами второй русской редакции.

В ходе анализа «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам» нами было установлено, что во всех полнотекстовых списках «Жития» НБ СГУ, УЦ р. 33, ИРЛИ, УЦ 180 (нач. XIX в.) и УЦ н. 65 (нач. XIX в.) текст «Хождения» полностью совпадает по содержанию и мотивному составу и отличается только незначительными текстуальными различиями. В связи с этим, а также с тем, что эсхатологические видения в «Житии Василия Нового» являются композиционными и содержательными центрами, мы можем спроецировать некоторые закономерности, обнаруженные нами при изучении «Хождения Феодоры», на весь текст списков ИРЛИ, УЦ 180 и УЦ н. 65. Поскольку текст «Хождения» во всех трех списках практически идентичен, мы можем предположить, что списки УЦ 180 и УЦ н. 65, как и список НБ СГУ, УЦ р. 33, восходят ко второй русской редакции. Однако на основании исследования «Хождения Феодоры» мы установили, что списки УЦ 180 и УЦ н. 65 более близки текстуально друг другу, а список НБ СГУ, УЦ р. 33 отличается от них, из чего следует, что списки УЦ 180 и УЦ н. 65, вероятно, восходят к одному протографу, а НБ СГУ, УЦ р. 33 – к другому. И если протограф НБ СГУ, УЦ р. 33 близок Почаевскому изданию «Жития» 1794 года, то протограф УЦ 180 и УЦ н. 65 текстуально близок другому варианту второй русской редакции – РГБ, № 1782, XVII в. Однако ни один из печорских списков не совпадает полностью с опубликованными вариантами второй русской редакции, что свидетельствует о том, что ни один из вариантов не является непосредственным протографом для печорских списков «Жития».

«Хождения Феодоры», читающееся в сборнике ИРЛИ, УЦ 22 (кон. XIX в.), принадлежит руке известного печорского книжника И. С. Мяндина. Этот список значительно отличается от других. Из 196 мотивов, которые мы выделили в составе «Хождения Феодоры», в нем читается всего 37. В списке прослеживается активное использо-

вание Мяндиным приема сокращения текста, причем сокращаются не только целые мотивы и мотивные блоки, но и отдельные фразы в сохранных фрагментах. Кроме того, в списке УЦ 22 нами были обнаружены композиционные перестановки. Исследование показало, что изменения были сделаны печорским книжником целенаправленно. Это позволяет говорить об особой, мяндинской, редакции «Хождения Феодоры». Список И. С. Мяндина был нами опубликован [9].

Несмотря на большие сокращения, сделанные Мяндиным, в сохранившихся фрагментах УЦ 22 наблюдаются текстуальные совпадения со списком НБ СГУ, УЦ р. 33. Однако в некоторых случаях в списке Мяндина обнаруживаются чтения, общие со списками ИРЛИ, УЦ н. 65 и УЦ 180, хотя их гораздо меньше. Возможно, источником для Мяндина послужил список, пока еще не выявленный, который соединял чтения всей группы печорских списков. В дальнейшем мы планируем привлечь к исследованию и другие печорские списки видений из «Жития Василия Нового»: ИРЛИ, УЦ 11 (кон. XVII в.), УЦ 179 (тр. четв. XVIII в.) и УЦ 61 (первая пол. XIX в.).

Мы также начали исследование «Слова Мефодия Патарского» по печорским спискам, в ходе которого опирались на монографию В. М. Истрина¹⁵. В ней приведено подробное текстологическое исследование всех редакций и переводов памятника, а также затронуты вопросы времени и места его создания, атрибуции и источников. Так, исследователь предположил, что первую, историческую часть, где изложены события шести веков, и сказание о «последнем царе» редактор «Слова» взял из своих источников, а вот описание похода измаильтян, вероятно, составлено им самим. Таким образом, редактор объединил то, что нашел в других источниках, и создал свою версию господства и гибели измаильтян. Однако, говоря об источниках различных частей «Слова Мефодия Патарского», В. М. Истрин не систематизирует встречающиеся в произведении эсхатологические образы, не определяет их источники, в частности, не указывает те из них, которые восходят к Апокалипсису Иоанна Богослова, основному эсхатологическому сочинению, на которое опирались многие средневековые авторы.

На начальном этапе работы в тексте «Слова» нами были выделены использованные в нем эсхатологические образы и установлено, какие из них восходят к Апокалипсису. Исследование показало, что в «Слове» система эсхатологических образов еще не совсем сложилась. Автор больше сосредоточен на исторических событиях, чем на эсхатологической символике. Большая часть использованных в «Слове Мефодия Па-

тарского» эсхатологических образов восходит к Апокалипсису (например, образы антихриста, Гога и Магога, землетрясения, трубящих ангелов и др.), но они весьма сильно переработаны, что может отражать как работу автора «Слова», так и процесс постепенного преобразования сложных символических образов Апокалипсиса в ходе рукописного бытия произведения в более простые и понятные. Встречаются в «Слове» и оригинальные эсхатологические образы, отсутствующие в Апокалипсисе, которые введены или создателем «Слова», или позаимствованы им и переписчиками памятника из других эсхатологических сочинений.

Стали предметом нашего исследования и печорские списки другого известного эсхатологического произведения – «Видения апостола Павла», которое читается в сборнике ИРЛИ, УЦ 36 (XVIII в.), в Торжественнике Мяндина (НБ СГУ им. Питирима Сорокина, УЦ р. 46, втор. пол. XIX в.) и в составе компилятивного сочинения из сборника XVIII–XIX веков, хранящегося в семье устьцилемов Вокуевых. Этот сборник полностью состоит из эсхатологических сочинений. Наибольшую значимость в контексте нашего исследования представляет «Почтение святого Кирилла о первозданном Адаме и о видении апостола Павла о Божии твари и о страхе Божии», читающееся в начале сборника. Помимо него рукопись включает в себя «Слово святого Ефрема о втором пришествии Христове и о воздаянии суда» и «Слово блаженного Ипполита Папы Римского и мученика в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа». Первоначальные наблюдения над их текстом были сделаны Т. Ф. Волковой на основе дипломных исследований ее учеников [2].

Т. Ф. Волковой и Ю. Н. Ильиной были установлены источники каждой из трех частей «Почтения», выявлено, насколько каждая часть удалена по содержанию от более ранних списков-источников. Изучение содержания «Почтения» показало, что все три части обнаруживают внутреннее единство и создают целостную картину духовной жизни человека, его прегрешений, посмертной судьбы отдельного человека и судьбы всего человечества. На основании анализа фабулы и мотивного состава исследователями также было установлено, что текст «Видения апостола Павла» из вокуевского сборника восходит к первой краткой редакции памятника, поскольку на уровне фабулы «Видение» совпадает именно с этой редакцией, содержит характерные для нее мотивы: жалобы природных сил на людей, рассуждение апостола Павла о необходимости покаяния, изображение того, как каждое

утро ангелы являются к Господу с донесениями о деяниях праведников и грешников, обращение к читателям с призывом не огорчать ангела-хранителя и молиться. К той же редакции относится и текст «Видения», читающийся как самостоятельное произведение в составе сборника последней четверти XVIII в. ИРЛИ, УЦ 36 [3: 140–141].

В центре нашего внимания оказался и список «Видения апостола Павла» из Торжественника, составленного И. С. Мяндиным, в котором читаются традиционные для Торжественников слова, посвященные церковным праздникам, и жития святых [20], а также введенные Мяндиным его переделки древнерусских апокрифов и повестей. Мы сопоставили мяндинский список «Видения» с упомянутыми ранее печорскими списками и установили, что по содержанию и композиции он значительно отличается от них и, скорее всего, восходит ко второй краткой редакции памятника, а не к первой, к которой относятся другие печорские списки. Об этом свидетельствует содержание мяндинского списка, в нем читаются эпизоды, характерные именно для второй краткой редакции: описание донесения ангелов Господу о деяниях своих подопечных, наблюдение апостолом Павлом за вознесением душ праведников и грешников на небеса, рассказ об отлучении души от тела, рассуждение апостола Павла о греховности всех, кроме Бога, о несопоставимости краткого греховного наслаждения в земной жизни и тех мук, которые последуют за ним, о справедливости Бога, не щадящего согрешивших, о возможности достичь спасения, искупить свои грехи молитвами, обращением к Богу, заботами о своей душе [3: 142]. Отсюда следует, что при составлении своей версии «Видения» И. С. Мяндин вряд ли использовал какой-то из указанных печорских списков или другой текст первой краткой редакции. Этот вывод подтверждается также наличием большого количества текстуальных отличий мяндинского списка от списков первой редакции. Во всех трех печорских списках – ИРЛИ, УЦ 36, списке Мяндина и списке из вокуевского сборника – совпадают только отдельные фразы и слова, при этом список из мяндинского Торжественника обнаруживает бóльшую близость к списку УЦ 36, чем к вокуевскому. На основе сделанных наблюдений мы можем предположить, что список Мяндина и список УЦ 36 через посредство ряда промежуточных списков восходят к тексту краткой редакции памятника на той стадии ее формирования, когда еще не произошло разделение текста произведения на первую и вторую краткие редакции, а список из Вокуевского сборника восходит к другой ветви списков краткой редакции. Более точно воссоздать картину развития текста «Видения апостола Павла»

позволит дальнейшее текстологическое изучение списков обеих кратких редакций.

В составе мяндинского Торжественника, как было упомянуто выше, читается и список апокрифа «Хождение Агапия в рай». Он был исследован Т. Ф. Волковой [1]. Сопоставление мяндинского списка с более ранними списками «Хождения» из Успенского сборника¹⁶ и из сборника ИРЛИ, собр. Перетца, № 500¹⁷ показало, что общая фабула повествования и событийная канва в нем не сильно отличаются от ранних списков, но по набору мотивов список Мяндина более близок списку из собрания Перетца. В них обоих читается дополнение, отсутствующее в списке из Успенского сборника, о том, что Агапий в монастыре построил церковь Всемилоствивому Спасу, а также опущен ряд мотивов, входящих в фабулу апокрифа по Успенскому списку: отсутствуют диалог Агапия с отроком, намекающим ему, что он на самом деле является Господом; описание деревьев, растений и птиц в раю; объяснение Господом Агапию, что это он являлся ему в образе отрока и орла и именно его голос слышал Агапий в начале своего путешествия.

В то же время в списке Мяндина был выявлен ряд отличий от более ранних списков, которые указывают на проведенную книжником редакторскую обработку текста. Так, например, И. С. Мяндин меняет заголовок произведения и делает акцент на том, что Агапий путешествовал в рай «во плоти»: «Повѣсть о святѣм отцѣ Агапѣ, како его Господь ввѣде в рай во плоти». В мяндинском списке также отсутствует сюжетобразующий для основной редакции апокрифа вопрос, мучивший героя: почему люди следуют за Господом, оставив своих близких? Вероятно, это сокращение было сделано механически, поскольку в дальнейшем наличие некой просьбы к Господу угадывается, однако в результате этого сокращения «Хождение» у Мяндина приобретает провиденциальное звучание: Агапий отправляется в рай не с целью получения ответов на свои вопросы, а по промыслу Господа.

Помимо сокращений И. С. Мяндин вносит ряд дополнений в текст «Хождения». Например, развешивает упоминание о рае и аде:

«Здѣ бо два мѣста: едино, одесную, – свѣтъ неизреченный и рай божий, мзда праведным; а другое, ошую, – ад и мука вѣчная и гроза неисповѣдимая, уготованная дяволу и грѣшником, подобным ему, тамо бо студ и огонь страшный немилостивым и сквернителем» (л. 337 об.).

В Успенском сборнике рай только упоминается и представляется как чудесный город, а ад вообще не называется; в списке из собрания Перетца появляется упоминание об аде, но краткое. В рассказ о рае перед описанием образа

Спаса Мяндин вводит описание Божьего престола, близкое к тексту Апокалипсиса (Откр. 4:2–3), добавляет слова пророка Ильи, обращенные к Агапию перед тем, как он должен был покинуть пределы рая, которые отсутствуют в ранних списках.

Таким образом, в тексте апокрифа наблюдается проведенная печорским книжником стилистическая обработка, которая в некоторых случаях привела к смещению акцентов повествования, что позволяет рассматривать список Мяндина как особую, мяндинскую, редакцию памятника.

Т. Ф. Волковой и Ольгой Кориэлл было проведено исследование семи печорских списков «Сказания о двенадцати снах Шахаиши» [4]. Были выявлены отдельные изменения в тексте памятника уже на уровне содержания: в печорских списках происходит замена некоторых образов на те, которые лучше отражают культуру и быт севернорусских крестьян. Так, вместо образа беременной собаки в списке Мяндина введен образ щуки с живой рыбой в животе. Как недавно выяснила Е. В. Прокуратова, эта замена наблюдается и в некоторых других севернорусских списках Сказания¹⁸.

Исследователи проанализировали печорские списки «Сказания» и установили, к какой группе какой редакции, выявленных ранее исследователями памятника, они относятся. Так, А. Н. Веселовский выделил две редакции памятника: древнюю и более позднюю. В первой царя зовут Шахаиши, а мудреца – толкователя снов царя – Мамером, а во второй – наоборот¹⁹. А. В. Рыстенко выделил внутри второй редакции «Сказания» три группы вариантов²⁰.

На основе анализа печорских списков «Сказания» Т. Ф. Волкова и О. Р. Кориэлл установили, что все они, кроме списка БАН, Т.п. 232 (XIX в.), относятся к текстам второй группы второй редакции памятника, поскольку в них, как и во второй редакции, Мамером зовут царя, а толкователя снов – Шахаиши, который в печорских списках переделан в Шаховича. Список БАН относится к первой редакции памятника, так как в нем царя зовут Шахаиши. Однако во всех печорских списках «Сказания» читается один и тот же набор снов.

Текстологический анализ печорских списков «Сказания о 12 снах» позволил выделить внутри списков второй группы ряд вариантов. К первому варианту исследователи отнесли списки ИРЛИ, УЦ 75 (посл. четв. XIX в.) и 81 (посл. четв. XIX в.). В них по имени – Мамером – назван царь, а философ-толкователь остается безымянным. На всех уровнях различий в этих списках имеются свои особенности, отличные от других списков, что свидетельствует о наличии у них общего

источника. Второй вариант второй группы второй редакции «Сказания» представлен списками ИРЛИ, УЦ 196 (кон. XIX в.) и УЦ н. 140 (посл. тр. XIX в.), содержащими идентичные тексты, которые также восходят к общему источнику. К третьему варианту относится список ИРЛИ, УЦ н. 8 (кон. XIX в.), который имеет общие чтения с текстом первого варианта, однако с некоторыми синонимическими различиями.

Особняком стоит список «Сказания» ИРЛИ, УЦ 195 (кон. XIX в.), принадлежащий перу И. С. Мяндина. Несмотря на некоторое сближение со списками первого варианта, он представляет собой особый, четвертый, вариант второй группы второй редакции памятника. Его принадлежность к указанной редакции и группе списков «Сказания» подтверждается тем, что царь в списке назван Мамером, а философ-толкователь – Шахаиши, или Шаховичем, и наличием соответствующего набора снов. Однако мяндинский список «Сказания» довольно сильно отличается по тексту от остальных списков, имеет большое количество индивидуальных чтений и отражает редакторскую работу печорского книжника. В некоторых случаях Мяндин сокращает текст (например, удаляет из фабулы целый мотив из толкования седьмого сна, в одном месте в толковании первого сна вычеркивает лишнее обобщение «родители») или, напротив, дополняет: расширяет заголовок произведения, в толковании первого сна вставляет несколько уточняющих дополнений вместо местоимения «все» (друг друга, и брат брата, и всѣхх...). Редакторская работа Мяндина проявляется на всех уровнях и делает текст более понятным простому крестьянскому читателю. Наличие индивидуальных чтений позволяет выделить изученный список в отдельный, самостоятельный вариант [4: 46–48]. Таким образом, печорские списки встраиваются в общую историю текста «Сказания».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что мы постарались очертить круг эсхатологических произведений, бытовавших в среде печорских старообрядцев, классифицировать их по принадлежности к сочинениям «большой» и «малой» эсхатологии. На основе собственных исследований и исследований других сыктывкарских филологов мы определили место печорских списков в истории текста изученных памятников («Жития Василия Нового», «Видения апостола Павла», «Хождения Агапия в рай», «Сказания о 12 снах Шахаиши»), установили их содержательные, композиционные и текстологические особенности. Кроме того, были выявлены списки указанных произведений,

составленные известным печорским книжником И. С. Мяндиным, охарактеризованы их особенностями, определена степень редакторской обработки памятников печорским книжником и выявлены приемы, которые он использовал при составлении своих переработок. Нами установлено, что И. С. Мяндиным были созданы особые редакции «Хождения Феодоры» из «Жития Василия Нового» и «Хождения Агапия в рай», а также особый вариант «Сказания о 12 снах Шахаиши».

Работа по изучению печорских списков произведений эсхатологической тематики в последнее время активно ведется сотрудниками научно-исследовательской лаборатории СГУ «Филологические исследования духовной культуры Севера»: вводятся в научный оборот новые списки, уточняется история текста эсхатологических произведений, однако многие эсхатологические сочинения, сохраненные печорскими крестьянами, пока еще ждут своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Слово Ипполита, папы римского, в неделю мясопустную о скончании мира, антихристе и о втором пришествии Господнем» в сборниках ИРЛИ: УЦ 8 (XVII в., кон.), л. 116–152; УЦ н. 181 (XVIII в., нач.), л. 33 об.–110; УЦ 33 (XVIII в., посл. четв.), л. 270–310; УЦ 25 (XIX в., перв. тр.), л. 116–168., сборник из личной коллекции устьцилема В. Т. Вокуева (XVIII–XIX вв.).
- ² «Слово о царствии язык последних времен» в сборниках ИРЛИ, УЦ 11 (XVII в., кон.), л. 126–126 об. (фрагмент интерполированной редакции, без заглавия); УЦ 67 (XVIII в., кон.), л. 128–131 (фрагмент второго славянского перевода); ИРЛИ, УЦ 36 (XVIII в., посл. четв.), л. 293 об. (фрагмент второго славянского перевода); УЦ 42 (XVIII в., кон.), л. 24 об.–26 (архивная нумерация), л. 27 об.–29 (нумерация в описании книги: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 97) – старообрядческая компиляция; УЦ н. 299, л. 28–30 – старообрядческая компиляция.
- ³ «О втором пришествии Христове, о страшном суде, о будущей муке и об умилении души». В сборнике ИРЛИ: УЦ н. 243, кон. XVII в. (л. 14–63), в шести списках ИРЛИ XVIII в.: УЦ 15 (перв. четв.), л. 14–72; УЦ 2 (посл. четв.), л. 73–100; УЦ 24 (посл. четв.), л. 3–43; УЦ 36 (посл. четв.), л. 3–62 об.; УЦ 31 (посл. тр.), л. 8–68; УЦ 43 (кон.), л. 75–159 и шесть списков ИРЛИ XIX в.: УЦ н. 61 (XVIII–XIX вв.), л. 172–211 об.; УЦ н. 3 (перв. четв.), л. 66 об.–102 об.; УЦ 46 (перв. четв.), л. 4–67; УЦ 60 (перв. четв.), л. 11–46; УЦ н. 17 (кон. перв. трети), л. 1–49.
- ⁴ «Слово об исходе души от тела и о втором пришествии». В сборниках ИРЛИ: УЦ 13, кон. XVII – нач. XVIII в. л. 204–231; в списках XVIII в.: УЦ 36 (посл. четв, полный список.), л. 63–95; УЦ 15 (перв. четв.), л. 72–74 об. (выписка из Слова); два списка созданы на Печоре – ИРЛИ, УЦ 25 (XIX в., перв. тр., л. 88–116) и список И. С. Мяндина УЦ н. 322, л. 34 об.–36 об.
- ⁵ «Сказание на восьмой век о последнем времени и об антихристе». В сборнике ИРЛИ, УЦ 2 (посл. четв. XVIII в.), л. 100–102 об.
- ⁶ «О втором пришествии Христове» и «О антихристе». В сборниках ИРЛИ: УЦ 145 (XVII в., вт. четв.) – список Паренесиса; Слово 104-е из Паренесиса «О скончании мира сего и о втором пришествии Христове» в списках ИРЛИ: УЦ 12 (XVII в., кон.), л. 161–168 и УЦ н. 181 (XVIII в., нач.), л. 259–266. Слово 106-е «О антихристе» читается в сборниках ИРЛИ: УЦ 8 (XVII в., кон. тр. четв. и XX в., перв. четв.), л. 12–30 и УЦ 54 (XIX в., перв. тр.), л. 74–117.
- ⁷ Списки ИРЛИ: УЦ 75 (посл. четв. XIX в.), л. 19–31 об.; УЦ 81 (посл. четв. XIX в.), л. 1–15 об.; УЦ 195 (посл. четв. XIX в.), л. 1–6 об.; УЦ 196 (кон. XIX в.), л. 1–16; УЦ н. 8 (кон. XIX в.), л. 22–31; ИРЛИ, УЦ н. 140 (посл. треть XIX в.), 9 л.; список БАН, Тек. пост. 232 (сер. XIX в.), л. 43 об. См. о них: [4].
- ⁸ Например, ИРЛИ, УЦ н. 71, сборник сер. XVII в, на 75 л.
- ⁹ Например, ИРЛИ, УЦ н. 101, 227, 275, 285, 356.
- ¹⁰ ИРЛИ, УЦ 180 (нач. XIX в.), 269 л.; ИРЛИ, УЦ н. 65 (нач. XIX в.), 144 л.; НБ СГУ им. Питирима Сорокина, УЦ р. 33 (нач. XIX в.), 211 л.
- ¹¹ ИРЛИ, УЦ 11 (XVII в.), л. 118–119 об. и УЦ 22 (XVIII – нач. XX вв.), л. 210–221 – «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам»; ИРЛИ, УЦ 61 (XVIII в.), 39 л. и УЦ 179 (XIX в.), л. 5–11 об. – видение о Страшном Суде.
- ¹² Списки ИРЛИ: УЦ н. 170 (XVIII в.), л. 66 об.–75 об.; УЦ 178 (XVIII в.), 6 лл.; УЦ 22, л. 192 об.–193 об.; УЦ 67, л. 50–50 об.
- ¹³ См.: Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Одесса, 1913. 355 с.; Ч. 2. Тексты. Одесса, 1911. 1019 с.
- ¹⁴ Редакция опубликована: Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе». Ч. 2. Одесса, 1911. С. 745–893 (Тексты «Жития» по списку РНБ Ф. I, 726 XVIII в. с привлечением вариантов).
- ¹⁵ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исслед. и тексты. М.: Университетская типография, 1897. Ч. А. С. 1–250; Ч. В. С. 84–131.
- ¹⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 466–473.
- ¹⁷ ИРЛИ, собр. Перетца, № 500, нач. XVIII в., л. 297–310 об.
- ¹⁸ См. наблюдения, приведенные в тезисах доклада студентки СГУ И. С. Морозовой, подготовленных под руководством Е. В. Прокуратовой [14].
- ¹⁹ Более подробно об этом см.: Веселовский А. Н. Слово о двенадцати снах Шахаиши // Записки императорской академии наук. СПб., 1879. Т. 34. Книжка I. С. 3–47.
- ²⁰ Более подробно об этом см.: Рыстенко А. В. Сказание о 12 снах Мамера в славяно-русской литературе // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1905. Т. 13. С. 23–134.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Т. Ф. Два апокрифа из Торжественника, составленного печорским книжником И. С. Мяндиным // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2013. Вып. 2. С. 20–35.
2. Волкова Т. Ф. Эсхатологические сочинения в кругу чтения печорских крестьян // Мир старообрядчества. История и современность. М.: Изд-во МГУ, 1999. Вып. 5. С. 279–288.
3. Волкова Т. Ф., Ильина Ю. Н. «Слова» Кирилла, епископа Ростовского, и «Видение апостола Павла» в составе старообрядческого эсхатологического сборника из Усть-Цильмы // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XV Междунар. съезду славистов. М., 2013. С. 134–152.
4. Волкова Т. Ф., Кориэлл О. Р. Апокрифическое «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши» и его печорские списки // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. Вып. 4 (20). С. 38–48.
5. Дёмин А. С. Загробный мир // Древнерусская литературы: Изображение природы и человека: Коллективная монография. М.: Наследие, 1995. С. 182–191.
6. Дергачёва И. В. Житие Василия Нового // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 211.
7. Дергачёва И. В. Посмертная судьба и иной мир в древнерусской книжности. М.: Круг, 2004. С. 71–91.
8. Крюкова А. А. Печорский список «Жития Василия Нового» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. Вып. 2 (18). С. 13–25.
9. Крюкова А. А. «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам» из «Жития Василия Нового» по списку И. С. Мяндина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. Вып. 3 (19). С. 79–87.
10. Кузнецов Б. И. Сказание о двенадцати снах Шахаиши // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 408–410.
11. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1960. 213 с.
12. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 561–604.
13. Мильков В. В. Концепт земного рая в памятниках древнерусской письменности // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 242–276.
14. Морозова И. С. «Повесть о двенадцати снах царя Мамера»: Поэтика иносказаний (на материале севернорусских списков) // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: Всерос. очно-заочная науч. конф. студентов и аспирантов высших учебных заведений, Сыктывкар, 12 апреля 2024 г.: Сб. докл. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. С. 66–68.
15. Пентковская Т. В. Житие Василия Нового // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VII. С. 210–211.
16. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Булаин, 2006. 432 с.
17. Рождественская М. В. Хождение Агапия в рай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 462–463.
18. Творогов О. В. Апокрифы о апостолах Петре и Павле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 54–56.
19. Творогов О. В. Житие Андрея Юродивого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 131–132.
20. Черторицкая Т. В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 432–435.

Поступила в редакцию 03.11.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatyana F. Volkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0119-5343; volkovatf777@gmail.com

Anna A. Kryukova, Postgraduate Student, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-3611-0389; not.ahmatova@gmail.com

ANCIENT RUSSIAN ESCHATOLOGICAL WORKS AS PART OF PECHORA MANUSCRIPT COLLECTIONS

Abstract. The article presents an overview of the eschatological writings that existed among the Pechora Old Believers, and presents the main results of the study of these works by Syktyvkar philologists. Pechora peasants actively read and copied medieval eschatological writings: a large number of their copies has been preserved. This layer of handwritten texts has not been studied much yet, but they are an important part of the manuscript-book tradition that

was formed at the Lower Pechora in the XVIII and XIX centuries. The authors of the article pursued the task of determining the peculiarities of the existence of eschatological writings in the Old Believers' environment. These writings can be divided into works of "big" and "small" eschatology, but there are monuments that combine elements of both directions of the eschatological teaching, for example, "The Life of Basil the New". Local interpretations and compilations on the topic of the end of the world and the posthumous fate of the soul have become widespread in the Old Believers' environment. The authors of the article and other Syktyvkar philologists studied the Pechora copies of "The Life of Basil the New", "The Visions of the Apostle Paul", "Agapius's Walk to Paradise", "Tales about the Twelve Dreams of Shahaisha", conducted their informative, compositional, and textual analysis, identified the features of the Pechora copies, established which editions they originated from, identified similarities and differences between the Pechora copies. Special attention was paid to editorial revisions of the studied works made by Ivan Myandin, a famous Pechora scribe of the XIX century, revealing the main techniques of the scribe's work on eschatological texts and the degree of their revision.

Key words: eschatological writings, Pechora manuscript collections, Old Believers' literature, Pechora copies of Old Russian writings

For citation: Volkova, T. F., Kryukova, A. A. Ancient Russian eschatological works as part of Pechora manuscript collections. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):68–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1060

REFERENCES

1. Volkova, T. F. Two apocrypha from the Ceremonial compiled by a Pechora scribe Ivan Myandin. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2013;2:20–35. (In Russ.)
2. Volkova, T. F. Eschatological writings in the reading circle of the Pechora peasants. *The world of Old Believers. History and modernity*. Moscow, 1999. Issue 5. P. 279–288. (In Russ.)
3. Volkova, T. F., Ilyina, Yu. N. The "Words" of Cyril, the Bishop of Rostov, and the "Vision of the Apostle Paul" as part of the Old Believers' eschatological collection from Ust-Tsilma. *Russian Old Believers: language, culture, history: Proceedings of the XV International Congress of Slavists*. Moscow, 2013. P. 134–152. (In Russ.)
4. Volkova, T. F., Coryell, O. R. The apocryphal "Legend of the twelve dreams of king Shahaishi" and his Pechora lists. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2021;4:38–48. (In Russ.)
5. Demin, A. S. The afterlife. *Ancient Russian literature: Depiction of nature and man: Collective monograph*. Moscow, 1995. P. 182–191. (In Russ.)
6. Dergacheva, I. V. The Life of Basil the New. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2004. Vol. VII. P. 211. (In Russ.)
7. Dergacheva, I. V. Posthumous fate and another world in Ancient Russian literature. Moscow, 2004. P. 71–91. (In Russ.)
8. Kryukova, A. A. Pechora list of "The Life of Basil the New". *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2021;2(18):13–25. (In Russ.)
9. Kryukova, A. A. "Theodora's walks through the air ordeals" from the "Life of Basil the New" according to the list of I. S. Myandin. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2021;3(19):79–87. (In Russ.)
10. Kuznetsov, B. I. The Legend of the Twelve Dreams of Shahaisha. *Dictionary of scribes and books of Ancient Russia*. Leningrad, 1987. Issue 1. (Period between the XI and the first half of the XIV centuries). P. 408–410. (In Russ.)
11. Malyshev, V. I. Ust-Tsilma manuscript collections of the XVI–XX centuries. Syktyvkar, 1960. 213 p. (In Russ.)
12. Malyshev, V. I. Ust-Tsilma manuscripts with historical, literary, and everyday content from the XVII–XIX centuries. *TODL*. Moscow; Leningrad, 1961. Vol. 17. P. 561–604. (In Russ.)
13. Mil'kov, V. V. The concept of earthly heaven in the literary works of medieval Russia. *Christian Reading*. 2016;6:242–276. (In Russ.)
14. Morozova, I. S. "The Tale of the Twelve Dreams of Tsar Mamer": The Poetics of allegories (based on the materials of the northern Russian copies). *Word and text in the cultural and political space: Proceedings of the all-Russian research conference of undergraduate and postgraduate students of higher educational institutions*. Syktyvkar, 2024. P. 66–68. (In Russ.)
15. Pentkovskaya, T. V. The Life of Basil the New. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2004. Vol. VII. P. 210–211. (In Russ.)
16. Pigin, A. V. Visions of another world in Russian handwritten books. St. Petersburg, 2006. 432 p. (In Russ.)
17. Rozhdestvenskaya, M. V. Agapius's Walk to Paradise. *Dictionary of scribes and books of Ancient Russia*. Leningrad, 1987. Issue 1. (Period between the XI and the first half of the XIV centuries). P. 462–463. (In Russ.)
18. Tvorogov, O. V. The apocrypha of the Apostles Peter and Paul. *Dictionary of scribes and books of Ancient Russia*. Leningrad, 1987. Issue 1. (Period between the XI and the first half of the XIV centuries). P. 54–56. (In Russ.)
19. Tvorogov, O. V. The Life of Andrew the Fool. *Dictionary of scribes and books of Ancient Russia*. Leningrad, 1987. Issue 1. (Period between the XI and the first half of the XIV centuries). P. 131–132. (In Russ.)
20. Chertoritskaya, T. V. The Ceremonial. *Dictionary of scribes and books of Ancient Russia*. Leningrad, 1989. Issue 2. (Period between the second half of the XIV and the XVI centuries). Part 2: L–Ya. P. 432–435. (In Russ.)

Received: 3 November 2023; accepted: 15 May 2024

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛАХ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе, которые оказываются в эпицентре сложно переплетенных, прямо и косвенно взаимообусловленных социальных стереотипов и мифов. Понимание детского чтения включает в себя ощущение как его внеисторичности, так и исторических изменений, поскольку детство у каждого поколения проходит по-разному. Восемь выпусков круглого стола журнала «Дружба народов» «Только детские книги читать» (2015–2022) дают достаточно репрезентативный эмпирический материал для того, чтобы проследить трансформацию репертуара детского чтения и увидеть, как поколенческие коды влияют на восприятие текста. Анализ этих материалов позволяет понять феномен детского чтения, выявить специфику коммуникации с текстом читателя-ребенка. В этом контексте представляется значимым не только проанализировать многообразные автокомментарии участников опроса, но и благодаря опросам студентов обнаружить разрыв в маршрутах чтения детской литературы.

Ключевые слова: современная детская литература, «толстый» литературный журнал, детское чтение, поколение

Для цитирования: Черняк М. А. Детская литература в «толстых» журналах: к вопросу о трансформации модели детского чтения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1061

ВВЕДЕНИЕ

Один из сдвигов в литературном процессе двадцатых годов XXI века связан с изменением оптики, особым взглядом на инфантильное мышление, который придает особую ценность субъективному опыту ребенка. Художественный критик Джон Рёскин придумал выражение «невинный глаз», чтобы выразить потребность художника в восстановлении детского состояния, в котором все как бы видится в первый раз [14: 169]. В связи со все возрастающим интересом взрослых читателей к современной детской литературе потребность в подобном «невинном взгляде» становится все более очевидной. Книги, входящие в круг чтения ребенка, считаются самыми социально действенными: ведь становление человека напрямую связано и с набором прочитанных в детстве книг. Однако искаженный читательский опыт объясняется прежде всего тем, что школьная программа по литературе практически не предлагает практики чтения со-

временного актуального текста. При этом можно утверждать, что сегодня происходит трансформация модели детского чтения. Проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе оказываются в эпицентре сложно переплетенных, прямо и косвенно взаимообусловленных социальных стереотипов и мифов. М. Аромштам «Читающий ребенок. О детях и чтении», А. Рапопорт «Книга как привычка», Р. Раппопорт «Читай не хочу», М. Елисеева, Н. Максимова, В. Голубева «Книга в восприятии ребенка от рождения до 11 лет», Д. Шеваров «Три чудесных детства», О. Мязотс «Книжки на вырост», М. Яснов «Путешествие в Чудетство», Б. Хеллман «Сказка или быль. История русской детской литературы», Э. Хаббер «Страна Оз за железным занавесом» – этот не полный, но достаточно репрезентативный список книг, вышедших совсем недавно, свидетельствует об актуализации интереса к детской литературе и детскому чтению как важному со-

циокультурному, а не только дидактическому явлению. Названные исследования появляются на фоне постоянных дискуссий о кризисе чтения вообще (в связи с тем, что сериалы, компьютерные игры и реалити-шоу представляют собой масштабный феномен, выявляющийся на пересечении новых и старых медиа и влияющий на формирование нового читателя).

Писатель и психолог М. Аромштам, модератор электронного навигатора по детскому чтению «Папмамбук», в своем исследовании «Читать!», размышляя о межпоколенческих связующих нитях детской литературы, отмечает:

«Детское чтение – относительно новое явление для культуры. Но смысл его состоит ровно в том же, что и во времена эпохи Возрождения: создавать и структурировать внутренний мир ребенка, способствовать развитию его индивидуальности и человеческой сложности. При этом чтение нельзя понимать иначе, чем личное дело ребенка» [2: 160].

Очень важно, что книга, с которой ребенок знакомится в первые годы своей жизни, в значительной степени закладывает базу его словарного и культурного запаса. Как писала в своей автобиографической повести Л. К. Чуковская,

«хорошо выполненная детская книга, книга не от ремесла, а от искусства, всегда интересна не только ребенку, но и взрослому. Маршак называл детскую книгу сестрой книги общенародной. И был прав: его же строка “рассеянный с улицы Бассейной” ушла в толщу народа, *сделалась народной поговоркой* (выделено мною. – М. Ч.). Так же как “если могу – помогу” Корнея Чуковского, или “Ох, нелегкая это работа – Из болота тащить бегемота!”» [22: 77].

Такие «народные поговорки» служат своеобразным опознавательным знаком принадлежности к одной культуре. Однако, как показывают многочисленные опросы не только детей, но и молодых взрослых, многое в книгах, на протяжении десятилетий формировавших общий культурный код, сегодня остается непонятым или понятым превратно. Память в эпоху интернета становится более вместительной, но и, несомненно, более короткой: «зачастую подробного объяснения требуют тексты, написанные всего 10–20 лет назад, или факты и явления, совсем недавно казавшиеся общеизвестными» [12: 69].

***

Роль «толстых» литературных журналов в современной литературе менялась за последние 35 лет неоднократно – от «журнального бума» конца 1980-х до сегодняшних постоянных прогнозов о закрытии то одного, то другого журнала. Однако благодаря уникальной фор-

ме метажанра (В. Шкловский), который под своей обложкой объединяет разные тексты и тем самым создает контекст литературы, журналы и по сей день являются надежными навигаторами и дают разностороннее и полноценное представление о разнообразных тенденциях современного литературного процесса. Социологи полагают, что, выполняя функцию культурного ретранслятора, «толстые» литературные журналы являются «модератором-экспертом в сфере “высокой литературы”» и оказывают влияние на вкусы читающей эту литературу публики» [6: 70]. В связи с этим представляется важным обратить внимание на так называемые детские номера литературных журналов, которые стали регулярно выходить последние 10 лет. Это рубрика «Двенадцать плюс» в журнале «Октябрь» (ноябрьские номера 2014–2018 годов), «детский» номер журнала «Знамя» (2016. № 11), специальный «детский номер» «Все вверх дном» журнала «Иностранная литература» (2024. № 1) и «детские» номера журнала «Дружба народов» (ноябрьские (11) номера 2015–2022 годов) с повторяющимся из номера в номер круглым столом «Только детские книги читать». Такое внимание к детской литературе, детским писателям, детскому чтению, воспоминаниям о детстве, критике о детской литературе в журналах, которые за свою почти вековую историю никогда не публиковали подобные тексты, в полной мере отражает тенденцию, явно обнаруженную в последнее время, – интерес взрослых к детской литературе.

В 2012 году своеобразным толчком к возникновению дискуссии о современной детской литературе и детском чтении в профессиональной среде оказалась статья М. Скаф «Новая детская литература», в которой говорилось:

«Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цех, находящиеся в постоянном, желательно – плодотворном, взаимодействии» [17: 148].

Эти слова, с одной стороны, иллюстрировали общую тенденцию: современных авторов и современных текстов не знали ни взрослые, ни дети. С другой стороны, точка зрения М. Скаф входила в противоречие с реальным и живым рынком детской литературы, демонстрирующим активное обновление жанрового репертуара, появление новых авторов, новых издательств, новых переводчиков и иллюстраторов.

Репертуар подросткового чтения, его жанрово-тематические приоритеты, наиболее популярные авторы и произведения меняются с течением времени. Появление новой прозы для подростков знаменовало возникновение нового типа литературы с многообразием серьезных тем и проблем, о чем свидетельствует издательский репертуар специализирующихся на подростковой литературе издательств «Самокат», «Розовый жираф», «Компасгид», «Паляндрия», «Качели», «Пять четвертей», «Клевер», «Белая ворона», «Настя и Никита» и др. Кроме того, цифровая реальность, в которой формировался новый читатель XXI века, трансформирует устойчивые читательские практики и формирует особый тип интернет-ориентированной детской и подростковой аудитории, для которой традиционные формы продвижения и восприятия книги связываются с режимом ретроориентированности и символического устаревания. В конкуренции видеотекстов, с которыми ребенок сталкивается часто даже не в первые годы, а в первые месяцы своей жизни, и детских книг последние часто оказываются в проигрыше. Сегодня стремительно появляются новые книжные форматы (книги-панорамы, книги-игрушки, гибридные книги с QR-кодами, виммельбухи, молчаливые книги и т. п.), отвечающие вызовам новой цифровой эпохи и меняющие читательские стратегии.

Как отмечает И. Н. Арзамасцева,

«круг детского чтения меняется с каждой эпохой. Его состав зависит от множества факторов. Изменяются исторические условия, а вместе с ними происходят изменения общественных, религиозных и семейных традиций детского чтения. <...> В целом литература для детей проходит свой путь развития, согласованный с общим литературным процессом, хотя и не с абсолютной точностью: она то надолго отстает, то вдруг опережает взрослую литературу» [1: 77].

Восемь выпусков круглого стола журнала «Дружба народов» «Только детские книги читать» дают возможность проследить трансформацию репертуара детского чтения, произошедшую за последние десятилетия. За восемь лет 137 писателей, критиков, журналистов, издателей из России и ближнего и дальнего зарубежья (А. Архангельский, Е. Долгопят, Д. Драгунский, С. Носов, А. Снегирёв, Г. Яхина, А. Аствацатуров, М. Кучерская, А. Варламов, А. Геласимов, М. Кураев, О. Славникова, А. Матвеева, А. Мелихов, Д. Бак и др.) поделились своими воспоминаниями о самой важной книге их детства. Обращение к подобным опросам, пограничным явлениям, находящимся на периферии литературного процесса, дает возможность за-

фиксировать смену читательских поколений. Зачастую бывает сложно провести точную границу между чтением «детским» и «взрослым», поскольку границы периода, называемого детством, как свидетельствуют работы психологов, размыты. М. О. Чудакова в книге «Не для взрослых! Время читать» задает вопрос:

«Когда кончается детство? У всех по-разному. У одних – в шесть лет: они уже и младших нянчат, на огороде и во дворе родителям по-взрослому помогают. А приходилось встречать и таких, у кого оно и в 40 лет еще не кончилось» [20: 8].

Многообразие личных «детских полок», которые выстраиваются в процессе чтения материалов круглого стола «Только детские книги читать», в какой-то мере можно проиллюстрировать словами французского писателя П. Байяра, который настаивал на том, что у каждого читателя есть своя внутренняя библиотека, представляющая собой

«личное подмножество коллективной библиотеки, которое включает в себя книги, важные для определенного человека. Личная внутренняя книга составлена из наших фантазий и собственных легенд, и она имеет прямое отношение к тому, что мы любим читать, к нашему выбору книг и манере чтения» [3: 67].

Параметры группового культурного опыта, включающего в себя и опыт детского чтения, и выстраивания своей собственной «внутренней библиотеки», выводят к проблеме поколенческого текста.

«Сегодня понятно, что “поколенческие” коммуникации, сшибка стереотипов и ценностей поколений – как вечный (архетипический) и частый (в эпоху техноса) процесс – порождают свои устоявшиеся программ поведения, активизируют частоту открытия современным человеком неконтролируемой и неопишуемой актуальной реальности» [16: 90],

– отмечает Т. Рытова. Поколенческий сбой явно обнаруживается в выборе любимой детской книги. Очевидно, что поколение читателей Буратино столкнулось с поколением читателей Гарри Поттера.

Многие образы, цитаты, ассоциации, прецедентные феномены, связанные с детским чтением, остаются в языковом сознании на всю жизнь и активно используются в различных дискурсивных практиках. Литературовед М. Петровский писал о значении детского чтения как своеобразного культурного кода:

«Будут ли дети, когда вырастут, читателями, – дело темное, и что они будут читать тогда – еще темнее; взрослая дифференциация – социальная, профессиональная, наконец, просто вкусовая – разнесет их читательские интересы, размажет по всему литературному (и ввели-

тературному) полю или вовсе вынесет за пределы этого поля. Но в детстве – все читатели, все слушатели бабушкиных или маминых сказок и сравнительно узкого круга книг (выделено мною. – М. Ч.), составляющих основной фонд так называемой детской литературы <...> У множества взрослых (пускай и начитанных) может не оказаться ни одного общего, знакомого всем текста, кроме сказок, усвоенных в детстве. Тогда эти книжки становятся единственным общенациональным текстом. Страшно вымолвить – главным текстом культуры» [15: 10].

Думается, что эта очень важная с методологической точки зрения идея М. Петровского корректируется современной цифровой эпохой. Утверждение ученого актуально именно для «узкого круга книг», которые прочитываются взрослым и ребенком вместе в раннем возрасте (волшебные сказки разных народов, сказки А. С. Пушкина, Х. К. Андерсена, К. Чуковского, стихи А. Барто, С. Маршака и др.). В подростковом же возрасте читатель хочет иметь свою «книжную полку», на которой, что принципиально значимо, находятся тексты про героев-современников или написанные в жанрах, которые не представлены в школьной программе по литературе (детективы, фэнтези, антиутопии, графические романы и т. д.).

Достаточно репрезентативной иллюстрацией к изменению читательских предпочтений подростков может служить Библиотека мировой литературы для детей, состоящая из 50 томов и вышедшая с 1976 по 1987 год. Программа издания золотого фонда всемирной литературы для детей была разработана издательством «Детская литература» совместно с Академией педагогических наук. Поэтому представляется симптоматичным, что многие участники круглого стола очень часто называли среди любимых и важных для их становления книги, которые в разные годы входили в эту серию: «Без семьи» Г. Мало, «Легенда об Уленшпигеле» Ш. де Костера, «Последний из могикиан» Д. Купера, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Вождь краснокожих» О. Генри, «Сердца трех» Д. Лондона, «Человек, который смеется» В. Гюго, «Приключения Шерлока Холмса» А. Конан Дойля, «Остров сокровищ» Стивенсона, «Дон Кихот» М. де Сервантеса, «Три мушкетера» А. Дюма, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Том Сойер» М. Твена, «Овод» Л. Войнич, «Машина времени» Г. Уэллса, «Лунный камень» У. Коллинз, «Копи царя Соломона» Г. Хаггарда, «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлёф, «Рикки-Тикки-Тави» Р. Киплинга и др. Пользующийся в конце XX века огромной популярностью у советских школьников издательский проект ка-

жется молодым читателям XXI века архаичным, а имена большого количества авторов абсолютно неизвестными.

«Единство эпохи состоит прежде всего в общности средств, которыми пользуется каждое поколение для выполнения тех или иных исторических задач своего периода», – писал К. Мангейм [13: 13]. Авторы сборника «Веселые человечки: Культурные герои советского детства» (С. Ушакин, М. Липовецкий, М. Загидуллина, М. Майофис и др.) исходят из того, что персонажи детской литературы (Карлсон и Винни Пух, Буратино и Электроник, Айболит и Кот Леопольд, Чебурашка и Хрюша) составили «пантеон» советского детства и вышли за пределы книг, фильмов или телепередач, где появились впервые, они «собрали» вокруг себя множество новых смыслов, став своего рода «иероглифами» культурного сознания современной России (см. об этом: [5]). Осмысление истории и сегодняшнего восприятия этих «иероглифов» позволяет увидеть разные читательские поколения советского и постсоветского общества, дает возможность «на молекулярном уровне» описать социально-антропологические и психологические сдвиги, происходившие в истории России в XX–XXI веках.

«Круг детского чтения – понятие весьма нестабильное, оно подвержено различным изменениям и то сжимается, то расширяется, втягивая в свои пределы одни имена и жанры и параллельно выводя из них другие» [8: 87].

В связи с этим подвергается динамическим процессам и корпус текстов, которые респонденты называют любимыми книгами детства.

Формирование современной литературы для подростков в определенной степени перекликается с процессом формирования новой советской литературы 1920-х годов, «базирующейся не на художественном своеобразии, а на возможности влиять на формирование взглядов и представлений юных читателей» [4: 12]. Идет кристаллизация новых жанров современной детской беллетристики, смена ее кодов, при этом актуальным становится обращение к острым вопросам прошлого и настоящего. Анализ номеров журнала «Дружба народов» доказывает, что обновлению литературных канонов препятствует стойкость предыдущих, например канона советской литературы, тем более что соцреалистическая культура априори инфантильна. Отмеченная М. Чудаковой «детскость» соцреализма была связана с «неестественной ситуацией непрекращающегося социального давления»,

в результате чего живые силы литературы естественным образом устремились в ту сторону, где

«редукция тем и упрощение языка, возникающая перед пишущим в качестве предпосылки, могли быть, во всяком случае, мотивированы жанрово – в сторону литературы собственно детской, то есть детям адресованной» [21: 163].

Доказывая, что детскость – родовая черта соцреализма, Е. Добренко утверждает, что

«идеал соцреализма – взрослый ребенок; его стратегия – консервация детства, поскольку сознание ребенка легко направляемо и подвержено суевериям и мифам, подчинено силе, каковой выступает суверенное государство, нация, власть. Этот инфантилизм культуры любопытным образом проявился в речи: в собственно детской литературе соцреализм начинает говорить на “сверхдетском” языке – все эти “сынишки”, “сестренки”, “братишки”, “зайчишки”, “шалунишки” и т. п. невозможны в нормальной детской речи. Этот специальный детский язык соцреализма освобождал целые лексические пласты, которые перешли во “взрослую” литературу» [10: 35].

Респонденты, подавляющее большинство которых родом из советской школы, действительно, часто книгой своего детства называют произведения А. Гайдара «Тимур и его команда», «Чук и Гек», «Мальчиш-Кибальчиш», «Судьба барабанщика», «РВС» и «Голубая чашка», Н. Островского «Как закалялась сталь», В. Губарева «Павлик Морозов», Е. Ильиной «Четвертая высота», В. Осеевой «Васёк Трубачёв и его товарищи» и др. Из круга чтения студентов-филологов, которые анализировали проект журнала «Дружба народов»¹, эти тексты выпали практически абсолютно. Комментарии студентов по поводу того, знакома ли книга, которую называют писатели, участники опроса, часто повторяются: «никогда не слышал», «что-то знакомое», «слышу впервые», «не читал», «пока не читала, к сожалению, но скоро, чувствую, исправлю это недоразумение», «читал отрывки», «начинала читать в подростковом возрасте, но, к сожалению, не смогла дочитать» и др. Подобные ответы прекрасно иллюстрируют слова детского писателя Ю. Нечипоренко, который говорит о феномене «незаметности»:

«Детская литература входит в плоть и кровь человека – с младенческих лет она обладает голосом отца и матери, бабушки и дедушки. Детский писатель формирует личность человека через его родных и близких – и потом отходит в сторону, становится незаметным, как Бог. Да разве думают о том, кто сочинил ту или иную сказку, тот или иной стих, дети? Рассказ растет, как дерево, стих, как облако, – есть ли авторы у дерева и облака? Потому фигура детского писателя – сокровенная, скрытая, мало кто помнит имена писателей. Вырастают дети и забывают имена малышей писателей, только те,

кто поразил воображение подростков, могут остаться в памяти – Волков, Носов, Кассиль... Или Гофман, Марк Твен, Жюль Верн, Джек Лондон»².

Сегодня особую актуальность приобрела проблема конкуренции вербального и визуального текстов. Целый ряд произведений для детей, написанных в советский период, и многие современные книги для детей получили воплощение в визуальной культуре в виде мультфильмов или полнометражных фильмов. В этой связи возникает вопрос, какой текст – вербальный или аудиовизуальный – является узнаваемым и цитируемым. По свидетельству внимательных к детскому чтению родителей, современные дети, наблюдая содержательные расхождения между книгой и мультфильмом, нередко настаивают на большей авторитетности мультфильма (см. об этом: [9]). Поэтому многие студенты говорили, что они «смотрели», но не «читали» любимые книги участников круглого стола.

«Детство, переполненное ростом как основным состоянием и занятием маленького человека, всегда, неминуемо – путь от “своего” к “чужому” (одновременно и наоборот – от “чужого” к “своему”, выработка “своего” из неподатливого материала “чужого”). Постоянное пересечение границ между этими сущностью разными областями жизни. Оно вообще – пересечение границ. Просто уже потому, что – постоянное расширение круга опыта, разрыв защищающих оболочек. Об эти пересекательные границы, разрывающиеся оболочки просто невозможно не раниться. Рост – всегда травма и неизбежно – утрата»,

– очень точно пишет О. Балла³. Однако разрыв в поколенческих читательских практиках в ситуации стремительной дифференциации института литературы приводит к тому, что «тексты детства» очень отличаются. «Переключка» цитатами и фразами из любимых детских книг, очевидно, уже не работает. Показательна рефлексия студентов-филологов на тот список любимых книг, который приводится в разных выпусках журнала. Ср.:

«Из всех прочитанных статей я сделала вывод, что многие любят и восхищаются книгой “Три мушкетера”. Надо признаться, что я этого произведения никогда не читала»; «Вообще, я мало читала книг из этого списка. Про “Остров сокровищ” много раз слышала, но не было желания сдружиться с этой книжкой, чего не скажу о романе “Граф Монте-Кристо»; «Название произведения привлекло мое внимание (“Васёк Трубачёв и его товарищи”. – М. Ч.). Вероятно, его герои авантурные и веселые ребята».

Тема детства стала одной из ведущих тем современного литературного процесса. И это можно объяснить общей инфантильностью человека

XXI века. По данным ВЦИОМ, более 30 % российской читающей публики выбирают детскую литературу. Для многих взрослых мир детства – это в некотором смысле райский, идеальный, беспроблемный мир, куда хочется вернуться. Чтение детских книг сродни чтению массовой литературы, для которой свойственен эскапизм, «бегство от реальности». М. Хальбвакс в «Социальных рамках памяти» [19] пишет о том, что взрослый, вышедший из детского возраста, способен заново творить в себе и вокруг себя исчезнувший мир детства, но в эту картину мира будет входить скорее вымысел, чем правда, ведь внешние условия уже слишком различны, и в таком случае соприкоснуться напрямую с миром детства уже невозможно.

«Детские книги – как мифы, они задают мирозданию фундаментальные вопросы. Ответы на них годятся для всех, потому что у детей, а тем более зверей и пуще всего – плюшевых, нет своей истории, биографии, своего уникального прошлого. Герои детских книг обобщены и универсальны, как олимпийские боги, христианские святые или психоаналитические архетипы. В них, даже самых маленьких, влезает больше, чем кажется. Пользуясь этим, детские книги вмещают весь мир и делают его выносимым»,

– полагает А. Генис [7: 13]. Действительно, хорошая и вовремя прочитанная детская книжка становится на всю жизнь важным ориентиром во взрослой жизни, – так или иначе об этом говорят практически все участники круглого стола. В этом контексте представляется значимым увидеть многообразные автокомментарии участников опроса. Ср.:

«Часовые блуждания между пыльными стеллажами казались не менее увлекательными, чем странствия Одиссея» (А. Матвеева)⁴; «Книга заговорила со мной обо мне. Мнительный, нервный, косноязычный герой признавался в том, о чем думала я или только собиралась подумать. Я взяла карандаш, вернулась к началу и стала подчеркивать “свои” мысли... кажется, именно тогда я впервые подумала, что литература – это не просто увлекательно рассказанная история, а нечто большее: таинство узнавания себя в героях, разговор по душам, мучительно прекрасное упоение написанным, когда кажется, что сказал бы так же, но, но, но...» (М. Ануфриева)⁵; «В детстве особую радость доставляет узнавание своих мыслей и переживаний у персонажей книг. Так ребенок учится сопереживанию» (Г. Служитель)⁶; «Огромная библиотека была еще одним членом семьи – и очень рано стала моей самой главной и любимой игрушкой» (М. Степнова)⁷; «Удивительно, как ребенок стремится узнать любимого человека через литературу, которую он читает. И я заглядывал на мамину книжную полку в надежде лучше понять ее внутренний мир. В этих книгах ты ищешь не что-то для себя, как обычно, а нечто про близкого – и находишь» (М. Трауб)⁸; «Это было то самое, ради чего и пишутся-читают-

ся все книжки, – расширение пределов твоего бытия, умножение твоей жизни на еще одну, чужую жизнь, не менее и даже более достоверную, чем собственная» (С. Самсонов)⁹; «На свете не так уж много вещей, которые нас способны по-настоящему сблизить... книги, прочитанные и полюбившиеся в детстве, обладают редким свойством пусть ненадолго, но разрушать стены, возведенные между нами зрелостью... в сильных чувствах, которые они у нас вызывали, нет трезвости, нет умеренности, а есть лишь только удовольствие, которое потом еще долгие годы сохраняет взрослая память. Только здесь, обретая себя, можно почувствовать присутствие других» (А. Аствацатуров)¹⁰.

Интересное методологическое размышление о становлении читателя предлагает в своем исследовании О. Н. Турышева:

«Для читателя-ребенка характерна потребность в моральном дидактизме, в уверенности, что мир устроен разумно и что он открывает навстречу читателю свои объятия, чтобы позволить ему встроиться в его структуру. Такой потребности соответствует определенная рецептивная установка, комплекс особых читательских ожиданий. Итак, как свидетельствует сама литература, ребенок-читатель в чтении воплощает установку на проникновение во всеобщий закон, подросток – установку на актуализацию собственного Я, юноша – установку на познание глубинных смыслов человеческой жизни» [18: 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи детской литературы справедливо полагают, что несмотря на то, что детская литература – эта та область научных штудий, которая особенно страдает от дискриминационных, устаревших и предвзятых взглядов, произведения, написанные для детей и подростков, невероятно важны для того, чтобы лучше понимать передачу культурных ценностей, социализацию молодежи и влияние стремительных социальных перемен на последующие поколения. Писатели передают укорененные в культуре, полностью сформированные представления о жизни юным читателям, которые еще только начинают социализацию в рамках своих сообществ,

«этот сложный акт передачи культурных ценностей превращает детскую литературу в один из самых важных и привлекательных культурных артефактов, когда-либо производимых человечеством» [11: 27].

Представленные в «детских» номерах толстых литературных журналов материалы – от новых текстов до мемуаров, от критических обзоров до тематических круглых столов, от новейших переводов до актуальных интервью – в полной мере дают возможность познакомиться с этими новейшими «актами передачи» культурных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Работа проводилась на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена. Студенты-первокурсники 2005 и 2006 г. р.
- ² Нечипоренко Ю. Писатель сродни клоуну. Личный опыт работы «в поле» // Дружба народов. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2015/11> (дата обращения 19.08.2023).
- ³ Балла О. Наука расставания // Дружба народов. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2015/11> (дата обращения 19.08.2023).
- ⁴ Матвеева А. Книга о языке // Дружба народов. 2022. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/11> (дата обращения 19.09.2023).
- ⁵ Ануфриева М. «Книга заговорила со мной обо мне» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 19.02.2024).
- ⁶ Служитель Г. «Концентрированный заряд счастья» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁷ Степнова М. «Слишком поздно» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁸ Трауб М. «Молоховец для детей» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁹ Самсонов С. «Умножение твоей жизни на чужую жизнь» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 19.08.2020).
- ¹⁰ Аствацатуров А. «...С ним менялся и не умирал весь мир» // Дружба народов. 2017. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/11> (дата обращения 19.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник. М.: Академия, 2012. 574 с.
2. Аромштам М. Читать! Минск: Дискурс, 2018. 160 с.
3. Байяр П. «Искусство рассуждать о книгах, которые мы не читали». М.: Текст, 2012. 189 с.
4. Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.) СПб.: Алетейя, 2013. С. 7–20.
5. Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 556 с.
6. Вичкитова А. Роль «толстых» журналов в современном русском литературном процессе // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 68–90.
7. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника. М.: АСТ, 2013. 352 с.
8. Демурова Н. М. Июльский полдень золотой: Статьи об английской детской книге. М.: Изд-во УРАО, 2000. 252 с.
9. Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: Коллективная монография / Отв. ред. В. Д. Черняк, М. А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 224 с.
10. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 31–40.
11. Лану А., Херолд К., Бухина О. Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1991–2017). М.: НЛО, 2024. 368 с.
12. Майофис М. Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. От редактора // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 67–69.
13. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
14. Панкеньер Велъд С. Безречие авангарда. Эстетика инфантилизма в русском авангарде. СПб.: Библиороссика, 2023. 370 с.
15. Петровский М. С. Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 424 с.
16. Рытова Т. А. «Поколение» как категория современного литературного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4. С. 87–98.
17. Скаф М. Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12. С. 148–154.
18. Турышева О. Н. Ребенок, подросток, юноша: инфантильное чтение в литературном изображении // Уральский филологический вестник. 2019. № 5. С. 31–42.
19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
20. Чудакова М. О. Не для взрослых. Время читать! Полка первая. М.: Время, 2009. 208 с.
21. Чудакова М. О. Наука о литературе или «детское литературоведение»? // Вопросы литературы. 1964. № 11. С. 161–173.
22. Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. М.: Азбука-классика, 2017. 448 с.

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

CHILDREN'S LITERATURE IN "THICK" JOURNALS: REVISITING THE TRANSFORMATION OF CHILDREN'S READING MODEL

Abstract. The paper deals with the problems of studying children's reading and determining the place of books in modern society, which are at the epicenter of complex social stereotypes and myths, interrelated directly and indirectly. Understanding children's reading involves a sense of both its extra-historicity and its historical transformation, since childhood is different for each generation. The eight editions of the *Druzha Narodov* (Peoples' Friendship) journal's roundtable "Only Children's Books to Read" (2015–2022) provide sufficiently representative empirical material to trace the transformation of children's reading repertoires and to see how generational codes influence text perception. The analysis of these materials makes it possible to understand the phenomenon of children's reading and to identify the specificities of a child reader's communication with the text. In this context, it seems important not only to analyze various autocomments of the survey participants, but also to discover the gap in the routes of reading children's literature through the student surveys.

Keywords: modern children's literature, "thick" literary journal, children's reading, generation

Citation: Chernyak, M. A. Children's literature in "thick" journals: revisiting the transformation of children's reading model. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1061

REFERENCES

1. Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. Children's literature: Textbook. Moscow, 2012. 574 p. (In Russ.)
2. Aromsham, M. Read! Minsk, 2018. 160 p. (In Russ.)
3. Bayard, P. How to talk about books you haven't read. Moscow, 2012. 189 p. (In Russ.)
4. Balina, M. R. Soviet children's literature: a few words about the subject of the study. "To kill Charskaya...": paradoxes in Soviet children's literature (1920s–1930s). St. Petersburg, 2013. P. 7–20. (In Russ.)
5. Merry little men: Cultural heroes of Soviet childhood: Collection of articles. Moscow, 2008. 556 p. (In Russ.)
6. Vichkitova, A. The role of literary magazines in the Russian contemporary literary process. *Sociological Review*. 2016;15(3):68–90. (In Russ.)
7. Genis, A. Reading lessons. The book lover's Kama Sutra. Moscow, 2013. 352 p. (In Russ.)
8. Demurova, N. M. Golden July afternoon: Articles about English children's books. Moscow, 2000. 252 p. (In Russ.)
9. Children's reading: problems of reception and interpretation: Collective monograph (V. D. Chernyak, M. A. Chernyak, Eds.). St. Petersburg, 2020. 224 p. (In Russ.)
10. Dobrenko, E. Socialist realism and the world of childhood. *The canon of socialist realism*. (H. Gunther, E. Dobrenko, Eds.). St. Petersburg, 2000. P. 31–40. (In Russ.)
11. Lanu, A., Herold, K., Bukhina, O. Growing out of communism. Russian literature for children and teenagers (1991–2017). Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.)
12. Mayofis, M. Commentary: social and historical-cultural reflection. Editorial. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004;66:67–69. (In Russ.)
13. Mannheim, K. The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998;30:7–47. (In Russ.)
14. Pankenier Weld, S. Voiceless vanguard. The infantile aesthetic of the Russian avant-garde. St. Petersburg, 2023. 370 p. (In Russ.)
15. Petrovsky, M. S. The books of our childhood. St. Petersburg, 2006. 424 p. (In Russ.)
16. Rytova, T. A. "Generation" as a category of modern literary process. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2009;4:87–98. (In Russ.)
17. Skaf, M. New children's literature. *Oktyabr*. 2012;12:148–154. (In Russ.)
18. Turysheva, O. N. Child, teenager, youth: infantile reading in the literary image. *Ural Philological Bulletin*. 2019;5:31–42. (In Russ.)
19. Halbwachs, M. The social context of memory. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
20. Chudakova, M. O. Not for adults. Time to read! Shelf one. Moscow, 2009. 208 p. (In Russ.)
21. Chudakova, M. O. Science of literature or "children's literary studies"? *Voprosy literatury*. 1964;11:161–173. (In Russ.)
22. Chukovskaya, L. K. In an editor's laboratory. Moscow, 2017. 448 p. (In Russ.)

Received: 4 March 2024; accepted: 20 May 2024

МАРИЯ ИГОРЕВНА ТИМОШКИНА

старший преподаватель кафедры английского языка Института иностранных языков, старший преподаватель кафедры германской филологии и скандинавистики, аспирант Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0009-0002-5812-2249; mari.macha94@gmail.com

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2161-7494; natshar@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. МАЙРИНКА И Г. Ф. ЛАВКРАФТА**

А н н о т а ц и я . Актуальность статьи состоит в предпринятом сравнительном анализе творчества одного из ярчайших представителей Пражской литературной школы Г. Майринка и повлиявшего на современную «литературу ужасов» видного американского писателя-фантаста Г. Ф. Лавкрафта в аспекте привлечения и трансформации ими в своих произведениях приемов и мотивов романтического направления. Теоретико-методологической базой исследования стали научные труды зарубежных и отечественных ученых в области литературоведения и сами тексты произведений: роман Г. Майринка «Голем», повесть Г. Ф. Лавкрафта «Хребты безумия» и рассказ «Музыка Эриха Цанна». Выявлены традиционные образы и мотивы готической литературы (например, мотивы страха, ужаса и тайны, в том числе заимствованные у Э. А. По), тесно переплетающиеся с романтической поэтикой и формирующие своеобразие фантастики произведений обоих писателей. Особый акцент сделан на трансформации приемов романтического двоемирия и двойничества, противопоставлении героя-демиурга и филистерского общества, понимания творчества как высшей силы, противопоставляемой хаосу и смерти (в сопоставлении писателей с Э. Т. А. Гофманом). В результате проведенного анализа установлено, что трансформация романтической традиции у Г. Майринка проявляется в углублении в психоанализ, а также оккультные и духовные учения, практикуемые в том числе самим писателем для исследования внутреннего «Я». Выявлено, что у Майринка герой после встречи с потусторонним переживает метаморфозу, преодолевает в себе «големическое» и открывает подлинную высшую реальность. У Лавкрафта с его умелым сочетанием в произведении литературы ужасов и жанра научной фантастики романтические по своей сути герои (ученый, путешественник, музыкант) в процессе «романтического» поиска проходят путь к хаосу, духовному бессилию и разочарованности в познании Вселенной.

К л ю ч е в ы е с л о в а : модернизм, фантастика, романтическая традиция, двоемирие, двойничество, герой, Г. Майринк, Г. Ф. Лавкрафт, Э. Т. А. Гофман, Э. А. По

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тимошкина М. И., Шарапенкова Н. Г. Трансформация романтической традиции в произведениях Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 85–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1062

ВВЕДЕНИЕ

Конец XIX – первые десятилетия XX века ознаменованы грандиозными историко-социальными катаклизмами, отразившимися в культуре России, Западной Европы и (отчасти) США. Кризис искусства [4], своего рода эстетический сдвиг, отмеченные в этот период, были связаны

как с самими историческими потрясениями, так и с пошатнувшимися основами гуманизма, оформившегося в эпоху Ренессанса и, по наблюдениям А. Ф. Лосева, зародившегося уже в эпоху Античности [13].

Модернизм, вобравший в себя множество направлений и течений в литературе рубежа

веков, выдвинул новое понимание природы человека, новую антропологическую концепцию. По словам А. М. Эткинда, известного ученого, связавшего воедино писательские интенции и зародившийся в конце XIX – начале XX века психоанализ, в этот период «естественные и очевидные проявления человека начинают казаться мнимыми и вторичными, скрывающими за собой более глубокую реальность, которая одна имеет подлинное значение» [28: 41]. Так, перед художником этого времени предстает задача «расшифровать» эту реальность, «которая скрывается за обыденной жизнью и которая неведома обычному человеку» [28: 41].

Обозначенные выше идеи отсылают нас к романтическому мироощущению, родившемуся, как известно, в конце XVIII века на противопоставлении просветительскому рационализму. Философ и создатель «натурфилософии» Ф. В. Й. Шеллинг писал о том, что романтики обращались к человеку как средоточию «мощи темного начала» [26: 112]. Современные исследователи романтизма продолжили и развили это понимание природы романтического чувства. Так, к примеру, А. А. Горбовский в своем исследовании пишет о тяготении романтиков к ночной стороне души, хаосу, «истинной реальности», ее «интуитивному постижению» [8: 42], и как следствие – торжеству иррационального. Последнее у писателей-модернистов (как и у романтиков) обнаруживается в апелляции к «ночному», «темному», «не проясненному» и, согласно З. Фрейду, таящемуся в подсознании человека. Идеи психоанализа, наравне с «философией жизни» Ф. Ницше и марксизмом, формировавшие культурно-исторический «ландшафт» эпохи XX века – «хаотического века» (Г. Блум) [29: 2], нашли отражение в произведениях модернистского направления этого периода. Несмотря на географическую отдаленность США от «материковой» Европы, где происходили главные драматические события начала и первой половины XX века, особый «дух» эпохи заметен и в тональности произведений многих американских авторов, отразивших «влияние... психологии Фрейда и антропологии сэра Дж. Фрейзера» [20: 112].

Потенциал категорий фантастического и мистического в силу их тяготения к иррациональному позволял писателям-модернистам обратиться к скрытым слоям реальности, сновидений и иных пограничных (измененных) состояний сознания, воссоздавая трансцендентную реальность, сочетая в своих творениях романтический поиск внутреннего «Я» с новейшими психоаналитическими практиками погружения в тайны человеческого подсознания. Фантастика на рубеже

веков становится одним из средств отражения хаоса реальности и поиска основ для описания «нового» человека эпохи модерна.

* * *

Отмеченные выше характерные особенности наличествуют и в произведениях австрийско-немецкого и американского писателей Г. Майринка (1868–1932) и Г. Ф. Лавкрафта (1890–1937), что позволило нам выдвинуть гипотезу о возможности сопоставления их творческой манеры и идиостиля.

Компаративистика, или сравнительное изучение литератур – интенсивно развивающаяся в последние десятилетия область современного литературоведения, один из продуктивных ее методов со сложившимся (начиная с XIX века) инструментарием анализа художественных явлений. Литературоведческая компаративистика [23] переживает в последние десятилетия период обновления и трансформации своего понятийного аппарата [19], а также выявления новых имен для исследования [24].

Нам близка позиция Г. А. Тиме, которая предложила ввести новый, по сравнению с «классическими» положениями А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, А. П. Алексеева, подход к сравниваемым художественным явлениям, а именно – «сравнительная поэтика» [18]. Цель новой области применения компаративистического метода состоит, по словам Г. А. Тиме,

«не в поиске глобальных закономерностей... а в изучении идейно-философской основы творчества, метода, жанра, стиля того или иного писателя посредством привлечения к анализу аналогичных иноязычных литератур» [19: 391].

К. А. Баршт, анализируя современные методы литературоведения, так определяет задачи сравнительного подхода к национальным литературам: компаративистика

«изучает общие законы развития разных национальных литератур: “бродячие сюжеты”, формы “заимствований” и “влияний”, другие виды контактов между писателями, эпохами и национальными литературами» [2: 21].

Компаративистский метод дает возможность в процессе сравнения творчества писателя одной национальной литературы с представителем другой установить как их общее, генетическое и типологическое родство, так и национально-специфическое, отличное друг от друга. И то и другое представляется важным для понимания истории развития национальных литератур, художественного метода писателей и формирования самого феномена «мировая литература».

Компаративистский подход широко применяется и в рамках исследования взаимосвязей литератур Америки и Западной Европы, России. В последние десятилетия появляется значительное количество работ, посвященных сравнительному изучению творчества отдельных писателей и их рецепции в других национальных литературах (см.: [14], [15], [30]). Список исследований, затрагивающих те или иные аспекты поэтики писателей данных национальных литератур в сравнительном контексте, обширен, что подтверждает крайнюю актуальность применения компаративистского метода и в нашей статье.

Другим немаловажным фактором формирования теоретической базы исследования стали труды в области австрийской литературы, а также Пражской литературной школы эпохи модерна, в том числе и в компаративистском ключе (см.: [3], [9], [22]). На сегодняшний день в зарубежном и отечественном литературоведении существует достаточно большое количество исследований, посвященных проблематике и поэтике произведений обоих писателей. Г. Майринку посвятили свои работы многие ученые: на Западе – Х. Шпербер¹, Ю. Эвола [27], А. Кейзерлинг [33]; в России – Ю. В. Каминская [10], Е. Н. Ковтун [11], А. В. Теличко [17] и другие. Исследованием биографии, выявлением особенностей образности и стиля Г. Ф. Лавкрафта занимались такие зарубежные ученые, критики и писатели, как Л. Картер [31], С. Т. Джоши [32], Л. С. Де Камп [35] и т. д. В современном отечественном литературоведении появляются статьи о мифологии Ктулху, мирах Лавкрафта, особенностях перевода его произведений на русский язык. Однако с привлечением арсенала компаративистского метода творчество данных писателей практически не рассмотрено, что обуславливает несомненную новизну предпринятого исследования.

Выбор австрийского и американского художников слова для сравнительного анализа обоснован, во-первых, общим культурно-эстетическим контекстом кризисного времени и эпохи модерна, по номинации С. Н. Бройтмана, периода «поэтики художественной модальности» [6: 257]; во-вторых, обращением Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта к ставшим традиционными образам и мотивам готической литературы (например, к мотивам страха, ужаса и тайны), тесно связанным с поэтикой романтического направления. Последнее, в свою очередь, оказало значительное влияние на развитие литературы ужасов в европейской и американской литературе уже всего XX века, формирование так называемого «готического мифа»². Существуют и прямые

доказательства знакомства американского писателя-фантаста с романами Г. Майринка. Так, сам Г. Ф. Лавкрафт в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (*Supernatural Horror in Literature*, 1927) выделил писателя-эзотерика и его роман «Голем» (*Der Golem*, 1915) как одно из выдающихся произведений в жанре ужасов, который, по его словам, «просто недостижим» [34]. Таким образом, непосредственное влияние видного австрийца на творчество американского фантаста подтверждает нашу гипотезу о возможности сопоставления поэтики их произведений.

Следование романтической традиции Г. Майринком и Г. Ф. Лавкрафтом можно обнаружить, прежде всего сопоставив поэтику их произведений с писателями-романтиками, оказавшими на них значительное влияние. Понимая всю важность выявления степени влияния представителей англоязычного романтизма, готики и мистической литературы на Г. Ф. Лавкрафта, в данном исследовании мы выбрали ключевой фигурой для анализа поэтику «таинственного» Э. Т. А. Гофмана – крупнейшего представителя позднего немецкого романтизма. Обусловлено это тем, что второй герой данной статьи – немецкоязычный австрийский писатель-мистик Г. Майринк.

Сам Г. Ф. Лавкрафт в названном выше эссе упоминает Э. Т. А. Гофмана, отмечая «зрелую форму» и экстравагантность его произведений при отсутствии «страшного» компонента, а также прослеживает вероятную связь гротеска Гофмана с поэтикой американского романтика-мистика Э. А. По [34]. Последний, как известно, оказал значительное влияние на творчество Г. Ф. Лавкрафта и развитие литературы ужасов в целом. Хотя американский фантаст тяготеет к настоящему «готическим» историям со сверхъестественным ужасом, высоко оценивая Э. А. По, Ч. Р. Мэтьюрина, М. Шелли, Э. Бронте, А. Бирса, А. Блэквуда, А. Мейчена, Ш. Бодлера, П. Мериме, Г. Эверса и др. [34], очевиден факт знакомства Г. Ф. Лавкрафта с наследием немецкого романтика (что, несомненно, могло отразиться и на его творчестве). Указанные выше факты подтверждают возможность сопоставления обоих исследуемых писателей в том числе с наследием Э. Т. А. Гофмана.

Вопрос о связи творчества Г. Майринка с поэтикой Э. Т. А. Гофмана уже поднимался в современном литературоведении. Н. В. Гладилин акцентирует внимание на «высшей идее» гофмановского творческого начала, нашедшей отражение и в первом романе австрийского писателя «Голем», который принес славу своему создателю. Герой романа Г. Майринка, Атанасиус

Пернат, наделен своего рода экзистенциальной потребностью, по словам исследователя, «к духовному пробуждению, росту и перерождению, столь характерному для героев Гофмана» [7: 7]. Томимый поиском высших идеалов, подобно персонажам немецкого романтика, герой Г. Майринка противостоит «бытовому миру филистеров» [16: 85], что продолжает традицию романтического двоемирия. Приведем в подтверждение наблюдения А. В. Теличко:

«Художественная резьба по камню, которой занимается Пернат, приближает его к образу демиурга, “одухотворяющего” мертвую материю. Духовные озарения героя на протяжении событий романа непременно сопровождаются внезапными всплесками творческого вдохновения» [17: 62].

У Г. Майринка в романе «Голем» герой – обладатель традиционной с виду профессии резчика по камню. Однако именно это, при первом приближении обыденное ремесло приобретает в повествовании особый символический смысл. Совпадение оккультно-мистических озарений с творческим вдохновением этого резчика драгоценных камней говорит о тесной связи ремесла героя-сновидца³ и его последующего духовного «пробуждения». Добавим, что у австрийского писателя идеи духовного роста, пробуждения и поиска высшей реальности проистекают из его собственного личного опыта и духовных практик, таких как Каббала, буддизм, еврейская мифология, антропософия, оккультные и эзотерические учения, христианство [24: 112]. Здесь, несомненно, проявляется яркая самобытность творчества писателя и его увлеченность мистико-оккультными верованиями, нашедшими отражения во всех романах: «Голем» (Der Golem, 1915), «Зеленый лик» (Das grüne Gesicht, 1916), «Вальпургиева ночь» (Walpurgisnacht, 1917), «Белый доминиканец» (Der weiße Dominikaner, 1921) и, конечно, «Ангел Западного окна» (Der Engel vom westlichen Fenster, 1927).

Продолжая анализ главного романа Г. Майринка, обратимся к «выделенному элементу» текста – заглавию – образу Голема. Согласно еврейской легенде, Голем – существо из глины, созданное пражским раввином Иегудой Лев бен Бецалелем в XVI веке. В романе жители Йозефова квартала верили, что глиняное существо появляется на улицах Праги раз в тридцать три года, навевая ужас и страх на его обитателей. Данный легендарный образ в рамках текста романа Г. Майринка представлен в разных ипостасях, что, в свою очередь, предполагает и разные варианты его трактовки.

Репрезентативным для нашей тематики является то обстоятельство, что Голем – это фантастическое, гротескное существо, преследующее жителей гетто (что создает атмосферу ужаса, сближающую роман Г. Майринка с готической традицией). Кроме этого, Голем – это и аллегория «пустого сосуда», символизирующего состояние бездуховного существования людей. Метафорическое и символическое значение образа Голема, а также «путешествия героя по лабиринту» под одной из улиц квартала Йозефа, пребывание его в комнате Голема «без входа» – «Ein Zimmer ohne Zugang» (Майринк: 140)⁴ и пережитые в ней состояния в рамках идей Г. Майринка о пробуждении, неоспоримо несут в себе и авторские смысловые значения [25]. Однако для нашего исследования более значимо то, что образ Голема может быть истолкован и как двойник Атанасиуса Перната:

«Stunden und Stunden kauerte ich da – unbeweglich – in meinem Winkel, ein frosterstartes Gerippe in fremdem, modrigen Kleidern! – Und er drüben: ich selbst» (Майринк: 141).

«Долгие часы сидел я здесь, съезжившись, неподвижно, в своем углу – закоченевший скелет в чужом истлевшем платье! И он там: он – это я!» (Майринк: 70)⁵.

Тема двойничества – важнейшая категория в романтизме, являющаяся одной из основных как у Э. Т. А. Гофмана, так и в литературе эпохи романтизма в целом (достаточно вспомнить роман «Эликсиры Сатаны» (Die Elixiere des Teufels, 1815) и рассказ «Песочный человек» (Der Sandmann, 1817) [21]). Двойник у романтиков, во-первых, раскрывает внутреннее, глубинное содержание личности героя; во-вторых, является антиподом, «темной стороной» его личности. У Г. Майринка двойники героев «отражают» их, позволяя либо возвыситься над «телесностью», либо остаться среди филистеров. В подтверждение можно привести наблюдения Ю. В. Каминской: «... [в “Големе”] ... обнаруживается, очевидно, унаследованный от романтиков прием “очуждения путем раздвоения”, широко представленный в творчестве Гофмана» [10: 71]. Голем, таким образом, у Г. Майринка – отражение, «воплощение изнанки героя» [7: 9]. Как пишет А. В. Теличко, «образ Голема становится необходимым условием самооформления главного героя – и в первую очередь обретения телесности» [17: 81]. В целом мотив поиска духовного пути, подлинного пробуждения героя, противопоставляемого существованию общества обывателей, – один из основных в произведениях Г. Майринка от «Голема» до «Ангела Западного окна».

Традиции романтизма, повлиявшие на новые литературные течения рубежа веков, вместе

с популярностью психоанализа, эзотерических и оккультных практик, спиритизма и пр., нашли отражение во всех романах писателя. Фантастические и гротескные, inferнальные образы, возникающие на страницах произведений, позволяют писателю углубиться во внутреннее «Я» героев, отбрасывая «скорлупу» внешней бездуховной оболочки и «големического» (неготового, непробужденного) существования филистерского общества.

Проявление «романтической» тенденции и связанной с ней готической традиции можно проследить также в рассказах и повестях Г. Ф. Лавкрафта⁶. Так, в центре большинства произведений американского фантаста – сюжет об исследовании не изведанных ранее местностей, затерянных городов и построек древних времен, скрывающих зловещие тайны. Важно заметить, что зачастую герои Лавкрафта – ученые-одиночки, озвучивающие «непопулярные» в научном обществе идеи, исследующие оккультные тексты или создающие новейшие аппараты, приводящие к ужасающим открытиям. Здесь отмечается более рациональная, научно-фантастическая трактовка романтического героя, противопоставленного миру обывателей и по своей сути аналогичного герою-художнику, герою-творцу у романтиков.

Страх как ключевой концепт «Лавкрафтовских ужасов» в целом присущ литературе Америки, обращаясь, по словам Д. Г. Лоуренса, к «национальному бессознательному» американцев: «Архетипический страх перед чужой землей <...> наложил печать ужаса и безысходности на всю американскую литературу» (цит. по: [12: 85]). Концепт страха наиболее ярко проявляется в литературе времен фронта и позднее в произведениях ярких представителей романтизма, Э. А. По, Н. Готорна и многих других [1: 54], считаемых Г. Ф. Лавкрафтом. Так, «романтический» интерес к открытию новых территорий у многих американских писателей, в контексте нашего исследования – фантастов, от Э. А. По до Г. Ф. Лавкрафта, неразрывно связан с фронтирной тематикой, создающей своеобразие американского романтизма (и его переосмысления в XX веке).

Особенность мироощущения Г. Ф. Лавкрафта заключается в том, что исследование тайн неизведанных земель или загадок космоса несет явную угрозу психическому здоровью и жизни его героев, а также существованию всего человечества. В этом явное отличие и новаторство Лавкрафта, с одной стороны, приближающее его к романтикам, с другой – переносящее эти романтические тенденции в реалии начала XX века: всеобщего ощущения кризиса чело-

вечества, приближения неизбежного его конца. Приведем цитату из повести «Хребты безумия» (*At the Mountains of Madness*, 1936), подтверждающую эту мысль:

«But now that Starkweather-Moore party is organising, and with a thoroughness far beyond anything our outfit attempted. If not dissuaded, they will get to the innermost nucleus of the antarctic and melt and bore till they bring up that which may end the world we know»⁷.

«Но теперь готовится экспедиция Старкуэзера-Мура <...>. Если их не разубедить, они проникнут в самое сердце Антарктики и станут бурить и плавить, пока не извлекут на свет божий нечто такое, что погубит земной мир, каким мы его знаем» (Лавкрафт: 189)⁸.

Противопоставление потустороннего и посюстороннего миров, характерное для фантастики и проистекающее в том числе из романтического двоемирия, у американского писателя окрашивается в крайне пессимистичные оттенки. Данная особенность в целом перекликается и с «романтической» тягой к хаосу. Как писал в свое время Н. Я. Берковский, интерес романтиков к изображению хаоса «объясняется дурными предчувствиями, – до них доходил порою подземный гул истории, не благоприятствующий им» [5: 26]. То же самое заметно и в творчестве Г. Ф. Лавкрафта.

В связи с представленными выше примерами трансформации идеи двоемирия, а также концепта страха в творчестве американского фантаста стоит затронуть и «готические» мотивы, неразрывно связанные с романтизмом и характерные для Г. Ф. Лавкрафта. Большой поклонник Э. А. По, Г. Ф. Лавкрафт перенимает у гениального предшественника любовь к мрачной атмосфере, ощущению присутствия потусторонних сил и зловещей тайны, а также открыто ссылается на американского мистика. Например, герои-исследователи в «Хребтах безумия», блуждая по лабиринтам в ледяных пещерах, слышат «отсутствующее в человеческом языке, но грозное и необычайно важное» (Лавкрафт: 262) слово «Текели-ли», которое, по словам рассказчика, звучало у Э. А. По в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» (*The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket*, 1838). Атмосфера неуловимой опасности, передаваемая заимствованными словами-звуками (с этими звуками к героям приближаются подземные чудовища шогготы), позволяет Лавкрафту достичь мистического эффекта в духе самого Э. А. По, усиленного также гнетущей атмосферой древних руин и мрачных подземелий.

Наследие Э. А. По можно проследить во многих произведениях американского фантаста. Стоит отметить, что интерес Э. А. По к «ночной

стороне души», в частности к разнообразным психическим отклонениям, ярко перекликается с поэтикой Г. Ф. Лавкрафта, а в отдельных случаях и Г. Майринка. Так, в рассказе Э. А. По «Повесть крутых гор» (A Tale of the Ragged Mountains, 1844) герой, страдающий от нервных припадков и сонного паралича, впад в особое состояние полусна-полуяви, переживает события, случившиеся много лет назад в Индии с покойным другом его врача-психиатра. Данная сюжетная мотивировка аналогична (за исключением символической нагрузки) фабуле романа «Голем» Г. Майринка, где сновидец, как известно, переживает события, произошедшие с другим человеком. Так, помимо явной связи творчества Г. Ф. Лавкрафта с Э. А. По, мы полагаем, что значительное влияние американский романтик оказал и на Г. Майринка, что может стать материалом для последующих компаративистских исследований.

Связывая творчество Г. Ф. Лавкрафта с наследием другого выдающегося романтика – Э. Т. А. Гофмана, отметим, что некоторые из рассказов Г. Ф. Лавкрафта вполне вписываются в «гофмановское» (и в целом романтическое) видение героя-творца (демиурга). Так, в рассказе «Музыка Эриха Цанна» (The Music of Erich Zann, 1922) (название которого, несомненно, отсылает нас к немецкой литературе) герой пытается отыскать улицу д'Осейль, не указанную на картах. Мотив поиска таинственной улицы / таинственного дома обнаруживается и у Г. Майринка в «Големе», в котором Атанасиус Пернат сумел (в отличие от героя Лавкрафта) отыскать не существующий в материальной реальности дом «у последнего фонаря» на улице Алхимиков. В финале романа в нем будут «жить» несостарившиеся Атанасиус Пернат и его возлюбленная Мириам. Сходство мотива, связанного с мистическими событиями и духовными открытиями героев, помимо прочего, в очередной раз позволяет говорить о влиянии творчества Г. Майринка на Г. Ф. Лавкрафта.

В доме, расположенном на улице д'Осейль, герою ранее довелось слышать «таинственные мотивы», исполняемые стариком на скрипке:

«It was not that the sounds were hideous, for they were not; but that they held vibrations suggesting nothing on this globe of earth, and that at certain intervals they assumed a symphonic quality which I could hardly conceive as produced by one player. Certainly, Erich Zann was a genius of wild power» (Lovecraft);

«Нельзя сказать, что эти звуки были зловещими – нет, не были; просто ничего подобного этому звучанию не было на земле, а порой оно казалось симфоническим, таким, что трудно было поверить, что оно создается одним-единственным музыкантом. Несомненно, Эрих

Цанн был каким-то самородным гением» (Лавкрафт: 146)¹⁰.

Экзальтированное состояние героя-старика, исполняющего неземную музыку на своей скрипке, связывает данный рассказ с центральной идеей творческого начала в романтизме. По словам Н. Я. Берковского, «персонажам романтиков достаточно сыграть музыку, свою или чужую, чтобы дать знать о себе, кто они такие» [5: 43]. В исследуемом рассказе музыка – стихия, вначале организующая, а после перестраивающая и разрушающая реальность:

«In his frenzied strains I could almost see shadowy satyrs and Bacchanals <...> And as I stood there looking in terror, the wind blew out both the candles in that ancient peaked garret, leaving me in savage and impenetrable darkness with chaos and pandemonium before me...» (Lovecraft);

«При звуках его бешеных мотивов мне представлялись сумрачные фигуры сатиров и вакханок <...>. И пока я стоял и смотрел в ужасе, порыв ветра задул обе свечи, оставляя меня окутанным жестокой и непроницаемой тьмой, с хаосом и крошечным адом перед глазами и демоническими завываниями отгоняющей тьмы виолы за спиной» (Лавкрафт: 149–150).

Стоит отметить, что, исполняя свои мелодии, Эрих Цанн «старался производить как можно больше звуков, словно хотел что-то отогнать, услатить прочь» (Лавкрафт: 148). Это нечто, что-то «довольно жуткое» – потусторонние сущности и миры, находящиеся за окном комнаты старика. По словам исследователя немецкого романтизма Ф. П. Федорова, у Э. Т. А. Гофмана «художник, музыкант – это отражение “царства духов”, слышащий “царство духов”, он это “царство духов” хранит в своей душе и воспроизводит в музыке» [21: 105]. Так же и в исследуемом рассказе старик-музыкант оказывается проводником между посюсторонним и потусторонним мирами – миром гармонии и красоты и миром хаоса и ужаса. Гофмановский мотив трансформируется Лавкрафтом в духе его мифотворчества: знающий читатель в упоминаемых «необычайно» низких нотах «доносящейся откуда-то издалека мелодии» (Лавкрафт: 147) обнаружит связь с мифологией Ктулху и идеями писателя о чудовищах, обитающих в глубине океана и хаосе Вселенной. Смерть старика-музыканта в конце рассказа можно рассматривать как уход писателя от романтической традиции: исполняемая гением-творцом музыка перестает быть силой, побеждающей мрак и хаос. Так, в конце концов, Эрих Цанн погибает, а его скрипка продолжает издавать «мерзкие завывания» (Лавкрафт: 160), что говорит о торжестве потусторонних сил и хаоса.

Все отмеченное выше вместе с атмосферой ужаса, пронизывающей практически все про-

изведения писателя, а также идеями фантаста о несовершенстве человечества и невозможности познания им Вселенной указывают на значительную трансформацию романтической традиции Г. Ф. Лавкрафтом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования с применением современных подходов компаративистики впервые был продемонстрирован опыт сравнительного анализа произведений двух ярчайших представителей австрийской и американской литературы, Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта, творивших в кризисное время смены эстетической и гуманистической парадигм. В основу сопоставления была положена гипотеза о связи творческих интенций писателей-фантастов с романтизмом (использовании ими «романтических» приемов поэтики, таких как двоемирие и двойничество, а также обращении к ее «готической» составляющей – атмосфере страха и ужаса), влиянии Э. Т. А. Гофмана и Э. А. По на природу героев и фантастического.

Исходя из «сравнительной поэтики» (термин Г. А. Тиме) обоих писателей можно заключить, что в произведениях и Г. Майринка, и Г. Ф. Лавкрафта присутствует тип протагониста, которого можно охарактеризовать как героя «романтического», противопоставленного обществу обывателей и стремящегося к познанию, выходу за пределы «тварного» мира к «трансцендентному». Вместе с тем в ходе исследования были выявлены черты трансформации традиционного образа романтического героя и основных категорий романтического направления в произведениях писателей.

Так, путь инициации, духовного «пробуждения» романтического героя романа Г. Майринка возможен в том числе через встречу с «демоническими» двойниками. Образ Голема, «демонического» двойника главного героя – резчика камней, художника и «демиурга» Атанасиуса Перната, с одной стороны, возвращает нас к романтическому методу и «готической» фольклорной составляющей – еврейской легенде о глиняном чудовище. Трансформация же данных аспектов заключается в использовании «демонического» двойника как «символа» некоего ис-

ходного состояния, преодоление которого ведет героя в вечный (трансцендентный) мир, в чем выражается глубокая переработка писателем мистических учений того времени.

Во многих произведениях Г. Ф. Лавкрафта обнаруживается схожее с героями Г. Майринка стремление к познанию и, как следствие, проявление «романтического» типа героя в научно-фантастической трансформации. Герои-ученые, исследователи переживают экзистенциальный опыт встречи с потусторонним (в чем, помимо прочего, прослеживается прием романтического двоемирия в его «фантастическом» прочтении). Этот опыт, вызывающий у героев ужас и страх, призван открыть перед ними новые грани познания себя и мира. Особенность творчества и мировоззрения Г. Ф. Лавкрафта – разочарование в готовности человеческой психики к этому опыту. Так, романтический герой, стремящийся к познанию или уже постигший некие трансцендентные тайны (рассказчик-исследователь из «Хребтов безумия»; «гофмановский» по своей сути старик-музыкант из «Музыки Эриха Цанна»), оказывается неспособным противостоять хаосу и ужасу, сходит с ума или погибает. Здесь заметна явная трансформация идей романтизма о силе творчества, искусства и познания против хаоса и смерти.

Предложенные аспекты подтверждают нашу гипотезу о проявлении и трансформации «романтического» метода и поэтики в творчестве обоих писателей. Романтическая традиция вместе с мистическими, оккультными и религиозными веяниями того времени, а также с психоаналитическими тенденциями в литературе позволила оформиться новым направлениям литературы рубежа XIX–XX веков, в которых ключевую роль играла фантастика в разных ее формах. Фантастическая составляющая этих направлений явилась плодотворным фундаментом для преобразования «хаотической» реальности, исследования глубин внутреннего «Я» и тайн мироздания, что было проанализировано в творчестве Г. Майринка и Г. Ф. Лавкрафта – писателей, переосмысливших и трансформировавших, согласно эстетическим веяниям времени и собственному духовному, во многом трагическому, опыту особенности романтического мировидения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sperber H. Motiv und Wort bei Gustav Meyrink // Motiv und Wort. Studien zur Literatur- und Sprachpsychologie. Leipzig: O. R. Reisland, 1918. S. 7–52.

² Заломкина Г. В. Готический миф как литературный феномен: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2011. 44 с.

³ Напомним, что в центре романа – сон рассказчика, который, надев по ошибке шляпу Атанасиуса Перната, попадает в его «реальность».

- ⁴ Майринк Г. Der Golem = Голем / Г. Майринк (G. Meyrink). М.: АСТ, 2023. На немецком языке цитируется по этому изданию: в круглых скобках фамилия автора и через двоеточие страницы.
- ⁵ Майринк Г. Голем / Пер. с нем. Д. Л. Выготского; Послел. А. Г. Дугина; Комментар. А. Г. Дугина и В. Ю. Крюкова. М., 1989. На русском языке цитируется по этому изданию: в круглых скобках фамилия автора и через двоеточие страницы.
- ⁶ К самым известным по данной тематике можно отнести повести и рассказы «Зов Ктулху» (The Call of Cthulhu, 1926), «Хребты безумия» (At the Mountains of Madness, 1936), «Шепчущий во тьме» (The Whisperer in Darkness, 1931) и другие из т. н. «Мифов Ктулху» (Cthulhu Mythos), а также из сочинений более фэнтезийной направленности условного «Цикла снов» (The Dream Cycle).
- ⁷ Lovecraft H. P. At the Mountains of Madness [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/mm.aspx> (дата обращения 25.02.2024).
- ⁸ Лавкрафт Г. Ф. Хребты безумия // Зов Ктулху: [Сб.: Пер. с англ.]. СПб.: Азбука, 2015. Цитируется по этому изданию: в круглых скобках фамилия автора и через двоеточие страницы.
- ⁹ Lovecraft H. P. The Music of Erich Zann [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/mez.aspx> (дата обращения 25.02.2024). Далее цитируется по этому изданию: в круглых скобках фамилия автора.
- ¹⁰ Лавкрафт Г. Ф. Музыка Эриха Цанна // Сны Ктулху: [Сб.: Пер. с англ.]. М.: АСТ, 2021. Далее цитируется по этому изданию: в круглых скобках фамилия автора и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедова У. С. «Мифология ужаса» Г. Ф. Лавкрафта и традиции американского романтизма // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 5 (43). С. 53–58.
2. Баршт К. А. Литературоведение в России. Основные теории и концепции. М.: Флинта, 2022. 384 с.
3. Белобратов А. В. Вена и Санкт-Петербург на рубеже веков: культурные интерференции (Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen). СПб.: Петербург–XXI век, 2001. 751 с.
4. Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП «Интерпринт», 1990. 47 с.
5. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
6. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 320 с.
7. Гладиллин Н. В. «Гофманиана» в романе Густава Майринка «Голем» // Успехи современной науки. 2016. Т. 4, № 7. С. 6–12.
8. Горбовский А. А. В круге вечного возвращения? Три гипотезы. М.: Знание, 1989. 48 с.
9. Жеребин А. И. Философская проза Австрии в русской перспективе: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2006. 530 с.
10. Каминская Ю. В. Романы Г. Майринка 1910-х гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 140 с.
11. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1999. 308 с.
12. Козлов А. С. Мифологическое направление в литературоведении США: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1984. 175 с.
13. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
14. Михина М. В. Эдгар Аллан По, новелист, поэт, теоретик и французская поэзия второй половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 217 с.
15. Носачев П. Г. Симпатия к черной фантастике: исследование принципов конструирования эзотерического мифа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41 (1). С. 218–239. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-41-1-218-239
16. Сафрон Е. А. Традиции творчества Э. Т. А. Гофмана в отечественном городском фэнтези // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 84–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.605
17. Теличко А. В. Поэтологические особенности романов Г. Майринка: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. Ломоносова, 2014. 190 с.
18. Тиме Г. А. Вместо предисловия. О философском дискурсе, компаративизме и «культурном трансфере» // Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
19. Тиме Г. А. О некоторых тенденциях современной компаративистики (Теоретические и практические аспекты) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб.: Наука, 1996. С. 387–395.
20. Ушакова О. М. Модернизм: о границах понятия // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 109–114.
21. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с.
22. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Изд-во Московского пед. гос. ун-та, 2003. 434 с.

23. Шайтанов И. О. Литературная компаративистика в XIX в. Антология. Т. 1: Становление метода / Под общ. ред. И. О. Шайтанова. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 443 с.
24. Шарапенкова Н. Г. «Огненная симфония»: романы Андрея Белого и Густава Майринка в типологическом освещении // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. Вып. 6, № 6. С. 110–120. DOI: 10.20339/PhS.6-22.110
25. Шарапенкова Н. Г. Роман «Москва» Андрея Белого в диалоге с австрийской литературой XX века (на примере романа Г. Майринка «Голем») // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 137–153. DOI: 10.17223/24099554/18/7
26. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: В 2 т.: Пер. с нем. Т. 2 / Сост., ред. А. В. Гулыга; Примеч. М. И. Левиной и А. В. Михайлова. М.: Мысль, 1989. 636 с.
27. Эвола Ю. Предисловие к итальянскому изданию романа // Майринк Г. Ангел Западного окна: Роман / Пер. с нем. В. Крюкова; Комментар. В. Крюкова, Л. Винаровой. М.: Ладомир, 2000. С. 371–378.
28. Этквинд А. М. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. М.: Гнозис: Прогресс-Комплек, 1994. 376 с.
29. Bloom H. The western canon. The books and school of the ages. New York: Riverhead Books, 1994. 578 p.
30. Bowers K., Holland K. Dostoevsky studies in North America // Literature of the Americas. 2021. № 11. P. 225–238. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-225-238
31. Carter L. Lovecraft: A look behind the “Cthulhu Mythos”. New York: Ballantine Books, 1972. 198 p.
32. Joshi S. T., Schultz D. E. An H. P. Lovecraft encyclopedia. Westport: Greenwood Press, 2001. 339 p.
33. Keyserling A. Die Metaphysik des Uhrmachers von Gustav Meyrink. Wien: Verlag der Palme, 1966. 62 S.
34. Lovecraft H. P. Supernatural horror in literature [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/shil.aspx> (дата обращения 25.02.2024).
35. Sprague de Camp L. Lovecraft: A biography. New York: Doubleday and Company, Inc., 1975. 510 p.

Поступила в редакцию 27.02.2024; принята к печати 15.05.2024

Original article

Maria I. Timoshkina, Senior Lecturer, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0009-0002-5812-2249; mari.macha94@gmail.com

Natalia G. Sharapenkova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-2161-7494; natshar@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE ROMANTIC TRADITION IN THE WORKS OF GUSTAV MEYRINK AND HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT

Abstract. The relevance of the article lies in conducting comparative analysis of the works of one of the brightest representatives of the Prague literary school, Gustav Meyrink, and a prominent American fantasy writer, Howard Phillips Lovecraft, who influenced the modern “horror literature”, from the perspective of them using and transforming the techniques and motifs of the Romantic tradition. The theoretical and methodological basis of the research is grounded in the works of foreign and Russian scholars in the field of literary studies, as well as the texts of the studied authors – Meyrink’s novel *The Golem* and Lovecraft’s novella “At the Mountains of Madness” and his short story “The Music of Erich Zann”. The study revealed the traditional images and motifs of Gothic literature (for example, motifs of fear, horror, and mystery borrowed from Edgar Allan Poe’s works, among other sources), closely intertwined with the Romanticism poetics and forming the unique fantasy fiction of both writers. A special emphasis in the article is placed on the transformation of the techniques of Romantic duality and doppelgangers, the opposition between the hero-demiurge and philistine society, as well as the idea of creativity as a higher force opposed to chaos and death (in comparison with the same motifs in Ernst Theodor Amadeus Hoffmann’s texts). The research findings suggest that the transformation of the Romantic tradition in Meyrink’s novel is manifested through immersing into psychoanalysis, as well as into occult and spiritual teachings, practiced by the writer in order to explore his inner “self”. Furthermore, it is revealed that after encountering the otherworldly forces Meyrink’s hero experiences a metamorphosis, overcomes the “golemic” in himself, and discovers the true higher reality. By contrast, in Lovecraft’s works, skillfully combining horror and science fiction, romantic heroes (scientists, travelers, musicians) descend to chaos, spiritual powerlessness, and disappointment in the comprehension of the universe during their “romantic” pursuit.

Keywords: modernism, fantasy, Romantic tradition, duality, doppelganger, hero, Gustav Meyrink, Howard Phillips Lovecraft, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Edgar Allan Poe

For citation: Timoshkina, M. I., Sharapenkova, N. G. Transformation of the Romantic tradition in the works of Gustav Meyrink and Howard Phillips Lovecraft. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):85–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1062

REFERENCES

1. Akhmedova, U. S. H. Ph. Lovecraft's "Mythology of Horror" and the traditions of American Romanticism. *Cultural Studies of Russian South*. 2011;5(43):53–58. (In Russ.)
2. Barsht, K. A. Literature studies in Russia: Main theories and concepts. Moscow, 2022. 384 p. (In Russ.)
3. Belobratov, A. V. Vienna and St. Petersburg at the turn of the century: cultural interferences (Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen). St. Petersburg, 2001. 751 p. (In Russ.)
4. Berdyaev, N. A. The crisis of art. Moscow, 1990. 47 p. (In Russ.)
5. Berkovsky, N. Ya. Romanticism in Germany. St. Petersburg, 2001. 512 p. (In Russ.)
6. Broitman, S. N. Historical poetics. Moscow, 2001. 320 p. (In Russ.)
7. Gladilin, N. V. "Hoffmaniana" in Gustav Meyrink's novel *The Golem*. *Modern Science Success*. 2016;4(7):6–12. (In Russ.)
8. Gorbovsky, A. A. In the circle of eternal return? Three hypotheses. Moscow, 1989. 48 p. (In Russ.)
9. Zherebin, A. I. Philosophical prose of Austria from Russian perspective: Diss. Dr. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2006. 530 p. (In Russ.)
10. Kaminskaya, Yu. V. Gustav Meyrink's novels of the 1910s. St. Petersburg, 2004. 140 p. (In Russ.)
11. Kovtun, E. N. Poetics of the extraordinary: Artistic worlds of fiction, fairy tale, utopia, parable, and myth (Based on the material of European literature of the first half of the XX century). Moscow, 1999. 308 p. (In Russ.)
12. Kozlov, A. S. Mythological direction in the US Literary studies. Moscow, 1984. 175 p. (In Russ.)
13. Losev, A. F. Esthetics of the Renaissance. Moscow, 1978. 623 p. (In Russ.)
14. Mikhina, M. V. Edgar Allan Poe, a novelist, poet, theorist, and French poetry of the second half of the XIX century: Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 1999. 217 p. (In Russ.)
15. Nosachev, P. G. Sympathy for black fiction: a study of the construction of an esoteric myth. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2023;41(1):218–239. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-41-1-218-239 (In Russ.)
16. Safron, E. A. Hoffmannian traditions in domestic urban fantasy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):84–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.605 (In Russ.)
17. Telichko, A. V. Poetological features of Gustav Meyrink's novels: Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2014. 190 p. (In Russ.)
18. Time, G. A. In lieu of a preface. Concerning philosophical discourse, comparativism and "cultural transfer". *Russia and Germany: philosophical discourse in the Russian literature of the XIX and XX centuries*. St. Petersburg, 2011. 456 p. (In Russ.)
19. Time, G. A. Some tendencies of contemporary comparativistics (Theoretical and practical aspects). *Russia, West, and East: countercurrents. Celebrating the 100th anniversary of Academician M. P. Alekseev*. St. Petersburg, 1996. P. 387–395. (In Russ.)
20. Ushakova, O. M. Modernism: On the limits of the term. *Perm University Herald*. 2010;6(12):109–114. (In Russ.)
21. Fedorov, F. P. Artistic world of the German Romanticism: Structure and semantics. Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)
22. Tsvetkov, Yu. L. Literature of Vienna Art Nouveau: Diss. Dr. Sc. (Philology). Moscow, 2003. 434 p. (In Russ.)
23. Shaitanov, I. O. Literary comparativistics in the XIX century. Anthology. Vol. 1: Formation of the method. Moscow, 2021. 443 p. (In Russ.)
24. Sharapenkova, N. G. "The Fiery Symphony": novels by Andrey Bely and Gustav Meyrink through typological perspective. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2022;6(6):110–120. DOI: 10.20339/PhS.6-22.110 (In Russ.)
25. Sharapenkova, N. G. Moscow by Andrei Bely in the dialogue with Austrian literature of the 20th century (a case study of Gustav Meyrink's *The Golem*). *Imagology and Comparative Studies*. 2022;18:137–153. DOI: 10.17223/24099554/18/7 (In Russ.)
26. Schelling, F. W. J. Works in 2 vols.: Translated from German. Vol. 2. (A. V. Gulyga, Ed.). Moscow, 1989. 636 p. (In Russ.)
27. Evola, G. A foreword to the Italian edition of the novel. *Meyrink, G. Der Engel vom westlichen Fenster*. Moscow, 2000. P. 371–378. (In Russ.)
28. Etkind, A. M. Eros of the Impossible: The history of psychoanalysis in Russia. Moscow, 1994. 376 p. (In Russ.)
29. Bloom, H. The western canon. The books and school of the ages. New York, 1994. 578 p.
30. Bowers, K., Holland, K. Dostoevsky studies in North America. *Literature of the Americas*. 2021;11:225–238. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-225-238
31. Carter, L. Lovecraft: A look behind the "Cthulhu Mythos". New York, 1972. 198 p.
32. Joshi, S. T., Schultz, D. E. An H. P. Lovecraft encyclopedia. Westport, 2001. 339 p.
33. Keyserling, A. Die Metaphysik des Uhrmachers von Gustav Meyrink. Wien, 1966. 62 s.
34. Lovecraft, H. P. Supernatural horror in literature. Available at: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/essays/shil.aspx> (accessed 25.02.2024).
35. Sprague de Camp, L. Lovecraft: A biography. New York, 1975. 510 p.

Received: 27 February 2024; accepted: 15 May 2024

ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА ЗАРЫТОВСКАЯ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9910-7913; zarytovskaya_vn@pfur.ru

НАГИБ МАХФУЗ – ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ ИЗ АРАБСКОГО МИРА: ПЕРВЫЙ ИЛИ ЕДИНСТВЕННЫЙ?

А н н о т а ц и я . Редкое награждение арабоязычных авторов международными литературными премиями, и в первую очередь Нобелевской премией, волнует в основном интеллигенцию и критиков из Арабского мира. Тем не менее поиск ответа на этот вопрос подразумевает глубокое понимание парадигмы развития восточных национальных литератур, заставляет обратиться к сравнительному литературоведению, ставит проблему полноценности и полноты переводов с арабского на европейские языки и многие другие актуальные литературоведческие вопросы. Цель данной работы – проанализировать основания, на которых Нобелевской премии в 1988 году был удостоен египетский писатель Нагиб Махфуз, и обозначить потенциальных претендентов из Арабского мира на получение высоких международных премий. Используя в большей степени культурно-исторический и биографический методы и социологизм, мы опирались на материалы арабской и западной прессы, тексты самого Нагиба Махфуза, научные исследования по истории арабской литературы отечественных востоковедов. Была сделана попытка решить ряд задач: определить особенности развития арабской литературы, выделить творчество и личность Нагиба Махфуза в ряду других арабских писателей XX века, объяснить феномен «периферийности» переводных современных арабских романов и др. Результатом исследования стали утверждения о недооцененности потенциала современных арабских писателей при существовании на то объективных причин и предположение о выдвижении на международные премии в ближайшее время представителей Арабского мира, двое из которых являются выпускниками российских вузов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Нобелевская премия по литературе, арабская литература, Нагиб Махфуз, «Дети нашей улицы», современные арабские писатели

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зарытовская В. Н. Нагиб Махфуз – лауреат Нобелевской премии по литературе из Арабского мира: первый или единственный? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 95–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1063

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ежегодно на международную премию арабской художественной литературы «Арабский Букер» (ИРАФ, существует с 2008 года), согласно статистике, выдвигается порядка двух сотен прозаических произведений крупного формата [10]. Книги-номинанты проходят двухступенчатый отбор в лонг- и шорт-листы, а роман-победитель переводится на английский, кроме того, романы шорт-листа редко остаются не замеченными западными издателями. Однако среди арабских писателей, представляющих 26 стран, за всю историю Нобелевской премии (с 1901 года) появился лишь один лауреат – египетский прозаик Нагиб Махфуз (1911–2006). В разное время на премию выдвигались такие египетские

классики, как Таха Хусейн (1889–1973), считающийся «старейшиной арабской литературы»; трижды в 40-х годах прошлого столетия номинировался Юсуф Идрис (1927–1991), названный критиками «арабским Чеховым»; Тауфик аль-Хаким (1898–1987) в 1970-е годы; «Симона де Бовуар Арабского мира» Наваль аль-Саадави (1931–2021); из ныне живущих – сирийский поэт Адонис (р. 1930) в 2018 году [11]. Все эти факты свидетельствуют о глобальности и сложности проблемы признания арабской литературы в мире. Очевидно, что некая периферийность современной арабской литературы и ее «догоняющий» характер не случайны и имеют глубокие основания. Также очевидно, что они не связаны исключительно с политикой, как утверждение, что в 1949 году Таха Хусейн не получил премию

из-за непримиримой позиции по палестинской проблеме на фоне арабо-израильской войны 1947–1949 годов [12].

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

До Нового времени арабская литература была рассинхронизирована с европейской, которая а priori принимается нами за общемировую, и не вписывалась в ее жанровую классификацию.

Парадоксально, но золотой век арабской литературы пришелся на VI век н. э. Это так называемые поэты доисламской эпохи – Имру аль-Кайс, Тарафа, Лябид, Антара и др., творившие в таких жанрах, как *хиджа* – критика врага, *сар* – песнь отмщения, *насиб* – любовная песня с определенной структурой и других жанрах, имеющих свои особенности [7]. Отечественный арабист академик И. Ю. Крачковский (1883–1951), стоявший у истоков советской школы востоковедения, писал об этой поэзии:

«Эта, оказавшаяся такой могучей и жизненной, поэзия встает перед нами... в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества: при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов» [4: 98].

На волне раннего расцвета поэзии арабская словесность пережила подъем в эпоху Халифата (Омейядского со столицей в Дамаске в VII–VIII веках, Аббасидского со столицей в Багдаде в VIII–XIII веках). Вобрав в себя словесные традиции и духовный потенциал народов, вошедших в Халифат, эта литература отличалась плодотворностью и разнообразием жанров (были особые винные стихи – *аль-хамрийят*, лирико-философская поэзия – *зухдийят*, послания – *рисаля*, изысканная плутовская новелла – *макама* и др.) [8: 223]. После распада Халифата вследствие объективных исторических причин началась длительная стагнация, арабская литература изменила свое поступательное развитие, в ней стали господствовать жанры, которые принято называть низкими (например, народный роман). В этот период арабский язык не был государственным в Османской империи, в состав которой вошла большая часть арабских территорий.

Новая веха для арабской литературы началась, скорее всего, не ранее похода Наполеона в Египет (1798–1801 годы). Значимость этого события во взаимоотношениях Востока и Запада подчеркивал американский литературовед и теоретик культуры палестинского происхождения Эдвард

Саид (1935–2003), автор важнейшего для востоковедения труда «Ориентализм». С этой хронологической точки, как показывает Э. Саид, началось серьезное изучение Востока Западом [6: 67], а европейские поэты принялись писать многочисленные подражания в восточном стиле (В. Гюго «Восточные мотивы», Ж. де Нерваль «Путешествие на восток» и др.) [10]. Позднее, в начале XX века, арабские ученые, мыслители и писатели интенсивно переводили западные труды, получали в Европе образование, достаточно вспомнить положившую начало этому миссию египтян во главе с шейхом Рифаа ат-Тахави, посланных правителем Мухаммедом Али с 1926 по 1931 год получать образование в Париж [1]. Арабская литература влилась в общемировой литературный процесс, но стала играть роль «догоняющей». Только тогда сложилась

«принципиально новая система прозаических, поэтических и драматургических жанров, типологически совпадающая с жанровой системой современной литературы Запада. На первое место в этой системе выдвинулась проза, и именно роман» [3: 4].

С начала XX века арабская литература в ускоренном темпе проходит все этапы от классицизма и реализма до постмодернизма и сегодня ставит вопрос как о своей индивидуальности, так и самостоятельности и креативности.

СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО Н. МАХФУЗА

Египетский писатель Нагиб Махфуз – выдающийся художник, осмысливший и запечатлевший в жанре соцреализма жизнь своей страны за прошедшее столетие («Хан аль-Халили», «Каирская трилогия», «Болтовня над Нилом», «Уважаемый господин» и др.), мыслитель, окончивший философский факультет Каирского университета, талантливый киносценарист – получил мировое признание, удостоившись в 1988 году Нобелевской премии по литературе.

Вершиной творчества Нагиба Махфуза считается роман «Дети нашей улицы» (1959) (в английском переводе – «Children of Gebelawi», «Children of our Alley»), сыгравший судьбоносную в жизни писателя роль. В этом произведении объемом более 500 страниц Махфуз попытался в метафорической форме охватить духовную историю человечества с его поиском Бога, справедливости и счастья (каждая из глав в метафорической форме показывает иудаизм, христианство, ислам и атеизм). За него в том числе писатель получил в Швеции Нобелевскую премию и приобрел мировую известность, но из-за него же он подвергся нападкам в своей стране как на страницах прес-

сы, так и в прямом смысле. Роман был запрещен в Египте. Он был переведен на основные европейские языки и печатался на арабском в Бейруте, однако не выходил книгой в Египте. В самом Каире его можно было купить как контрабандный товар или перепечатать, скопировать. Среди оснований для запрета романа назывались утверждение торжества науки над религией устами одного из героев, изображение египтян порочными, вольное истолкование религиозных догм, упоминание человеческих слабостей пророков [2: 68–69]. В 1994 году радикальный исламист нанес писателю удар ножом в голову, после которого Махфуз выжил, но не смог вести активный образ жизни – общаться с читателями, участвовать в теле- и радиопередачах. Катализатором покушения послужило также то, что в Стокгольме название романа перевели не как «Дети нашей улицы» или близко к этому, а как «Смерть Бога», что являлось в некотором смысле некорректной инициативой шведской стороны, игнорирующей смысл названия романа, данного самим Махфузом, и делало писателя-мусульманина мишенью для радикалов.

ОСНОВАНИЯ ПРИСУЖДЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ Н. МАХФУЗУ

Нагиб Махфуз удостоился внимания мировой общественности далеко не случайно. Как известно, он был награжден столь высокой международной премией с формулировкой «за реализм и богатство оттенков арабского рассказа, который имеет значение для всего человечества» [5].

Арабские критики считают, что помимо прочего в награждении Нагиба Махфуза сыграли роль такие факторы, как:

- в общей сложности он написал около пяти десятков романов и повестей, более сотни рассказов;
- Махфуз оставался пишущим и в 75 лет, то есть он писал на протяжении полувека, практически с одинаковой продуктивностью;
- Махфуз достиг определенных вершин в разработке современного языка арабской литературы;
- большая часть его книг легла в основу киносценариев;
- Махфуз запечатлел полвека истории Египта – ключевой во многих отношениях страны Ближнего Востока [14], [15].

К перечисленному мы можем добавить способность Н. Махфуза творить в совершенно, казалось бы, разных жанрах, откликаясь на самые чувствительные моменты истории и актуальные для своего времени проблемы. Его произведения

представлены в рамках художественной системы соцреализма («Каирская трилогия» (1956–1957)), историческими романами (серия произведений о Древнем Египте, возникшая на волне движения фараонизма и национального самосознания: «Мудрость Хеопса» (1939), «Родопис» (1943), «Борьба Фив» (1944)), а также произведениями модернизма и экспериментальной литературы со второй половины 1960-х годов (роман голосов – «Торжество возвышенного» (1981), переосмысление традиционного жанра рихла – «Путешествие Ибн Фаттумы» (1983)).

Не менее значим, по нашему убеждению, и общечеловеческий характер прозы Махфуза, его гуманная общественная и жизненная позиция. Сразу после нападения, вызвавшего всеобщее сочувствие к Махфузу, несколько газет начали соперничать за право издать роман. Но Нагиб Махфуз был непреклонен. Его единственным условием было официальное одобрение аль-Азхаром публикации романа. А такого не было. Характерна и реакция Нагиба Махфуза на покушение. Председатель Союза египетских писателей Мухаммед Сельмави вспоминал:

«Я был потрясен произошедшим. Направился в больницу рядом с его домом в аль-Агузе. Он рассказал мне обо всем, выразив сочувствие молодому человеку, который напал на него. Он сказал: “Как же ему должно быть тяжело. Он мог стать спортсменом или сделать что-нибудь важное в жизни, но выбрал стать убийцей”. Потом добавил: «Я не держу на него зла. Он жертва”. Когда же Мухаммед Сельмави встретился с этим юношей, тот не выразил раскаяния в содеянном и заявил, что желал бы довести дело до конца, поскольку Махфуз – безбожник, хулитель ислама. При этом юноша признался, что не знаком с романом» [16].

АРАБСКИЕ ПИСАТЕЛИ – ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ НА НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Факт того, что Махфуз является пока единственным арабским нобелевским лауреатом по литературе, позволяет говорить о некоторой недооцененности потенциала современной арабской мысли и арабской художественной эстетики, что, на наш взгляд, связано как с европоцентризмом литературного процесса в целом, так и с такими объективными и практически непреодолимыми сплетениями причин и следствий, как малые объемы перевода с арабского на основные европейские языки, колоссальные лингвокультурологические сложности самого процесса перевода, снижающие достоинства переводимого произведения при его переложении, неглубокая заинтересованность в познании современной

арабской жизни со стороны значительной части неарабского общества и др.

Тем не менее арабская литература была недавно отмечена на международном литературном конкурсе, где номинируются лучшие за календарный год переведенные на английский язык иностранные произведения, – «The Man Booker Prize 2019». Его выиграла оманская писательница Джоха аль-Харти с романом «Небесные тела» («Celestial bodies»). Данная книга является своеобразной энциклопедией истории и традиций султаната Оман, вписанных в историю одной семьи. Джоха аль-Харти стала первой в истории оманской женщиной-писательницей, чьи произведения перевели на английский, и первой, кто из арабоязычных авторов выиграл «The Man Booker Prize».

Арабские критики полагают, что на сегодняшний момент в Арабском мире порядка десятка претендентов на Нобелевскую премию по литературе [11]. Пятерых из них достойными премии считают также аналитики американского журнала «The New Republic» [17]: упомянутого нами сирийского поэта Адониса, ливанскую писательницу, победительницу IPAF Худу Баракят, представителя Сомали Нуруддина Фараха, египтянина Сануллу Ибрагима и ливийца Ибрагима аль-Куни. Отметим, что двое последних получили образование в России. Санулла Ибрагим –

выпускник ВГИКа, а Ибрагим аль-Куни окончил Литературный институт им. М. Горького.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, до настоящего времени только один арабский писатель был удостоен Нобелевской премии. Мы попытались объяснить, почему именно египтянин Нагиб Махфуз был отмечен мировой литературной общественностью, какое место его творчество заняло в современной арабской литературе, какую жизненную позицию занимал сам писатель, имеет ли его наследие общечеловеческую ценность.

На наш взгляд, произведения арабских авторов заслуживают большего внимания литературных кругов. На «догоняющие» позиции арабской литературы был ряд объективных причин – от особенностей ее истории до лингвистических и культурологических трудностей перевода, но сегодня вполне правомерно говорить о состоятельности и креативности арабской литературы и развитии национальных школ перевода с арабского. Мы замечаем растущий интерес к арабоязычной литературе вне Арабского мира, о чем свидетельствует награждение арабской писательницы The Man Booker Prize 2019 и обсуждение на страницах мировой прессы списка арабских авторов, по мнению критики, претендующих на получение Нобелевской премии по литературе в ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ат-Тахтави Р. Р. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука, 2009. 270 с.
2. Зарытовская В. Н. Запрещенный роман Н. Махфуза «Дети нашей улицы» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 65–69.
3. Кирпиченко В. Н. Новая и современная литература Египта (XIX–XX вв.). М.: ИВ РАН, 2003. 88 с.
4. Крачковский И. Ю. Арабская поэзия // Восток. 1924. № 4. С. 97–112.
5. Лауреаты Нобелевской премии в области литературы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://library.khai.edu/pages/nobel/nobel3.html> (дата обращения 01.12.2023).
6. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 639 с.
7. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Марджани, 2016. 322 с.
8. Фильштинский И. М. Литература X–XII вв.: [Арабская литература] // История всемирной литературы. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 232–239.
9. International Prize for Arabic Fiction: About the Prize. Available at: <https://www.arabicfiction.org/en/about-the-prize> (accessed 25.11.2023).
10. Baghdiantz-McCabe I. Orientalism in early modern France: Eurasian trade, exoticism, and the Ancien Regime. London: Bloomsbury Publishing, 2008. 416 p.
11. Kayfa 'arab yumkinuhum al-fawzu bi jaa'izat Nuubiil fi al-'aadaab... hal tabtasimu al-jaaizatu li'ahadihim? Al-yaum as-saabi'. 17.01.2021.
12. Al-mazhluumuuna al-'arabu fii Nuubiil lil'aadaab... Taha Huseyn 'awwalu man tarashshaha wa Yuusuf 'Idriis naafasa 3 marraat. Al-yaum as-saabi'. 20.07.2019.
13. Al-mysriyyuuna wa Nuubiil fi al-'adab... Taha Huseyn wa 'Idriis al-Sa'daawi 'abrazu man rushshiha lilja'izati. Al-yaum as-saabi'. 08.10.2020.
14. 'Udabaa'u 'arab tajaahalalum Nuubiil. Al-khalij. 12.10.2015.
15. Sababu hasuul Najiib Mahfuuz 'alaa jaa'izat Nuubiil. Muwdhuu'. 16.03.2022.
16. Muhammad Salmaawi. Fahmu al-'islaamiina lil'adab qasyur. Al-watan. 30.08.2012.
17. Majjalat 'amriikiyyat turashshihu 5 kuttaab 'arab lilfawz bi Nuubiil fi al-'adab... San'alla wa Aduuniis al-'abraz. Al-yaum as-saabi'. 06.10.2021.

Поступила в редакцию 09.01.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Victoria N. Zarytovskaya, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-9910-7913; zarytovskaya_vn@pfur.ru

NAGUIB MAHFOUZ – NOBEL PRIZE WINNER FOR LITERATURE FROM THE ARAB WORLD: THE FIRST OR THE ONLY?

Abstract. The rare awarding of international literary prizes, primarily the Nobel Prize, to Arabic-language authors worries mainly intellectuals and critics from the Arab world. However, the search for an answer to this question implies a deep understanding of the paradigm of development of Eastern national literatures, forces us to turn to comparative literary studies, and poses the problem of the adequacy and completeness of translations from Arabic into European languages, as well as many other topical issues in the field of literary studies. The purpose of this work is to analyze the grounds on which in 1988 the Nobel Prize was awarded to an Egyptian writer Naguib Mahfouz and to identify potential contenders from the Arab world for receiving high international awards. Using largely cultural-historical and biographical methods and the approach of sociologism, the presented study drew upon the materials from the Arab and Western press, the texts of Naguib Mahfouz himself, and scientific research on the history of Arabic literature by Russian orientalists. An attempt was made to solve several problems: to determine the specific features of the development of Arabic literature, to distinguish the work and personality of Naguib Mahfouz among other Arab writers of the twentieth century, to explain the phenomenon of the “peripherality” of translated modern Arabic novels, etc. The study revealed that modern Arab writers' potential is often underestimated due to various objective factors and predicted that in the near future the representatives of the Arab world would be nominated for international awards, with two of them being graduates of Russian universities.

Keywords: Nobel Prize in Literature, Arabic literature, Naguib Mahfouz, *Children of Gebelawi*, contemporary Arabic writers

Citation: Zarytovskaya, V. N. Naguib Mahfouz – Nobel Prize winner for Literature from the Arab world: the first or the only? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):95–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1063

REFERENCES

1. At-Tahtawi, R. R. Extraction of pure gold from a brief description of Paris, or precious archive of information about Paris. Moscow, 2009. 270 p. (In Russ.)
2. Zarytovskaya, V. N. The prohibited novel of Naguib Mahfouz. *Asia and Africa Today*. 2014;1:65–69. (In Russ.)
3. Kirpichenko, V. N. New and modern literature of Egypt (XIX–XX centuries). Moscow, 2003. 88 p. (In Russ.)
4. Krachkovsky, I. Yu. Arabic poetry. *Vostok*. 1924;4:97–112. (In Russ.)
5. Nobel Prize laureates in Literature. Available at: <https://library.khai.edu/pages/nobel/nobel3.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.)
6. Said, E. W. Orientalism. Western conceptions of the Orient. St. Petersburg, 2006. 639 p. (In Russ.)
7. Shidfar, B. Ya. The figurative system of Arabic classical literature (VI–XII centuries). Moscow, 2016. 322 p. (In Russ.)
8. Filshtinsky, I. M. Literature of the X–XII centuries: [Arabic literature]. *History of world literature*. Vol. 2. Moscow, 1984. P. 232–239. (In Russ.)
9. International Prize for Arabic Fiction: About the Prize. Available at: <https://www.arabicfiction.org/en/about-the-prize> (accessed 25.11.2023).
10. Baghdiantz-McCabe, I. Orientalism in early modern France: Eurasian trade, exoticism, and the Ancien Regime. London, 2008. 416 p.
11. Arab writers who can win the Nobel Prize in Literature. Does the award ever smile at anyone? *The seventh day newspaper*. 17.01.2021.
12. The oppressed Arabs in the Nobel Prize for Literature: Taha Hussein was the first to be nominated, and Youssef Idris competed 3 times. *The seventh day newspaper*. 20.07.2019.
13. The Egyptians and the Nobel Prize in Literature: Taha Hussein and Idris El Saadawi are the most prominent people nominated for the award. *The seventh day newspaper*. 08.10.2020.
14. The reason why Naguib Mahfouz won the Nobel Prize. *Maudou Journal*. 03.16.2022.
15. Arab writers ignored by Nobel. *Al-Khaleej journal*. 12.10.2015.
16. Muhammad Salmawi: Islamists' understanding of literature is short. *Al-watan newspaper*. 30.08.2012.
17. An American magazine nominates 5 Arab writers to win the Nobel Prize in Literature. Sanalla and Adonis are the most prominent. *The seventh day newspaper*. 06.10.2021.

Received: 9 January 2024; accepted: 15 May 2024

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Россий-
ской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ОБРАЗ МОСКВЫ В РУССКОМ ЭПОСЕ И БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

А н н о т а ц и я . Центральным локусом в былинах, к которому устремляются все богатыри, как известно, является Киев. Москва в эпическом пространстве занимает периферийное место. Тем не менее этот топоним, судя по Указателям географических имен в томах серии «Былины» Свода русского фольклора, занимает хотя и не ведущее, но все-таки довольно заметное место. Целью данной статьи является объемное описание роли Москвы в былинах, что до сих пор не было предметом специально-го рассмотрения в фольклористике. Указывается, что в песенно-эпической традиции имеются поздние сюжеты, в которых коллизия развивается не в киевском пространстве, а в московском («Наезд литовцев», «Рахта Рагнозерский»). Исследуются попытки в некоторых текстах вписать классические былинные сюжеты в «московскую эпоху». Равным образом отечественное былиноведение не имеет системного осмысления малочисленных записей эпических песен в Московском регионе, который никогда не привлекал внимание фольклористов. Былинная традиция Московского региона в исследовании рассматривается как дочерняя по отношению к былинам Владимиро-Суздальской Руси. Отмечается, что в данном регионе былины записывались в основном не в деревнях, а в городах (Москва, Коломна), а носителями эпической традиции были не крестьяне, а городские мещане.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Москва, былины, былинные метрополии, Московский регион, записи былин

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. Образ Москвы в русском эпосе и былинная традиция Московского региона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 100–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1064

ВВЕДЕНИЕ

Касаясь пространства в былинах, С. Ю. Неклюдов сделал некоторые важные замечания: «Основным элементом материальной структуры эпического государства являются города, среди которых можно выделить центральные и периферийные» [7: 38]. Города связаны только с русским пространством; «чужое» пространство дается в обобщенном виде, без выделения центра и периферии.

«Подобно тому, как у былинного времени нет аграрной окрашенности, пространство там также по преимуществу городское. Оно имеет облик средневекового феодального города-крепости, окруженного стенами, за которыми располагается потенциально враждебное поле, где в любой момент может появиться враг и где дозором стоят сторожевые заставы. Именно городское пространство оказывается детализированным: былина дает подробные реестры составляющих его частей (мостовые, улочки, переулочки, стены, ворота, дворы, церкви, терема, крылечки, двери и пр.), и за редким исключением персонажами здесь являются городские жители» [7: 41].

Несмотря на то что *Москва* явно не стоит в центре былинного мира, положения, высказанные С. Ю. Неклюдовым, полностью ложатся на образ этого города в былинах.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть два разных, но внутренне взаимосвязанных вопроса: 1) образ Москвы в русском эпосе; 2) былинную традицию Московского региона.

ОБРАЗ МОСКВЫ В БЫЛИНАХ

Очевидно, что Москва в песенно-эпическом сознании русских крестьян занимает гораздо меньшее место, чем Киев. Указатели географических имен в томах серии «Былины» Свода русского фольклора свидетельствуют, что на Пинеге, например, *Москва* зарегистрирована только в восьми былинах; на Мезени – в двух текстах; на Печоре – в четырех; в Западном Поморье – в двух. На Кулое *Москва* не зафиксирована. Правда, на соседнем Зимнем берегу Белого моря этот топоним отмечен в восьми былинах, а если прибавить тек-

сты Марфы Крюковой – еще в 30. На Пудожье зарегистрировано 45 былинных текстов с топонимом *Москва*. В Сибири *Москва* встретилась в двух былинных текстах. Как бы то ни было, эти количественные показатели, без сомнения, свидетельствуют о том, что активное (сущностное) развитие былин прекратилось до времени выдвижения удельного Московского княжества на первые роли в русской истории, то есть до XIV века.

В осмыслении Москвы былинным миром мы можем отметить две тенденции. Первая – это создание сюжетов (поздних сюжетов), в которых коллизия развивается не в киевском пространстве, а в московском. На исходе формирования жанра былин, то есть в XIV веке, возник сюжет «Наезд литовцев». Это единственная былина, в которой по замыслу создателей вражеская угроза направлена не на Киев, а на Москву. Соответственно племянники короля Литовского собираются войной на Москву: «Поедем, братец, на *Святую Русь* / Под матушку *каменну Москву*» (Былины Пудоги, № 540, ст. 86–87; см. также: ст. 92, 98, 114, 118, 158, 187, 205) (см. Список сокращений в конце статьи. При ссылках на тексты былин указываются номер текста и стихи). См. другие пудожские былины «Наезд литовцев»: Былины Пудоги, № 545, ст. 54, 62, 118, 121, 122, 139, 144, 161, 181, 197, 217, 226, 251, 386, 396; № 546, ст. 15, 16. Помимо *Москвы* в сюжете «Наезд литовцев» упоминаются *рубежи Московские* (Былины Пудоги, № 540, ст. 104, 144, 173, 208, 237; № 545, ст. 172, 173, 208, 209, 272; № 551, ст. 172, 175, 224, 251, 254, 266).

В Москве происходит действие еще более поздней былины – «Рахта Рагнозерский» [10]. Этот сюжет сложился на Пудогe в районе Рагнозеро: «неверный» борец приезжает в Москву и требует себе поединщика; мужики-«балахонники» говорят, что с борцом мог бы справиться Рахта Рагнозерский; посылают гонца в деревню Рагнозерскую; Рахта на лыжах отправляется в Москву; побеждает «неверного» борца; просит в награду, чтобы без его дозволения никто не ловил рыбу в его озерышке. См.: Былины Пудоги, № 567, 568, 570, 572, 573, 574; Гильф., № 11; сюжет известен в прозаическом виде в форме предания: Былины Пудоги, № 575, 575, 577, 579, 580, 581, 584, 585, 586.

Вторая тенденция в осмыслении образа Москвы в русском эпосе – попытки в некоторых текстах вписать классические былинные сюжеты в «московскую эпоху». Так, в пинежской былине «Козарин» Артемия Завернина, в отличие от других пинежских текстов, имеющих «древ-

некие» приметы (Чернигов, Галицин / Галич), татарская сила, поднявшаяся «на славную матку *Святую Русь*», полоняет *каменну Москву*. Соответственно спасенная полонянка говорит герою, что она родом «Со *Святой Руси* да из *славной Москвы*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 33). В данном случае происходит прямое замещение киевского мира московским.

Смешение киевского и московского пространств мы находим в пинежской старине М. Д. Кривополеновой на сюжет «Илья Муромец и Идолище». Здесь весть о том, что Чудище захватило Царьград, «перепажнула» «за реку *Москву* / Во тот же как ведь *Киев-град*» (Былины Пинеги, № 15, ст. 14–15; см. также: № 16, ст. 13). Москва-река, как видим, по тексту данной старины находится в пространстве главного города былинной Руси. «*Московские бояры*» упомянуты в мезенской былине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»: Добрыня разрешает своей жене искать себе мужа в случае его гибели среди *московских бояр*, которые по логике былинного мира должны были бы быть *киевскими боярами* (Былины Мезени, № 60, ст. 9).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на относительную редкость упоминания *Москвы* в былинах, город в старинах (а не только в «старших» исторических песнях, например, песнях об Иване Грозном) представляется безусловным центром эпического русского государства, функционально близким к Киеву. Так, в западнопоморской традиции в былине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» богатырь, встретив монахов, спрашивает у них: «Как по старому ли стоит *каменна Москва?*» (Былины Западного Поморья, № 12, ст. 48; см. также: ст. 53; № 14, ст. 43, 45).

В пинежском «Козарине» *Москва* находится в непосредственной и очень тесной связи со *Святой Русью*, то есть по сути топоним является изофункциональным синонимом формулы *Святая Русь*:

«Подымаласе сила татарская,
Што татарская сила бусурманская,
Што на *славную матку Святую Русь*.
Полонили *матку каменну Москву*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 2–5).

В этом тексте, состоящем всего из 47 стихов, формулы *святая Русь* и *каменна (славная) Москва* трижды соседствуют друг с другом.

На Печоре эта же формула зарегистрирована в былине «Дунай-сват». На пиру у Владимира, описывая достойную для князя невесту, Дунай говорит:

«А меньш́ая-то дочь – Опрасенья дочь Семёновна.
А не бывала Опрасенья на *Светой Руси*,
На *Светой Руси* да в *каменной Москве*»

(Былины Печоры, № 122, ст. 60–62; см. также: № 126, ст. 67–68; № 129, ст. 39–40).

В кижском (заонежском) варианте «*Дуная-свата*», начинающемся с упоминания стольного города Киева, Федор Иванович (= Дунай) привозит князю Владимиру невесту, после чего поется слава киевскому князю:

«Вот у нас есть солнышко Владимир-князь,
Владимир князь стольнокиевский:
Нет такового во всей *Руси*

И нет такового в *каменной Москве*» (Рыбн., № 23, ст. 133–136).

В былине «Глеб Володьевич» Марфы Крюковой (Зимний берег Белого моря) главный герой живет в *Москве*, опять-таки сопрягаемой с топонимом *Святая Русь*: «А и как у нас-то ведь-то было на *Светой Руси*, / А и на *Светой Руси*, *славной матушки Москвы*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 29, ст. 1–2; см. также: ст. 24, 316, 349, 509, 521, 529, 726; № 29а, ст. 441).

Находится в сопряжении с Москвой и Киев, причем связь этих городов в былинном тексте может быть разной степени интенсивности. Можно привести примеры, когда в пору говорить о географическом имени-компоните *Киев-Москва*:

«Шьто во *Киеви* пируют, в *камянной Москве*» (Былины Зимнего берега, № 76, ст. 107 – «Дунай-сват»); «Да привёз-то ведь ей в красён-град, / В красён *Киев-град* да в *каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега, № 106, ст. 117–118; см. также: ст. 188–189 – «Иван Годинович»); «Как приходят они-то всё в красен *Киев-град*, / В красён-от град, ишше в *матушку каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега, № 99, ст. 74–75 – «Сорок калик»).

Однако в целом былинный мир разграничивает Москву и Киев. В одном из пудожских вариантов старины «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» Добрыня узнает о предстоящей свадьбе его жены и Алеши Поповича из разговоров голубка и голубки:

«Полетает голуб в *каменну Москву*,
Оставляет голубку на белом шатру.
Зговорит голубка голубчику:
“Не остануси, голубка, на белом шатру.
Полечу с тобой, голубка, в *каменну́ Москву*.
Как нынечу-таперечу
А уехал Добрыня на чисты́ поля,
А оставил Настасью во *Киёви*,
А прошло того времечки ведь шесть годов,
А нын Настасья-то замуж пошла”»

(Былины Пудоги, № 83, ст. 370–379; см. также в этом же эпизоде упоминание Москвы, в то время как события старины вписаны в киевский мир: № 79, ст. 216, 219).

Приведем другие примеры разграничения Москвы и Киева. В пудожском тексте с сюжетом «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» коллизия привязана к имени Дюка Степановича: в его отсутствие Настасья Микулична оказывается просватанной за Алешу Поповича. Дюк, под видом гусяра пришедший на свадьбу, играет на гусельных яровчатых: «А кто был со матушки *каменной Москвы*, / А кто был со стольного со *Киёва* / Всем игра-та полюби пришла» (Былины Пудоги, № 363, ст. 287–289).

В другом пудожском варианте «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» князь Владимир издает указ о том, чтобы в русских городах не было вдов, что и заставляет жену Добрыни согласиться выйти замуж за Алешу Поповича:

«Чтобы не было ўдов во *Киевы*,
Чтобы не было ўдов во *Черниговы*,
Чтобы не было ўдов в *каменной Москве*» (Былины Пудоги, № 103, ст. 63–65).

В былине на этот же сюжет из Выгозера слава о Добрыне разносится по трем городам:

«А й прославился Добрынюшка во *Киёви*,
А й прославился Добрынюшка в *Чернигову*,
А й в матушке Добрыня в *каменной Москве*» (Гильф., № 187, ст. 19–21).

Разделяя Киев и Москву, Марфа Крюкова в былине «Илья Муромец и Идолище» вкладывает в уста богатыря, узнавшего о беде в Киеве, опасения: «Мне ведь и жаль-то всё ведь и города-то *Киева*, / Не проехал бы Идолишшо в *каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 10а, ст. 182–183).

Топоним *Москва* сопрягается также с еще одним эпическим локусом, обладающим безусловной ценностью в былинной картине мира, – с *Новгородом*. На Мезени в былине «Василий Буслаев и новгородцы» об отце богатыря сказано: «...с *Москвой* нонче не споровал, / С *Новым-городом* не перечилса» (Былины Мезени, № 188, ст. 3–4; см. также: № 189, ст. 1–2; Гильф., № 30, ст. 2 – Повенец). В пудожской былине о Василии Буслаеве начало таково:

«Жил Буслав девяносто лет,
Со *Новым городом* не спаривал,
Со *Опсковым* он не вздоривал,
А со матушкой *Москвой* не перечилса»
(Былины Пудоги, № 507, ст. 2–5).

См. также в кижских вариантах этого же сюжета: «С *Новым градом* не перечилса, / С *каменной Москвой* спору не было» (Гильф., № 141, ст. 6–7; см. также: ст. 36–37, 185–186). Эта же фор-

мула зарегистрирована в печорской былине «Добрыня и Маринка», где, соответственно, относится к отцу Добрыни: «Он с *Новыма* ле *городами* не говаривал, / А с *каменной-то* жил *Москвой* – не перечилса» (Былины Печоры, № 23, ст. 4–5).

В одной из былин Марфы Крюковой Добрыня князю Владимиру, ищущему себе достойную невесту, заявляет, что его суженая находится не на *Святой Руси*, не в *каменной Москве*, не в *Новгороде*, а у короля Ляхоминского (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 20, ст. 141–143; см. № 20а, ст. 24–28). В былине «Михаил Потык» герой зовет на свою свадьбу с Авдотьюшкой Дикияновной гостей из *Москвы* и *Новгорода* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 19а, ст. 309).

Марфа Крюкова нередко три ценностных локуса – *Киев*, *Новгород* и *Москва* – предлагает в одном контексте. Так, о Святогоре говорится:

«И он не можот жить во городах славных российских-то,
А и не в *Москвы* не можот жить же он, не в *Новэ-градэ*,
А и он не можот жить жо всё во городи во *Киеви* –
Его не можотжо носить да мать сыра зёмля»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 36, ст. 32–35).

В былине «Илья Муромец на заставе» Илья после победы над чужеземным богатырем предлагает ему дать обещание не ездить на *Святую Русь* в *каменну Москву*, *славный Новгород* и *славный Киев-град* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 11, ст. 454–456).

Оплакивая гибель Василия Буслаева, его дружинишка причитывает:

«Не поедет боле он да от во *Нов же град*,
Вот не съездит боле Васильюшко в *каменнү Моськву*,
Не бывать боле Васильюшку во *Киеве*»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 27а, ст. 625–627).

В былинах Марфы Крюковой, нередко завершающихся концовкой, выстроенной на традиционном мотиве «синему морю на потишанье», регулярным становится включение в эту концовку, приобретающую явные черты индивидуального сказительского творчества, топонима *Москва*. Так, в старине «Илья Муромец и Идолище» Марфа Крюкова в концовке соединяет топонимы *Киев* и *Москва*:

«Как ведь той нашей старинушке конец и пришол.
Как ведь *славному Чорну морюшку* на тишину,
Нашему городу-ту *Киеву* на споминаньицо,
Славной матушке каменной Москвы на чесь-хвалу великую,

Вам, премудрые ведь люди, на прописаньицо»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 10а, ст. 385–390).

В старине «Турица и туры»:

«Как ведь той-то всё старинушки конец пришол.
Как ведь *славному-ту морюшку Хвалыньскому*,
Как ему-то всё на тишину великую,
Славну Киеву-ту городу на спокойе ему,
Нашу *матушку каменнү Моську* на чесь-то всё,

на славушку великую,
Вам, премудрым-ти людям-ти, на росписаньице»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 26а, ст. 160–165).

Включение *Москвы* в концовку старин у сказительницы, оказавшейся под руководством собирателей, без сомнения, было вызвано идеологическими установками советского времени. *Москва*, столица Советского Союза, играла большую роль в так называемых новинах – идеологически ориентированных произведениях, созданных усилиями собирателей и сказителей. Марфа Крюкова, как известно, была одной из успешных былинщиц, работавших в области новин. Именно поэтому *Москва* избыточно попадает и в традиционные старины былинщицы. В некоторых ее текстах, где *Москва* ни разу не упоминается, этот топоним все-таки возникает в концовке. Так, в старине «Чурила Пленкович» читаем:

«Как ведь той нашей старинушке конец и пришол.
Славну морю-ту ведь и *Чорному* на тишину,
А *Непрю-реки* на славушку ведь ей, скажу,
Как и матушке-то нашей каменной *Москвы*
Эта старинушка на чесь-славу великую»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 21а, ст. 654–660).

См. также включение топонима *Москва* в концовку былин «Вольга и Микула» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 2в, ст. 861), «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (№ 5а, ст. 526), «Исцеление Ильи Муромца» (№ 8а, ст. 431), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (№ 9а, ст. 626), «Три поездки Ильи Муромца» (№ 15а, ст. 558), «Сухман» (№ 24а, ст. 411), «Василий Богуслаевич» (№ 27а, ст. 672), «Садко» (№ 28а, ст. 843).

Москва попадает в перечень самых ценностных русских городов. Идолище в пудожской старине хвастает:

«Я прошел по всем землям, по всем ордам,
Я *Казань-Рязань* прошел да *Вострокань*,
Уж я был я в городи во *Киеви*,
Я недавно ль был да во *Чернигови*,
Я сейчас иду из *каменной Москвы*»

(Былины Пудогги, № 345, ст. 220–224).

Былины знают *Московскую заставу*, на которой стоят русские богатыри. Кижская былина «Илья Муромец и нахвальщик» Т. Г. Рябинина начинается стихами:

«На славной на *Московской* на *заставы*
Стояло двенадцать богатырей без единого.
По них, по славной *Московской заставы*,
Пехотою никто не прохаживал»

(Рыбн., № 5, ст. 1–4; см. также: ст. 33, 34; повторная запись от Т. Г. Рябины: Гильф., № 77, ст. 1, 3, 36, 59).

Московская застава упоминается и в других былинах Т. Г. Рябины: «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (Рыбн., № 7, ст. 87, 203).

В былинах мы можем найти пока еще неустойчивую тенденцию детализировать внутригородское пространство Москвы (детализация городского пространства полноценное развитие получит в «старших» исторических песнях). Одна из значимых ценностных частей реально-исторической *Москвы* в былинном мире севернорусских крестьян превратилась в отдельный город – *Кремлев-город*. Так, в пинежской былинке «Алеша Попович и Тугарин» богатырь, выехав из родного Ростова, у чудного креста выбирает, куда ехать: в *Кремлев-город*, Чернигов или Киев. *Кремлев* он отвергает, так как там вина дешевы, что может стать причиной того, что Алеша Попович и его спутники, упившись, заслужат недобрую славу:

«Как перва-та дорога, широка рощань, –
Ко славному ко городу *Кремлеву*;
Что во *Кремлевы* вина дешевы»
(Былины Пинеги, № 46, ст. 21–23).

В пудожском материале имеется неожиданный внутримосковский топоним *Вшивая горка*. Напомним: это историческое название урочища в *Москве*, расположенного на холме на юго-востоке города за рекой Яуза. В летописях и других письменных источниках *Вшивая горка* упоминается с 1476 года. Топоним был освоен в исторических песнях XVI века («Гнев Ивана Грозного на сына»), откуда, как мы считаем, был перенесен в былинны.

Пудожский вариант «Добрыни и Маринки» начинается со строки: «Жила честна вдова Офимья Александровна / В *Москве* на *Горке* на *Вшивой*» (Былины Пудоги, № 61, ст. 1–2; см. также: ст. 73–74, 84–85; сказитель П. Л. Калинин, запись 1871 года). В «Наезде литовцев» также упоминается *Вшивая горка*:

«А на той было на *горочки* на *Вшивы* / Старый Никитушка Романович / А проведаль тут же он победушку» (Былины Пудоги, № 543, ст. 77–79; сказитель Трофим Романов, запись начала 1860-х годов).

Несколько слов следует сказать о топониме *Москва-река*. Это географическое имя оказалось слабо востребованным былинной традицией. Оно не зарегистрировано на Печоре, Мезени,

Кулое и Пудоге. Единично *Москва-река* встретилась на Пинеге. В сюжете «Илья Муромец и Идолице», как мы уже замечали, «Перепахнула вес[т]ка (о нашествии проклятого Цюдишша на Царьград. – Т. И.) за *реку Москву* / Во тот же как ведь Киев-град / К тому жа ведь да к Ильи Муровицю» (Былины Пинеги, № 15, ст. 14–16; см. также: № 16, ст. 13).

В кенозерской «Старине о большом быке» один из героев (Зеновка), воруя у Рободановича быка, «скочил за *Москву* за *реку*» (Гильф., № 297, ст. 36; см. также: № 303, ст. 50, 81).

На Зимнем берегу топоним *Москва-река* фиксируется исключительно в былинах Марфы Крюковой, у которой, как мы указали, избыточность *Москвы* обусловлена ее особым положением в культурном пространстве советского времени. У этой сказительницы *Москву-реку* мы находим в концовках старин. Как правило, этот топоним появляется рядом с *Хвалынским* или *Черным морем*, что вполне логично: былина поется морю на «потышенья», *реке* же *Москве* воздается честь-хвала:

«Той старинушки конец пришел.
Славну морюшку Хвалынскому на тишину,
А Москвы-реки на честь, на славушку на великую»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 316, ст. 821–823 – «Соломан и царь Василий Окулович»).

«Э и славу *морюшку Чорному* на тишину,
А Москвы-реки на честь, на славушку великую»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 1а, ст. 465–466 – «Волх Всеславьевич»).

См. также: № 2б, ст. 740 – «Вольга и Микула»; № 3б, ст. 461 – «Святогор и Илья Муромец»; № 4а, ст. 389 – «Добрыня Никитич и Змей»; № 4б, ст. 478 – «Добрыня Никитич и Змей»; № 14а, ст. 881 – «Камское побоище»; № 17б, ст. 469 – «Бой Добрыни и Алеши с татаринном»; № 19а, ст. 553 – «Михайло Потык»; № 22б, ст. 659 – «Соловей Будимирович»; № 23а, ст. 916 – «Данило Ловчанин»; № 25а, ст. 451 – «Василий Игнатьевич и Батыга»; № 35, ст. 70 – «Съезд Добрыни и Настасьи».

О высоком статусе *Москвы* в эпическом сознании свидетельствует включение этого географического имени в контексты, в которых заключается оценочность того или иного былинного предмета. В пинежской старине «Илья Муромец и разбойники» богатырь заявляет станичникам (разбойникам), что третьей пуговке на его шубе «цены здесь нет»: «И только есь она да у царя в *Москвы*, / У царя в *Москвы* да в золотой казны!» (Былины Пинеги, № 24, ст. 35–36).

Равным образом в сибирском варианте «Дюка Степановича» стрелы богатыря с драгоценными камнями гости-корабельщики собирают и при-

возят в *каменну Москву* (РЭПС, № 31, ст. 26), то есть в самый богатый город. В другом сибирском тексте – «Илья Муромце на Соколе-корабле» – Илья, находящийся на корабле, хваля свои сапоги, говорит: «Сапоги вы, сапоги, издалеча везены, / Издалеча везены, из *матушки Москвы!*» (РЭПС, № 40, ст. 38).

Москва может входить в топос наигрышей, которые играют герои. Добрыня Никитич-гуслия

«Перву струночку повел с *Киева*,
Другу струночку с *Чернигова*,
Третью струночку с *каменной Москвы!*»
(Былины Пудogi, № 103, ст. 183–185).

«Ён ведь начал струночки натягивать.
Ён перву наладил – с града с *Киева*,
Ён другу наладил – из *Чернигова*,
Ён ведь третьюю – из *каменной Москвы!*»
(Былины Пудogi, № 84, ст. 188–291).

Несмотря на достаточно частое упоминание топонима *Москва* в былинах и высокий статус города в былинном мире, а также несмотря на то, что в XVI веке Москва стала безусловной столицей Руси, специально подчеркнем: формула *стольная Москва* ни разу в былинах не встретилась. «Стольным» в песенно-эпическом пространстве прочно остается только Киев. От Киева в языке былин Москва позаимствовала другой эпитет, менее статусный – *славная Москва*: «Я сама красна девица со Святой Руси, / Со Святой Руси да из *славной Москвы!*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 32–33 – «Козарин»). Отметим, что эпитет «славная» по отношению к Москве отнюдь не является частотным. На Пинеге приведенный пример единичен; на Печоре и Мезени данный эпитет не зафиксирован. В обширном пудожском материале «славная» встретилась всего 5 раз. На Зимнем берегу он отмечен в 4 текстах (9 словоупотреблений); правда, в былинах Марфы Крюковой, очень любящей этот эпитет, *Москва* названа «славной» 43 раза.

Топоним *Москва*, однако, не мог не породить формулотворчества, то есть создания формул, характеризующих исключительно Москву. Для Москвы севернорусские сказители, как видно из приведенных выше примеров, нашли эпитет «каменная», который, скорее всего, возник в связи с развернувшимся в конце XV века каменным строительством в деревянной дотеле Москве. Эпитет абсолютно частотен на Пудогe, как уже следует из приведенных цитат.

Былинный материал дает нам также эпитет «белокаменная». См.: Былины Пудogi, № 551, ст. 57, 73, 76, 84, 96, 148, 154, 158, 160, 188, 209, 218, 236, 245, 257, 395, 400, 401 – «Наезд литов-

цев»; № 567, ст. 5, 41, 65, 71 – «Рахта Рагнозерский».

Москва, как и в других русских культурных пластах, в устах сказителей получает дефинитив «матушка»: «Подымались татара на *матушку камену Москву!*» (Былины Пинеги, № 87, ст. 4; см. также: № 85, ст. 5 – *матка каменна Москва*). О Буславии, отце Василия Буслаева, в кижской старине сказано: «Со *матушкой каменной Москвой* вовек не бранивался» (Рыбн., № 73, ст. 4). См. дефинитив «матушка» у *Москвы*: Былины Зимнего берега, № 42, ст. 91, 233; № 76, ст. 46, 94, 101; № 99, ст. 75, 163; № 107, ст. 54; № 126, ст. 91, 190, 209 и др.; Былины Пудogi, № 360, ст. 22; № 363, ст. 8, 287; № 439, ст. 1, 4, 11, 21, 32, 41, 43, 49, 77, 101, 117 и др. На Печоре же и Мезени родительский дефинитив отсутствует.

На материале пинежской былинной традиции отчетливо проявляются некоторые процессы, определяющие общие закономерности развития русского эпоса. В частности, на примере былины «Илья Муромец и разбойники» видно, как на древнекиевский пласт эпической традиции накладываются черты Московской Руси. Большинство пинежских старин на названный сюжет на Пинеге вписывают повествуемые события в киевский мир: путь-дорога, на которой Илья Муромец встречает разбойников, пролегает от *Мурома* (*Мурова*, *Мурона*) и *села Карачарова* до *Киева* (или просто из *Мурома*, или из *Киева*). Однако в ряде текстов дорога проходит «Среди <...> *царства Московского* <...> среди восударства Российского» (Былины Пинеги, № 28, ст. 1–2; см. также: № 24, ст. 1; № 35, ст. 1) и даже «среди *Москвы*, в *Кремле-городе!*» (Былины Пинеги, № 24, ст. 3). Подобный зачин былины (с формулой *царство Московское*), без сомнения, сложился довольно поздно – в период Московской Руси. Очевидно также, что формула *государство Российское* не могла появиться ранее XVIII века, что свидетельствует об определенной продуктивной динамичности эпической традиции на поздних этапах ее существования. Формула *царство Московское*, *государство Российское*, скорее всего, пинежской былиной «Илья Муромец и разбойники» позаимствована из исторической песни «Петр I на молебне в Благовещенском соборе», зафиксированной только на Пинеге¹ (эта песня, по свидетельству исполнителей, пелась мужчинами во время свадебного обряда).

В былинах мы можем найти примеры, когда в топониме *Москва* неожиданно появляются признаки «чужого» мира. Так, в кижской старине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» Терентия Ивлева *Москва* сочета-

ется с *Литвой*. Князь Владимир посылает Добрыню «Во ту да в матушку в *каменну Москву*, / Во *каменну Москву* да в *хоробру Литву*» (Гильф., № 100, ст. 17–18). Ту же формулу мы находим и в другой былине этого сказителя – в «*Дунаевсвате*» (Гильф., № 102, ст. 78–79).

В одном из пудожских вариантов «Наезда литовцев» *Москва* оказывается связанной с *Золотой Ордой*, что, естественно, является признаком начала разрушения эпической традиции. Племянники короля Политовского решают:

«А поедем-ка мы, братцы, в *каменну Москву*,
В *каменну Москву* да в *Золоту Орду!*»
Приезжали тут они да в *каменну Москву*,
В *каменную ту Москву* да в *Золоту Орду*.
Розорили тут они *каменну Москву*,
Каменну Москву да *Золоту Орду*»

(Былины Пудоги, № 543, ст. 66–71; см. также: ст. 29, 30, 36, 80, 167, 168; № 542, ст. 25, 26, 28, 29, 30, 45–48, 129).

В повенецком варианте находим ту же формулу с *Золотой Ордой*. «Два витовца» (= ливики) решают: «Ехати нам в *каменну Москву*, / В *каменну Москву*, *Золоту Орду*» (Рыбн., № 115, ст. 25–26; см. также: ст. 29–30, 45–47; Гильф., № 12, ст. 29–30, 36–37, 67–72, 81, 169–170 – оба варианта записаны от П. Л. Калинина).

Смещение координат «свой» / «чужой» по отношению к *Москве*, без сомнения, является отражением процессов разрушения былинной традиции. В целом же активное использование имени *Москва* в песенно-эпическом пространстве свидетельствует о том, что и после окончательного формирования жанра былин этот вид народной поэзии, выполняя свою функцию исторической памяти русского народа, продолжал чутко откликаться на исторические изменения. Эпический мир не оставался консервативно-окаменевшим, он реагировал на новые исторические реалии.

БЫЛИНЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В Центральной России, в том числе и в Московском регионе, былины, как известно, в XIX веке были записаны в единичных плохо сохранившихся вариантах. Тем не менее зафиксированный материал, мало что добавляющий к пониманию того или иного сюжета, требует своего осмысления с точки зрения формирования и распространения песенного эпоса по территории Руси.

Выскажем два положения, из которых мы будем исходить, пытаясь осмыслить былинную традицию Московского региона. Нам уже приходилось выдвигать положение об иерархии «былинных метрополий» [6]. Под «**материн-**

ской» метрополией мы понимаем территорию, на которой в X–XIII веках складывался русский эпос. Нижняя временная граница определяется созданием Киевского государства (X век); верхняя, XIII век, – это начало татарского ига, в результате которого в эпосе сформировался образ татар – главного врага русских богатырей. «Материнская» метрополия – это прежде всего Киевская земля (Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Суздаль, Галич), на которой сложились образы князя Владимира, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Дюка Степановича, Чурилы Пленковича. Подчеркнем, что большинство былиноведов признают, что эпос формировался первоначально как областной и только на этапе завершения его сложения стал общерусским. Вторая «материнская» метрополия – Новгород, давший былинам таких персонажей, как Садко и Василий Буслаев. Былины Новгорода слились воедино с произведениями Киевской земли и составили общерусский эпический репертуар.

Следующую позицию в иерархии метрополий занимают «**колониционные» метрополии**, актуальные для периода XII–XVI веков, когда происходила активная славянская колонизация Русского Севера, Поволжья и Сибири, сохранивших до XIX–XX веков весомую песенно-эпическую традицию. Напомним, что в фольклористике обсуждается проблема новгородской и ростово-суздальской колонизаций Русского Севера. В 1894 году В. Ф. Миллер в статье «Наблюдения над географическим распространением былин» предложил так называемую «новгородскую теорию» происхождения севернорусской былинной традиции². Суть концепции ученого сводится к следующему: не только былины с новгородскими аксессуарами, но многие сюжеты киевского цикла сложились в Новгороде; былины сохранились в тех регионах Русского Севера, которые подвергались новгородской колонизации; «низовская» (ростовская, верхневолжская) колонизация былин с собой не несла. Эта точка зрения получила поддержку в обстоятельной монографии С. И. Дмитриевой [3]. Данную гипотезу полностью поддерживают С. Н. Азбелев [1], В. П. Аникин [2], Б. А. Рыбаков [8].

По нашему мнению [5], песенно-эпическая традиция Русского Севера складывалась благодаря и новгородскому, и ростово-суздальскому колониционным потокам. Исторические документы позволяют сделать вывод, что новгородское влияние в основном сказывалось в таких регионах, как Заонежье, Пудожье, Западное Поморье, Двинская земля (низовья

Северной Двины), Зимний берег Белого моря. Безусловное ростово-суздальское присутствие отмечается на Белом озере, в Каргополье, в Великом Устюге. Таким образом, мы и Новгород, и Ростовские земли считаем метрополиями, откуда былинная традиция проникала на Русский Север.

Севернорусский регион, давший объемный былинный материал, позволяет выделить понятие **«региональные» метрополии** – древние славянские географические точки на Русском Севере, откуда песенно-эпическая традиция разворачивалась на окружающие территории. Это средневековые города (села), откуда шло славянское освоение севернорусских земель, например, с. Шала на Пудожском берегу Онежского озера, Белоозеро, Каргополь на реке Онеге, Колмогоры / Холмогоры на Северной Двине, Кегрола / Кеврола на Пинеге и др.

Последними в иерархии метрополий могут считаться **«локальные» метрополии**. Мы различаем понятия «региональный» и «локальный» в иерархическом аспекте. Термин «региональный» применим к большой территории с единой исторической судьбой и культурными особенностями; «локальный» – к более мелкой территориальной единице, определяемой теми же параметрами, но входящей в «региональную» традицию. Типично локальными метрополиями на Русском Севере являются села Сума (Сумской Посад) для Поморского берега Белого моря, Варзуга для Терского берега, Усть-Цильма для Печоры и т. д.

Оперирование сформулированной нами иерархией метрополий для Центральной России, в силу малого количества записей и разбросанности их по разным регионам, оказывается затруднительным. Однако некоторые предположения можно высказать. Москву, на наш взгляд, можно рассматривать как третью колонизационную метрополию – причем и для Русского Севера, и для Центральной России. Без сомнения, когда во второй половине XIII века началось медленное выдвижение захолустного Московского княжества на первые роли в историческом процессе, Москва знала былинную традицию, о чем свидетельствуют остатки эпоса, записанные и в самом городе, и в губернии в XIX веке. Возникновение мощного пласта «старших» исторических песен XVI века – «московских» по всем своим аксессуарам – представляется невозможным без их опоры на более раннюю эпическую традицию, восходящую к древнему Киеву. Подчеркнем, однако, что в Москве бытовал уже сложившийся, а не складывающийся эпос.

Второе положение, которое, на наш взгляд, важно для понимания песенного эпоса Центральной России, заключается в утверждении тезиса о существовании развитой былинной традиции на этой территории в средние века. Этот тезис признается отнюдь не безоговорочно. Ранее затухание традиции в Центральной России к XIX веку, когда на Русском Севере, в Поволжье и Сибири былины еще продолжали полнокровно жить, вызвано, на наш взгляд, тем, что одна из функций эпоса – отстаивание этнического «мы» – для этих территорий, где аборигенное население (финно-угорские племена) было ассимилировано очень рано, к XVIII–XIX векам перестало быть актуальным. Русским людям в регионе Центральной России не надо было посредством эпических форм заявлять иноэтническим соседям о своем национальном сознании [4], [5]. К тому же интенсивность исторической жизни Центральной России, втянутость ее населения в бурные исторические процессы стирали память о Киевской Руси, заставляя устную традицию активно откликаться на новые события XVI–XVIII веков, результатом чего стали исторические песни.

Былинную традицию Московского региона, мы полагаем, с большой долей вероятности следует вести из Владимиро-Суздальского княжества. Согласно нашей концепции, былины складывались в трех основных точках: Киево-Черниговский регион (князь Владимир, Чурила Пленкович); Муромо-Рязанское княжество (Илья Муромец, Добрыня Никитич); Ростово-Суздальско-Владимирские земли (Алеша Попович). В первом тысячелетии нашей эры земли Москвы были территорией финно-угорского племени меря. Вятичи (славянские племена) здесь появились не позднее IX века. Согласно Ипатьевской летописи, в городке Москов Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий в 1147 году встретился со своим союзником Новгород-Северским князем Святославом Ольговичем. Рядом с Московом (Москвой) находилось село Кучково, принадлежавшее суздальскому боярину Кучке, который был убит по приказу Юрия Долгорукого. Нам важно подчеркнуть, что Москва на раннем этапе ее истории в XII – первой половине XIII века принадлежала Ростово-Суздальскому (чуть позднее – Владимиро-Суздальскому) княжеству и была пограничной крепостью этого княжества на западном направлении.

После смерти великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо (младший сын Юрия Долгорукого) Москва в составе Владимиро-Суздальского княжества досталась его второму сыну

Юрию Всеволодовичу. В 1238 году Москва была сожжена монголо-татарами. После кончины в 1263 году Александра Невского, сидевшего на Владимирском престоле, Москва стала самостоятельным уделом его младшего сына – Даниила Александровича (1261–1303; Московский князь ок. 1277–1303). Завещание Москвы младшему сыну свидетельствует о незначительности этого удела на ранних этапах существования города. Возвышение Москвы начинается со времен Даниила Александровича. Сыновья Даниила Александровича – Юрий (ок. 1281–1325; Московский князь в 1303–1325) и Иван Калита (ок. 1283 или 1288–1340; Московский князь 1325–1340) – при соперничестве с другими князьями смогли от Орды получить великокняжеский ярлык на Московское княжество и одновременно удержать за собой Владимирское княжение.

Подчеркнем еще раз: у нас есть все основания считать, что некогда существовавшая былинная традиция Москвы была дочерней традицией Владимиро-Суздальских земель.

Укажем, что в первой половине XIX века былинное знание еще наличествовало в самой Москве, а носителями его были представители мещанского сословия. В Москве в 1830–1840-е годы П. В. Киреевский от 70-летней мещанки записал былину «Алеша Попович и братья Бродовичи»³. В 1893 году в Москве были зафиксированы старины «Илья Муромец и разбойники» (записал С. И. Лапшин от мещанина Сергея Вонифатьева), «Добрыня и Маринка» и «Василий Буслаевич и новгородцы»⁴ (обе зафиксировал С. И. Лапшин от московского мещанина И. А. Лапшина). В сборнике «Русские былины старой и новой записи», где опубликованы эти записи, в конце издания имеется нотация (4 стиха) былины «Добрыня и Маринка»⁵.

П. В. Киреевский (или его окружение) записывал былины и в ближайшем Подмосковье – в *Звенигородском уезде*. В 1833 году в селе *Воронки* был зарегистрирован сюжет «Илья Муромец и разбойники»⁶. Воронки стоят у слияния ручья Праслиха с речкой Вороной Брод (впадает в старицу Москвы-реки) – по правую сторону почтового тракта из Москвы в Звенигород. Недалеко находится знаменитый музей-усадьба Архангельское. В 1859 году в д. Воронки, владельческой, числилось 26 дворов (80 муж., 86 жен.)⁷. Село Ильинское, близ которого находятся Воронки, – это место летнего отдыха семьи Киреевских-Елагиных. Именно с Ильинского началась планомерная фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность П. В. Киреевского [9: 152–153]. В настоящее время это территория Красногорского района Московской области, расположенного к северо-западу от Москвы.

Остатки былинной традиции зарегистрированы также в *Коломенском уезде*, находящемся на востоке Московской губернии. В этом уезде было записано две былины: в самом городе *Коломне* А. Н. Островский зафиксировал былинный текст на сюжет «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»⁸; в д. *Лантева (Лантево)* зарегистрирована былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник», вошедшая в издание «Песен, собранных П. В. Киреевским»⁹.

Коломна является одним из древнейших городов Подмосковья; находится у впадения реки Москвы в Оку. Коломна впервые упоминается в 1177 году в Лаврентьевской летописи как пограничный пост Муромо-Рязанского княжества. В 1301 году Коломну захватил Московский князь Даниил Александрович. Это была первая территория, присоединенная им к Москве. Коломна с этого времени стала служить Москве пограничным городом, в котором собирались в случае военных походов русские войска. В 1380 году здесь перед Куликовской битвой собирал свое войско Дмитрий Донской. В 1385 году Коломну неожиданно взял великий князь Олег Иванович Рязанский (ум. 1402), помнивший о былой принадлежности города Рязанскому княжеству. Город был возвращен Москве лишь через несколько лет при содействии Сергия Радонежского¹⁰.

В г. Коломне в 1859 году числилось 1390 домов (6939 муж., 6846 жен.), стояло 18 церквей, два монастыря, было 6 фабрик, 14 заводов, пристань, уездное училище, женское училище¹¹. В 1897 году в городе проживало 20 277 человек¹².

Сельцо *Лантево*, где была записана былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник», по справочникам числится как владельческое, стоящее при речке Хочёмке (левый приток р. Каширки, в свою очередь, являющейся левым притоком Оки). Сельцо стоит в 40 верстах от Коломны по правую сторону Каширского тракта; в 1859 году насчитывало 22 двора (84 муж., 55 жен.)¹³. Из представленной исторической справки о Коломне следует, что в XII–XIII веках город входил в Рязанское княжество, и даже в конце XIV века князь Олег Рязанский заявлял на него свои права. Напомним, что Рязань и Коломна связаны друг с другом рекой Окой. Осторожно можно предположить, что остатки былинной традиции Коломенского уезда восходят к временам Рязанского княжества. Однако, учитывая долгое пребывание Коломны в составе Московского княжества, равным образом можно предполагать и московские корни местной песенно-эпической традиции.

Сведем приведенные данные в таблицу.

Год	Место записи и сказитель	Собиратель	Сюжет	Издание
1830–1840-е	Москва 70-летняя мещанка	П. В. Киреевский	Алеша Попович и се-стра Бродовичей	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 64–66
1893	Москва мещанин Сергей Вонифатьев	С. И. Лапшин	Илья Муромец и разбойники	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 3
1893	Москва мещанин И. А. Лапшин	С. И. Лапшин	Добрыня и Маринка	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 23
1893	Москва мещанин И. А. Лапшин	С. И. Лапшин	Василий Буслаев и новгородцы	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 64
1833	с. Воронки Звенигородского у.	П. В. Киреевский	Илья Муромец и разбойники	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 16–17
до 1877	г. Коломна	А. Н. Островский	Бой Добрыни с Ильей Муромцем	Русские народные песни, собранные П. В. Шейном // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 17
до 1860	д. Лаптево Коломенского у.		Илья Муромец и Соловей-разбойник	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 30–31

Таким образом, в Московском регионе зафиксировано 7 текстов. Кратко охарактеризуем московские былины.

«Илья Муромец и Соловей-разбойник» (20 стихов). Краткое изложение основного (ключевого) эпизода в сюжете: встреча Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, свист чудовища, убийство его каленой стрелой. В московской былине отсутствует начальная коллизия исцеления Ильи Муромца и отправки его в Киев. Текст начинается с того, что Илья «далече во чистом поле» ищет себе «противничка». Сохраняется образ дубов («Как наехал он на три дуба столетние, / На столетние вековечные»). Богатырь не пленяет Соловья-разбойника (и соответственно не везет его в Киев), а сразу же его убивает.

«Илья Муромец и разбойники» (2 варианта). Вариант, записанный П. В. Киреевским (23 стиха). Краткое изложение сюжета; после каждого стиха повторяется рефрен «Здуниной, най». Богатырь именуется не Ильей Муромцем, а Илюшенькой. Герой не убивает разбойников, а «Запускает стрелу в мать сыру землю: / Где калена стрела шла, на косую сажень драла». На этом текст заканчивается. По-видимому, стрела устрасила разбойников.

Вариант, записанный С. И. Лапшиным (27 стихов). Обычное разворачивание коллизии: на героя нападают разбойники; он говорит, что помимо «сермяжки» в 50 рублей и 700 стрел по 5 рублей с него взять нечего; стреляет в сырой дуб; разбойники пугаются и падают на колени. В начале текста богатырь называется «старый», что характерно и для севернорусских вариантов, где опускается имя Ильи Муромца. Со ст. 19 богатырь получает имя – Добрыня. Переадресов-

ка сюжета Добрыне Никитичу, без сомнения, является следствием активных процессов разрушения традиции. В былине имеется топоним Царьград: «Не привел же мне Господь Бог в Царьграде быть, / Я бы всех турок, турчаночек повырубил». По-видимому, это отдаленный отголосок знаний о захвате Османской империей Константинополя (Царьграда) и одновременно рефлексия на многочисленные русско-турецкие войны XVIII–XIX веков.

Варианты, записанные П. В. Киреевским и С. И. Лапшиным, как следует из изложения, являются разными версиями сюжета «Илья Муромец и разбойники».

«Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (19 стихов). Сюжет о поединке русских богатырей, традиционно заканчивающийся их братанием, в московской былине разворачивается необычно. В координатах «свой» / «чужой» в этом тексте Илья Муромец рисуется как «свой» герой, а Добрыня неожиданно получает характеристику «чужого» богатыря. Былина начинается с похвальбы Добрыни, выезжающего из Царьграда: «Я и Киев славный городочек мимоходом его возьму, / А Илью Муромца, Ильюху, в ногах его стопчу, / А Российского князи Владимира мечом голову срублю». Далее дается традиционная картина седлания Ильей Муромцем коня и кратко говорится о его победе: «И предал его Добрынюшку злой смерти».

Очевидно, что подобный поворот сюжета является следствием разложения песенно-эпической традиции в Московском регионе.

«Добрыня и Маринка» (52 стиха). В начале текста излагается эпизод из сюжета «До-

брыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»: Добрыня просит у матери благословения, чтобы в чистом поле найти «брата названого» старого казака Илью Муромца; затем следует наказ жене ждать его девять лет, а потом идти замуж, но не за Алешу Поповича. Далее не совсем логично разворачивается полный сюжет «Добрыня и Маринка»: называется стольный Киев, по которому Добрыне захотелось погулять, причем он специально ищет Маришкина двора; Илья Муромец предупреждает героя об опасности (у Маришки «Шелковая трава и железный тын, / На каждой на тычинушке по головушке есть»); Добрыня все-таки идет к Маришкину двору, стреляет в голубей в ее окне, разбивает банку с лютым зельем (необычная деталь); Маринка грозит превратить Добрыню в клячу, тот в ответ угрожает оборотить ее в суку. На этом текст заканчивается.

Перед нами стяженная форма сюжета. Превращение Добрыни в некое животное (чаще всего – в тура) не происходит, а функция возможного ответного оборотничества от матери героя (или его сестры) переносится на самого богатыря.

Былина имеет примечание, характеризующее ее напев: «Первая часть поется протяжно, а начиная со стиха 16-го напев изменяется и темп учащается» (с. 80). Напомним еще раз, что былина имеет нотацию в четыре стиха.

«Алеша Попович и сестра Бродовичей» (38 стихов). Сюжет изложен полностью: пир; хвастовство братьев скромностью их сестры; опровержение Алеши Поповича; приход братьев под окна героини, бросание кома снега в окно; приглашение героиней Алеши Поповича в терем; казнь ее братьями. Однако былина потеряла многие эпические приметы. Здесь нет никаких признаков киевского мира. Традиционный эпический пир называется «беседой» («Беседа ли, беседа, / Смирная беседа») (ср. крестьянский быт с посиделками (беседами) и песенную лирику, знающую тему «беседы»). Братья героини потеряли свое имя (Бродовичи, Сбродовичи, Збродовичи). В былине появляется концовка с осуждением Алеши Поповича: «А Бог суди Алёшу: / Не дал пожить на свете!»

«Василий Буслаев и новгородцы» (41 стих). В тексте излагается основная коллизия, причем былина помнит главные топонимы и антропонимы сюжета: «Во стольном Нове-городе / Жила-была матера вдова / Амелфа Тимофеевна». Василий Буслаевич, сведя дружбу «со пьяницами, со безумниками», вступает в «кулачный бой» с новгородцами. Затем следует эпизод со старцем Пилигримцем, которого новгородский удалец убивает; «мужики новгородские» идут к Амел-

фе Тимофеевне, просят ее унять сына и обещают заплатить дани за 12 лет. Последняя деталь явно (и весьма неуместно) позаимствована из былин киевского цикла.

ВЫВОДЫ

Анализ топонима *Москва* в текстах былин демонстрирует, что это географическое имя занимает в эпосе хотя и периферийное, но заметное место. Топоним *Москва*, вошедший в былины не ранее XIV века, то есть уже после формирования жанра былин, вступает в сопряжение с другими, более ранними географическими именами русского эпоса (*Святая Русь, Киев, Чернигов, Новгород*). Топография русского эпоса включила в свое пространство этот локус.

Другой важный вывод касается записей былин в Московском регионе. Краткий обзор немногочисленных текстов позволяет сделать несколько наблюдений. Московский регион, по видимому, некогда имел достаточно полный былинный репертуар. Здесь зарегистрированы былины о всех трех главных русских богатырях киевского цикла (Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче) и о новгородском удалце Василии Буслаеве. Записаны 6 сюжетов, а с начальным эпизодом былины «Добрыня и Маринка» о наказе Добрыни жене не выходить замуж за Алешу Поповича – 7 сюжетов.

В XIX веке (и уже в первой половине столетия) местная былинная традиция находилась на последней стадии затухания. Все тексты – краткие. Излагают сюжеты в сжатом или фрагментарном виде, нередко трансформируя традиционные коллизии.

Тем не менее московские записи дают пищу для размышлений. Былины, подчеркнем, фиксировались в городах – в самой Москве и в Коломне; носителями песенно-эпической традиции были не привычные для фольклористов крестьяне, а городские мещане. Данные обстоятельства заставляют в очередной раз вспомнить концепцию главы исторической школы В. Ф. Миллера, который полагал, что песенный эпос сложился в княжеской дружине (дружинные певцы) и в сообществе древнерусских актерско-морохов (а следовательно, в городской среде). Из города былины «спустились» в крестьянские слои общества; Русскому Северу принадлежит заслуга и честь его сохранения до начала XX века. Записи былин в Московском регионе не противоречат этой концепции ученого. Во всяком случае, бытование былин в московской и коломенской городской мещанской среде – это примечательный факт, который фольклористика не должна упускать из виду.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Былины Западного Поморья – Былины Западного Поморья / Изд. подгот. Л. И. Петрова и Ю. И. Марченко. (Рукопись).

Былины Зимнего берега – Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; Отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 8).

Былины Зимнего берега. Крюкова – Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 9).

Былины Мезени – Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. 530 с.; 2004. 715 с.; 2006. 599 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 3–5).

Былины Печоры – Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 772 с.; 2001. 783 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 1–2).

Былины Пинеги – Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 973 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 7).

Былины Пудогы – Былины Пудогы / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. 1063 с.; 2014. 951 с.; 2015. 1295 с.; 2016. 883 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 16–18 (1–2)).

Гильф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949–1951. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 812 с.; Т. 3. 671 с.

Рыбн. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909–1910. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 727 с.; Т. 3. 432 с.

РЭПС – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 497 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. / Под ред. А. А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2002. Т. 1. 716 с. № 154, 159.
- ² Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77; Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1897. [Т. 1]. С. 65–96.
- ³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. С. 64–66.
- ⁴ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера. М.: Скоропечатня Левенсона, 1894. 88, 304 с. № 3, 23, 64.
- ⁵ Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Сов. композитор, 1981. 614 с.
- ⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. 144 с.
- ⁷ Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.
- ⁸ Русские народные песни, собранные П. В. Шейном // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 17; перепечатано: Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. 312 с.
- ⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. 144 с.
- ¹⁰ Рязанская энциклопедия: Справочные материалы. Т. 6: Археология. История (с древнейших времен по XVI век включительно). Рязань: Т-во «Рязанская энциклопедия», 1992. С. 108–109 (статья «Коломна»); С. 117–120 (статья «Московско-рязанские отношения»).
- ¹¹ Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.
- ¹² Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб.: Тип. «Общая польза», 1905. 270, 120 с.
- ¹³ Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1977. Т. 17. С. 176–184.
2. Анкин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1. С. 105–119.
3. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1975. 113 с.

4. Иванова Т. Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82–91.
5. Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с.
6. Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии севернорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2015. С. 11–21.
7. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 18–45.
8. Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1. С. 155–160.
9. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971. 360 с.
10. Чистов К. В. Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера // Славянская филология: Сборник статей / Редкол. В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3. С. 358–388. (IV Международный съезд славистов).

Поступила в редакцию 20.10.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatiana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

THE IMAGE OF MOSCOW IN RUSSIAN EPICS AND THE EPIC TRADITION OF THE MOSCOW REGION

Abstract. The central locus in Russian epics, to which all the heroes strive, is known to be Kiev, while Moscow occupies a peripheral place in the epic space. Nevertheless, according to the indexes of geographical names in the volumes of the “Epics” series of the Corpus of Russian Folklore, this toponym still holds a significant place, albeit not as central as Kiev. The purpose of this article is to comprehensively describe the role of Moscow in the epics, which has not yet been the subject of special consideration in folklore studies. It is noted that within the song-epic tradition there are late plots in which the conflict develops not in the Kiev space, but in the Moscow one (“Arrival of the Lithuanians”, “Rakhta Ragnozersky”). The study also delves into the attempts found in some texts to fit classical epic plots into the “Moscow era”. Similarly, Russian epic studies do not have a systematic understanding of the few recordings of epic songs from the Moscow region, which has never received much attention from folklorists. The epic tradition of the Moscow region is viewed in this study as being secondary to the epics of Vladimir-Suzdal Rus. It is noted that in this region epics were primarily recorded in cities (such as Moscow and Kolomna) rather than in villages, with the epic tradition being carried by urban middle-class citizens rather than peasants.

Key words: Moscow, epics, epic metropolises, Moscow region, epics’ records

For citation: Ivanova, T. G. The image of Moscow in Russian epics and the epic tradition of the Moscow region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):100–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1064

REFERENCES

1. Azbelev, S. N. Bylinas: New books. *Russian folklore: Problems of the “Corpus of Russian Folklore”*. (A. A. Gorelov, Ed.). Leningrad, 1977. Vol. 17. P. 176–184. (In Russ.)
2. Anikin, V. P. Concerning the historical study of bylinas. *Russian Literature*. 1984;1:105–119. (In Russ.)
3. Dmitrieva, S. I. Geographical distribution of Russian bylinas according to materials from the late XIX and the early XX centuries. Moscow, 1975. 113 p. (In Russ.)
4. Ivanova, T. G. Zaonezhye epic tradition and the problem of geographical distribution of bylinas. *Ryabinin Readings – 95: Proceedings of the international research conference on the problems of studying, preserving, and actualizing the folk culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 1997. P. 82–91. (In Russ.)
5. Ivanova, T. G. “Small” centers of the northern Russian epic tradition: Researches and texts. St. Petersburg, 2001. 454 p. (In Russ.)
6. Ivanova, T. G. “Big” and “small” metropolises of the northern Russian epic tradition. *Regional studies in folkloristics and ethno-linguistics – problems and prospects: Collection of research articles*. Moscow, 2015. P. 11–21. (In Russ.)
7. Neklyudov, S. Yu. Time and space in bylina. *Slavic folklore*. Moscow, 1972. P. 18–45. (In Russ.)
8. Rybakov, B. A. Russian epics and historical nihilism. *Russian Literature*. 1985;1:155–160. (In Russ.)
9. Soyumnov, A. D. P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad, 1971. 360 p. (In Russ.)
10. Chistov, K. V. Bylina “Rakhta Ragnozersky” and the legend about Rakhkoy from Ragnozero. *Slavic philology: Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 1958. Vol. 3. P. 358–388 (IV International Congress of Slavists). (In Russ.)

Received: 20 October 2023; accepted: 15 May 2024

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2023. – 544 с.

Для цитирования. Тарланов З. К. Рец. на кн.: Иванова Т. Г. Историческое пространство в былинах / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2023. – 544 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 113–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1065

Рецензируемая книга доктора филологических наук Татьяны Григорьевны Ивановой представляет собой фундаментальное, последовательно продуманное и скрупулезно выполненное монографическое исследование, посвященное разностороннему и исчерпывающему изучению исторического пространства в русских былинах на материале встречающихся в них топонимов. При этом имеется в виду не столько систематизация топонимов в качестве специфического фольклорного лексического материала, выражающего соответствующие типы отрезков исторического пространства в былинах, сколько выявление и объективирование их концептуальной роли и значимости для носителей эпического сознания и русского народного мировосприятия в целом. Формулируя одну из главных задач исследования, автор указывает на важность извлечения «основных смыслов, которые вкладываются в каждое географическое название» (с. 14). Исходные методологические положения, которыми руководствуется автор, ясно, емко и немногословно обозначены во Введении, в котором дан и краткий обзор работ предшественников, прямо или косвенно связанных с проблематикой монографии.

Исследование в целом построено в виде перевернутой трапеции: от более общих, более емких и более объемных топонимов «своего мира», в центре которого расположены локусы Русь, Святая Русь, Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Суздаль, Галич, Смоленск, Брянск, Новгород, Москва и др., включая и локусы их внутреннего исторического пространства, – к менее емким и менее значимым вплоть до единичных наименований «чужого (иногo) мира». Соответственно первая глава – это «Русь и Киевская земля», а последняя, десятая, глава – «Топонимы с неясной локализацией и фантазийные географические имена». Это безусловно логично и согласуется с фактическим материалом. Аналогично построены и другие векторы анализа материала, относящегося к топонимам земель непосредственных соседей Руси (Золотая Орда, Литва и Ляхово, Ливики и Литовская земля),

к христианским землям, к западному вектору, к восточному вектору и т. д. Отчетливо просматривается в исследовании и еще один параметр – хронологический, характеризующий историческое пространство былин Киевского и Московского периодов, а также разных территорий бытования былинных традиций. Отдельная глава посвящена древнерусским городам, с именами которых связаны биографии некоторых былинных богатырей, с краткими содержательными историческими очерками об этих городах – Ростове (откуда родом Алеша Попович) (с. 132), Суздале (город редкого былинного героя Суровца-Суздальца) (с. 138–140), Галиче (родина Дюка Степановича) (с. 142).

Очень впечатляющим является объем материала, который пронизывает все исследование от начала до конца и которым автор оперирует свободно и массово, сопоставляя варианты топонимических обозначений, включая и случаи сопряженных употреблений и их различий не только в записях от разных сказителей, являющихся носителями разных территориально-эпических традиций, но и от одного и того же сказителя в разное время. Здесь приводить примеры не имеет смысла, поскольку пришлось бы переписать всю книгу. Заметим, что богатство и разнообразие фактического материала – это одна из лучших традиций русской филологической науки. В этом смысле исследование Т. Г. Ивановой стоит в одном ряду с работами выдающихся русских филологов.

Тонкий текстологический анализ топонимов, их смыслов и концептуальной значимости во многих случаях органично сочетается с историческими справками по соответствующим локусам и мотивированными этимологическими экскурсами по историко-генетической судьбе собственно топонимов. Благодаря этому былины, как и представляемый ими концептуальный мир, естественно вводятся в широкий национальный историко-культурный контекст, тем самым реконструируются и актуализируются и историко-когнитивные потенции эпических текстов как таковых. Так, например, отметив, что «гео-

графические указатели к томам Свода русского фольклора свидетельствуют, что Чернигов, как правило, является вторым по частотности после Киева топонимом» (с. 78), автор дает краткую, но насыщенную историческую справку о географическом расположении Чернигова, о его возникновении, о древнейшем населении на территории его расположения, о ближайших к нему других городах, о черниговских князьях, о соотнесенных с Черниговом былинных сюжетах, привязанных к разным эпическим героям, о том, что это «свой» город, часто сопрягаемый с Киевом, а позже и с Москвой, о сказителях, в песенный репертуар которых входит топоним, об эпических средоточиях, в текстах которых он встречается с указанием частотности, о рефлексах межжанровых воздействий между былинами и другими текстами словесности (лубочной литературы) (с. 79–87) и т. д. Типологически аналогично строятся также разделы по другим локасам исторического пространства былин. Таким образом топоним и его обозначаемое включаются в этническую систему историко-культурных представлений и в историческое пространство начального и среднерусского периодов тысячелетней истории русской культуры. В принципиальном плане такова же и историко-культурная справка о гидрониме Дунай, который, по свидетельству автора, «к Киевскому пространству не относится. Однако в былинах эта река, наделенная глубокими мифологическими смыслами, связана с Киевской землей» (с. 185). Безусловно плодотворны, эвристически уместны и оправданны исторические параллели, которые обнаруживает автор между событиями в эпических текстах и в текстах летописных, а также в хрониках других народов, тем самым доказывая значимость эпических текстов в качестве устных исторических свидетельств, сохранившихся в народной памяти. Таковы, например, свидетельства по истории Суздаля, почерпнутые из венгерской хроники «Gesta Hungarorum» под 884 годом и Лаврентьевской летописи, в которой город впервые упоминается под 1024 годом «в связи с восстанием волхвов, выступавших против христианства» (с. 138). См. также запись в «Повести временных лет» под 862 годом о Ростове и там же запись под 882 годом о Смоленске и под 862 годом о Новгороде. Аналогичных мотивированных параллелей в монографии много.

Отдельно и подробно исследованы «поздние топонимы» – топонимы, относящиеся к исто-

рическому пространству былин периода Московского государства XIV–XVI веков.

Исследование убеждает в том, что «песенный эпос отражает реальное географическое пространство Древнерусского государства» (с. 213) на протяжении всей его истории, охваченной эпической традицией. Показано, что процессы, связанные с функционированием и динамикой эпических пространственных топонимов, вплоть до их затухания, изоморфны. В то же время несколько своеобразной оказывается жизнь былинных гидронимов, которые

«в разной степени проявляют мифические основы водного пространства. Реальная река *Дунай*, географически не принадлежащая киевскому миру, в былинах вписывается в киевский цикл и наиболее ярко манифестирует мифические смыслы» (с. 213).

Автор демонстрирует абсолютную точность не только в фольклорно-историко-филологическом толковании и комментировании анализируемых явлений, но и тогда, когда представляет читателю соответствующий локус исторического пространства. Вот как, например, описывается родина Ильи Муромца, село Карачарово:

«*Карачарово* – это реальное село (ныне микрорайон г. Муром), известное по письменным источникам с XVII в. как вотчина князей Черкасских. Впоследствии оно принадлежало Шереметевым, а затем в качестве приданого одной из представительниц этого рода перешло к С. С. Уварову. Его сын археолог А. С. Уваров раскопал в районе Карачарова стоянку каменного века» (с. 114).

Татьяна Григорьевна щепетильно корректна при оценке научных суждений своих предшественников, даже если с ними не согласна в принципе. Это показатель высокой этической культуры и приверженности традициям русской академической науки.

Книга прекрасно оформлена и издана. Читается с большим интересом и пользой. Написана образцовым и доступным даже широкому читателю языком, стилистически безупречна.

Монография Т. Г. Ивановой – это глубокое, исчерпывающее разностороннее исследование исторического пространства в русских былинах, выполненное на высоком уровне русской академической науки, которое займет свое отдельное место в ряду выдающихся трудов, посвященных русскому эпическому творчеству. На мой взгляд, было бы справедливо выдвинуть его на соискание премии Российской академии наук, а его автора – в члены-корреспонденты Российской академии наук.

Поступила в редакцию 04.04.2024; принята к публикации 20.05.2024

Review

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
savtar@sampo.ru

The book review: Ivanova, T. G. *Historical space in bylinas*. St. Petersburg, 2023. 544 p.

For citation: Tarlanov, Z. K. The book review: Ivanova, T. G. *Historical space in bylinas*. St. Petersburg, 2023. 544 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):113–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1065

Received: 4 April 2024; accepted: 20 May 2024

6 июля 2024 года исполняется 90 лет доктору филологических наук, профессору, литературоведу, фольклористу, литературному критику *Софье Михайловне Лойтер*.
Фото Натальи Гин

Celebrating the 90th birthday anniversary of *Sofia M. Loiter*.
Photo by Natalia Gin

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

К 90-летию со дня рождения

С. М. Лойтер родилась в г. Житомире. Когда началась Великая Отечественная война, семью эвакуировали в г. Мирзачуль Узбекской ССР (сейчас это г. Гюлистан). В 1952 году окончила среднюю школу № 17 в Житомире. В 1953 году поступила в Петрозаводский государственный университет, который окончила с отличием. С первого курса С. М. Лойтер – активная участница кружка детской литературы, организованного И. П. Лупановой. По окончании университета работала учителем русского языка и литературы в Надвоицкой сельской школе № 2 Сеgezского района. После возвращения в Петрозаводск заочно окончила Библиотечный техникум (Училище культуры), была библиотекарем, библиографом и заведующим отделом старшего возраста в Республиканской детской библиотеке. В 1961 году поступила в заочную аспирантуру по кафедре детской литературы Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. В 1965 году, окончив ее, прошла по конкурсу на кафедру литературы КГПИ, где была ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором. В 1967 году в Петрозаводском государственном университете защитила кандидатскую диссертацию, докторскую защитила там же в 2002 году. После объединения вузов работала в ПетрГУ, откуда в 2014 году вышла на пенсию.

За последние десять лет Софьей Михайловной опубликовано более 60 работ (общее количество – более 360). Среди них книга «От Пудожа до Парижа», статьи в академических сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Ижевска, научных изданиях КарНЦ РАН, «Ученых записках Петрозаводского государственного университета».

С. М. Лойтер – участник всех девяти конференций «Рябининские чтения», международных и российских конференций и семинаров ПетрГУ, КарНЦ РАН, Пушкинского Дома. Под ее руководством защищены три кандидатские диссертации.

Награждена медалью «За трудовое отличие», знаками «Отличник народного просвещения» и «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», имеет звание «Заслуженный деятель науки РК».

От всей души поздравляем Софью Михайловну с юбилеем, желаем здоровья и продолжения сотрудничества!

С ЮБИЛЕЕМ, ДОРОГАЯ СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА!

6 июля юбилейная дата для С. М. Лойтер. 90 лет – это серьезно, 90 лет – это достойно. В эти дни сама юбиляр оглядывается на прошедшие годы, и мы, коллеги, также смотрим на пройденный путь в науке, путь, вызывающий бесконечное уважение и восхищение. Когда-то, в 1955 году, в петрозаводской газете «Ленинская правда» была напечатана рецензия Софьи Лойтер на роман «Беломорье» А. М. Линевского. В ней, как в бутоне цветка, – и любовь к литературе, и любовь к родной Карелии. Из маленькой рецензии потом развернулось многоцветье научных трудов профессора С. М. Лойтер.

Сначала была детская литература. Студенческая статья «Повесть Льва Кассиля “Ранний восход”» была опубликована в «Сборнике научных работ студентов Петрозаводского государственного университета» в 1957 году, еще до окончания университета (1958). Книги светлого писателя Льва Кассиля, на которых выросли многие поколения советских детей, стали предметом кандидатской диссертации «Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля» (1967). В 1973 году на основе диссертации была издана первая книга – «Там, за горизонтом: Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля». Слово «романтический» является ключевым не только для понимания творчества героя исследований Софьи Михайловны, но, как нам кажется, и для собственного миропонимания. Несмотря на все перипетии жизни, непростой и иногда очень жестокой, в нашем бытии есть светлая романтика, есть она и в жизни Софьи Михайловны. К 1973 году за плечами было уже множество статей о детской литературе, с 1964 года С. М. Лойтер преподаватель Карельского государственного педагогического института (КГПИ), которому отдаст сорок лет жизни.

В последней книге «От Пудожа до Парижа. Избранное: эссе, очерки, статьи» (2020), собранной из отдельных очерков, она назовет раздел со статьями о литературе «Мое другое поле», первым обозначая устную народную поэзию (раздел «Моя фольклористика»). Но первым полем все-таки была литература: «Л. Кассиль – критик детской литературы» (1981), «Писатель-сказитель Степан Писахов» (1985), «Заметки о Марии Петровых» (1995), «Дар детского писателя: О творчестве И. Вострякова» (2001), «“Я плакальщица стою веду за собой...”»: Традиция плача в поэзии А. Ахматовой» (2002) и другие.

Для нас же, специалистов по традиционной культуре, Софья Михайловна является прежде всего фольклористом. Мостик в ее научном творчестве от литературы к фольклору естествен – он проходит через поле детства. В 1971 году организовала первую студенческую фольклорную экспедицию в Пудожье, а затем одна за другой стали появляться рецензии на фольклористические труды, статьи, посвященные различным проблемам устной народной традиции, и прежде всего – детскому фольклору.

В безбрежном море (или в широчайшем поле) народной поэзии Софья Михайловна избрала детский фольклор. В настоящее время она ведущий в России фольклорист в области детской народной поэзии. Ее труды являются путеводной нитью, которая помогает исследователям погрузиться в непростую проблематику детского фольклора. Работая исключительно в сфере детства всего лишь одного региона – Карелии, Софья Михайловна смогла поднять многие теоретические проблемы детского народного творчества и открыть новые стороны детской фольклорной культуры в целом. Мы любим и ценим ее книги по детской народной словесности. В 1991 году вышел в свет подготовленный ею сборник «Русский детский фольклор Карелии». Это одно из первых полнообъемных региональных изданий по устной поэзии детей. Через четыре года появилось пособие-хрестоматия «Современный школьный фольклор» (совместно с Е. М. Неёловым), посвященное устным традициям современной школы. В фольклорной культуре детства С. М. Лойтер обратила внимание на игровые утопии: «Игра в страну-мечту как явление детского фольклора» (1992), «Детские утопии, или Игра в страну-мечту как явление детского фольклора» (1998), «Древнегреческие истоки русских детских игровых утопий первой трети XX в.» (2007) и др. Эти статьи и небольшая брошюра «Феномен детской субкультуры» (1999) открыли научной общественности неописанную дотоле игру в страну-мечту, которая не что иное, как поиски романтического в детской культуре.

Книга «Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты» (2001) предлагает читателю прочтение мифологических основ детских текстов, анализ детских мифологических рассказов (с указателем типов и сюжетов-мотивов). Еще одна книга – «Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты» (2013), где детская народная поэзия

предстает как творческая, живая традиция, рождает у читателя ностальгию по детству.

Литература и фольклор – два поля научных интересов – переплетаются, постоянно взаимодействуют в трудах Софьи Михайловны: статьи «Фольклорные сюжеты и образы в книгах Б. Шергина для детей» (1979), «Юмор “Кондуита и Швамбрании” Л. Кассиля и детский фольклор» (1979) и множество других. В монографии «Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору» (2005), обращаясь к творчеству К. Чуковского, С. Маршака, Е. Благиной, Б. Заходера и других поэтов советского времени, она описывает фольклорные основы литературных произведений и здесь же публикует небольшую подборку детского поэтического фольклора из материалов, собранных в 1998–2004 годах в КГПИ. Докторская диссертация – «Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия» (2002) – также смыкает литературу и фольклор.

Софья Михайловна умеет работать в команде, всегда оставаясь надежным звеном в коллективных проектах. Для трехтомной энциклопедии «Карелия» ею написаны словарные статьи «Былина», «Детский фольклор», «Загадка», «Фольклор», статьи о фольклористах А. Ф. Гильфердинге, Б. М. и Ю. М. Соколовых, оставивших свой след в изучении устной народной традиции Карелии, и о своих учителях и коллегах – И. П. Лупановой, П. А. Рудневе, К. В. Чистове. Здесь же и статья о дорогом человеке – учителе и родственнике Моисее Михайловиче Гине. Мы очень благодарны Софье Михайловне за ее бесценное участие в проекте Пушкинского Дома «Русские фольклористы. XVIII–XIX вв.: Биобиблиографический словарь» (статьи о П. Т. Виноградове, Ф. И. Дозе, К. М. Петрове).

Любая словарная статья – это маленькое подведение итогов определенного сегмента в науке. История науки занимает важное место в научных интересах С. М. Лойтер. Ей принадлежат открытия в области карельской фольклористики. Это именно она воскресила для науки о «живой старине» имена учительницы из Сенной Губы Елизаветы Васильевны Ржановской («Из истории собирания детского фольклора Карелии (Учитель-краевед Е. В. Ржановская)», 1989; «Е. В. Ржановская – собиратель русского фольклора Карелии», 1991; «Из коллекции детского фольклора Е. В. Ржановской», 1994; «Учитель из Заонежья:

Е. В. Ржановская», 1996; «Пословицы и поговорки Заонежья: собрание Е. В. Ржановской», 2001; «Экспедиция Б. М. и Ю. М. Соколовых “По следам Рыбникова и Гильфердинга” и ее участница Е. В. Ржановская», 2012) и крестьянина-помора Ивана Матвеевича Дурова («Краевед И. М. Дуров – собиратель детского фольклора Карелии», 2001; «Краеведы Карелии в фольклористике (Иван Матвеевич Дуров)», 2001; «Фольклорное краеведение Карелии (Жизнь и судьба И. М. Дурова)», 2009).

Отдельной страницей – долгой страницей – в ее жизни являются «Рябининские чтения». Начиная с 1995 года в сборниках, отражающих этот форум российских фольклористов, печатаются доклады С. М. Лойтер, посвященные детскому фольклору («Детская повествовательная традиция», 1997; «Севернорусские варианты старинных детских игр», 2003; «Некоторые общие проблемы изучения и издания детского фольклора», 2011; «И снова: игра в страну-мечту или детские утопии и их северные архетипические истоки», 2019) и проблемам истории отечественной фольклористики («Второе издание “Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым”», 2000; «Краеведы Карелии в фольклористике (Н. С. Шайжин)», 2007; «Об этнолокальной фольклорной традиции Водлозерья», 2015). В последние годы здоровье уже не позволяло лично приезжать на конференцию. Но видеодоклады (спасибо современным технологиям!) дают возможность «Рябининским чтениям» не прерывать связь с Софьей Михайловной. В сентябре 2023 года на «Рябининских чтениях» звучало ее теплое обращение к участникам форума.

Жизнь прожить – не поле перейти. Все трудности и невзгоды Софья Михайловна переживает достойно, давая нам всем пример мужества. Мы поражаемся ее энергии. В год своего юбилея она уже успела в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета» напечатать работы памяти Александра Федоровича Белоусова и «Карельская народная сказка “Царь Давид” (К вопросу о жанровой традиционности и идентичности)» (совместно с И. Сухоцкой). Уверены, что будут и другие публикации.

В дни юбилея примите и наше – фольклористов Пушкинского Дома – поздравление. Желаем Вам, дорогая Софья Михайловна, здоровья и творческого долголетия!

CONTENTS

<p>Editorial note ..... 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Zhukova O. Yu., Zaitseva N. G.</i> “CRAWLING-HISSING”: NAMES FOR THE CONCEPT “SNAKE” IN THE VEPSIAN LANGUAGE (A STUDY OF DIALECT AND FOLKLORE MATERIALS) ..... 8</p> <p><i>Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V.</i> ATTRIBUTES <i>RUMA</i> AND <i>TUHMU / TUHMA</i> AS NOMINATIONS OF AN UGLY PERSON IN THE KARELIAN LANGUAGE. .... 15</p> <p><i>Krasnobaieva-Chernaya Zh. V.</i> PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF MONETARY ORIENTATIONS ..... 21</p> <p><i>Malykhina T. M., Kuzmina A. V.</i> COMPOSITION AND SEMANTICS OF ADVERBS OF TIME IN RUSSIAN FOLK LYRIC SONGS ..... 30</p> <p><i>Skrebtsova T. G.</i> <i>V NATURE, PO ZHIZNI, V REALE, PO FAKTU:</i> NEW MARKERS OF AUTHENTICITY. .... 36</p> <p><i>Soboleva A. E.</i> CHURCH SLAVONIC VS RUTHENIAN: THE LANGUAGE OF THE VILNA PSALTER ..... 44</p> <p><i>Horohorin P. A.</i> MODELS OF INTEGRATING KARELIAN <i>-L-</i> TYPE OIKONYMY INTO THE OFFICIAL RUSSIAN TOPOSYSTEM ..... 55</p> <p>CLASSICAL, BYZANTINE, AND NEW GREEK PHILOLOGY</p> <p><i>Ouroumidou V. G.</i> A STUDY OF RUSSIAN-GREEK AND GREEK-RUSSIAN ONLINE DICTIONARIES ..... 62</p>	<p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Volkova T. F., Kryukova A. A.</i> ANCIENT RUSSIAN ESCHATOLOGICAL WORKS AS PART OF PECHORA MANUSCRIPT COLLECTIONS ..... 68</p> <p><i>Chernyak M. A.</i> CHILDREN’S LITERATURE IN “THICK” JOURNALS: REVISITING THE TRANSFORMATION OF CHILDREN’S READING MODEL ..... 77</p> <p>WORLD LITERATURES</p> <p><i>Timoshkina M. I., Sharapenkova N. G.</i> TRANSFORMATION OF THE ROMANTIC TRADITION IN THE WORKS OF GUSTAV MEYRINK AND HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT ..... 85</p> <p><i>Zarytovskaya V. N.</i> NAGUIB MAHFOUZ – NOBEL PRIZE WINNER FOR LITERATURE FROM THE ARAB WORLD: THE FIRST OR THE ONLY? ..... 95</p> <p>FOLKLORISTICS</p> <p><i>Ivanova T. G.</i> THE IMAGE OF MOSCOW IN RUSSIAN EPICS AND THE EPIC TRADITION OF THE MOSCOW REGION ..... 100</p> <p>Reviews</p> <p><i>Tarlanov Z. K.</i> The book review: Ivanova, T. G. Historical space in bylinas ..... 113</p> <p>Anniversaries</p> <p>Celebrating the 90th birthday anniversary of Sofia M. Loiter ..... 115</p>
--	---

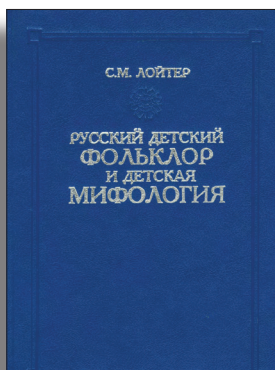

С. Лойтер

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ...

Книга о творчестве, художественном методе Льва Кассиля, известного советского писателя, о романтике его произведений, ставших любимым чтением советских детей.

Лойтер С. М. Там, за горизонтом... (Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля). М.: Детская литература, 1973. 120 с.

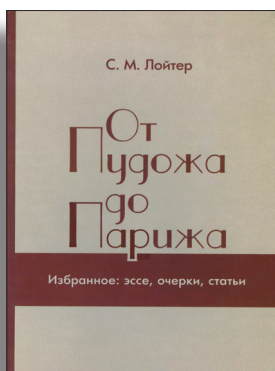
С. М. Лойтер

РУССКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ДЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Монография С. М. Лойтер – итог многолетней работы автора в области детского фольклора и детской литературы. Входящие в нее исследования охватывают проблемы, касающиеся объема, содержания и границ понятия «детский фольклор», его специфики, архаической мифологии детской поэтической классики, современной детской мифологии, отдельных проблем поэтики. Текстовый материал широко представляет детскую традицию Карелии и особо знаменитого в мировой фольклористике региона – Заонежья.

Книга рассчитана как на профессионалов – фольклористов, этнографов, литературоведов, так и на всех интересующихся проблемами «культуры детства» – педагогов, психологов, лингвистов.

Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. – Петрозаводск: КГПУ, 2001. – 296 с.

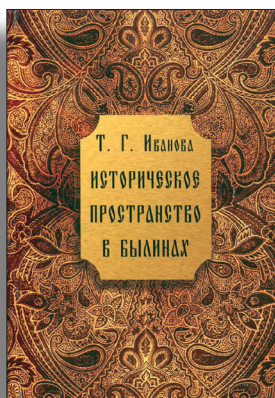
С. М. Лойтер

ОТ ПУДОЖА ДО ПАРИЖА Избранное: эссе, очерки, статьи

Книга избранных работ, написанных в разных жанрах в течение более 60 лет. Они отражают спектр научных занятий, литературных интересов, увлечений, привязанностей и пристрастий, впечатлений и пережитого.

Книга рассчитана на широкого любознательного читателя.

Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа : избранное : эссе, очерки, статьи. – Петрозаводск : Версо, 2020. – 199 с.

Т. Г. Иванова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В БЫЛИНАХ

В монографии рассматривается историческое пространство в былинах, выраженное в топонимах. В центре внимания находится система топонимов, подчиняющаяся координатам «свой» / «чужой», «исконные» / «поздние» топонимы, «географические названия, отвечающие реальным локусам» / «топонимы с неясной локализацией», «реальные локусы» / «выдуманные, фантазийные локусы». Специально анализируется концептуальность каждого из топонимов; выделяются основные смыслы, которые вкладываются в каждое географическое название. Предметом внимания является формульное поле, связанное с топонимами, а также региональное своеобразие мира топонимов.

Иванова, Т. Г. Историческое пространство в былинах / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2023. – 544 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

